НОВАЯ ПОЛЬША

№5 (152) 2013

ТОМАШ КИЗНЫЙ ПЕРЕД ВЫСТРЕЛОМ

МАРТИН ВОЙЦЕХОВСКИЙ БЕЗ ЛИЦЕМЕРИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ

ЮЗЕФ ЧАПСКИЙ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЛЬСКОСТИ

ВОЙЦЕХ МАЗЯРСКИЙ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПОЛЬШУ

МИХАЛ ПОТОЦКИЙ О ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

70 ЛЕТ НАЗАД ЕВРЕИ ВАРШАВСКОГО ГЕТТО ПОДНЯЛИ ПЕРВОЕ В ВАРШАВЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ - НЕ НАДЕЯСЬ ПОБЕДИТЬ, НО ЖЕЛАЯ УМЕРЕТЬ С ВЫСОКО ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ. ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ!

НОВАЯ ПОЛЬША

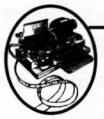
№ 5 (152)
2013
май

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Мартин Войцеховский 3
МОЖЕТ ЛИ ЛЯХ ПОДРУЖИТЬСЯ С МОСКАЛЕМ?

Павел Фигурский 5
СОВРЕМЕННЫЕ ДВАДЦАТИЛЕТНИЕ



Виктор Кулерский 9
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Войцех Мазярский 19
РУССКИЕ АГЕНТЫ ЗАГРАНИЦЫ

Витольд М. Орловский 21
ВРЕМЯ ДЛЯ ЕВРО?

Адам Домбровский, Агата Грабау 24
ПОЛЯКИ ПОКОРЯЮТ БРИТАНСКИЕ ОСТРОВА

Михал Потоцкий 29
ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В СИБИРИ

Юзеф Чапский 33
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЛЬСКОСТИ

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПОЛЬШЕ 36
Беседа с проф. Каролем Карским

Богуслава Лятавец 39
ТЕМНАЯ КОМНАТА (отрывки)

Лешек Шаруга 46
ПРОЯСНЕНИЕ

Казимеж Браконецкий 48
ПРАЗДНИК БОГОЯВЛЕНИЯ

Александр Вирпша 57
ВСЕМИРНЫЙ ПРОВИНЦИАЛ

Эльжбета Савицкая 59
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Игорь Белов 63
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЖИ ПОМЯНОВСКОГО В ВАРШАВЕ

Эльжбета Савицкая 66
ПРИКЛЮЧЕНИЕ С БАБЕЛЕМ

ЧТОБЫ НЕ ЖАЛОВАТЬСЯ 69
Беседа с Доротой Кендзежавской

Лешек Шаруга 71
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Яцек Глажевский 75
ПОДКОРКОВЫЕ ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРЫ

Анджей Фришке 78
ТРУДНЫЙ РОМАН С ПОЛЬШЕЙ

ФОТОГРАФИИ ЖЕРТВ СТАЛИНА 82
КАК ПОСМЕРТНЫЕ МАСКИ, СНЯТЫЕ ПРИ ЖИЗНИ
Альбом Томаша Кизного «Большой террор»

Переводчики: И. Белов, А. Векшина, Е. Гендель, Т. Дубинина, В. Иванов, Н. Кузнецов, В. Окунь, Д. Пелихов, С. Политыко
© Фото: E. Lempp (стр.46), T. Kizny (стр. 82)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

Мартин Войцеховский

МОЖЕТ ЛИ ЛЯХ ПОДРУЖИТЬСЯ С МОСКАЛЕМ?

«У поляков однозначно отрицательный сложился образ России как государства: на нее смотрят как на недружественное Польше, не вызывающее доверия, управляемое авторитарно и одновременно плохо организованное, неэффективное государство, полное контрастов и патологических отклонений». Это следует из последних опросов, посвященных мнению поляков и россиян друг о друге, проведенных в ноябре и декабре по заказу созданных правительствами обеих стран Центров диалога и согласия.

«Намерения Польши по отношению к России воспринимаются неоднозначно, скорее негативно. Хуже, чем Польша, к России относятся только Литва и США» — такая картина, в свою очередь, складывается по результатам опроса, проведенного в России, и это еще можно назвать смягченными выводами.

Углубленное изучение отношения друг к другу поляков и русских проводятся редко. В последний раз подобная работа была предпринята в конце 2001 г., перед первым визитом президента Владимира Путина в Варшаву, который должен был улучшить наши отношения. Позднее как правило к другим, более широким опросам в обеих странах добавлялись только отдельные вопросы, как это было, например, перед визитом в Варшаву президента Дмитрия Медведева в декабре 2010 года. Сейчас по заказу Центров диалога и согласия проведен опрос «Общественный диагноз-2013», результаты которого будут официально объявлены в четверг.

Возникающий образ — невеселый. Для россиян Польша — третья вражеская страна после Литвы и США. Поляки, в свою очередь, рассматривают Россию как самого далекого ментально и культурно и самого недружелюбно настроенного из всех соседей. Недоверие усугубляется неверием в то, что Россия сможет открыто и честно объяснить причину смоленской катастрофы. Только треть поляков считает, что Россия в этой связи занимает нормальную позицию по отношению к Польше. В свою очередь, у россиян сохранилось убеждение, что поляки постоянно что-то замышляют против России и что антирусская направленность — один из главных механизмов наших общественных и политических действий.

К этому нужно добавить очень слабое знакомство с соседней страной как у поляков, так и у россиян: только 11% поляков бывали в России, и лишь 8% россиян когда-либо были в Польше. Но если поляки признаются, что охотно поехали бы в Россию и что для них это привлекательное туристическое направление, то русских Польша не слишком интересует. Впрочем, опросы фокусных групп (нерепрезентативные исследования) показали, что среднестатистический россиянин не получает туристических предложений в Польшу, а только в другие европейские страны, а Польшу если и посещает, то проездом на Запад.

В комментариях к опросам социологи отмечают, что поляки и русские приписывают друг другу противоположные черты. Русские считают, что их характеризует свобода, открытость и смелость, полякам же приписывают предприимчивость, религиозность, уважение к традициям и порядку. В свою очередь, поляки называют россиян покорными любой власти, какой бы она ни была, а у себя отмечают свободолюбие и привязанность к семейным ценностям, традициям.

В 2001 г. нормальными и дружественными взаимоотношения между нашими государствами называли соответственно 75% россиян и 51% поляков (опрос польского Агентства общественных исследований PBS и Московского центра международных социологических исследований). Тогда казалось, что единственной преградой между нами остаются исторические вопросы, такие как неразрешенная проблема катынского преступления, но что как только они будут сняты, всё будет хорошо. Сегодня мы далеко продвинулись в направлении исторического диалога, в том числе благодаря Польско-российской группе по сложным вопросам, а относимся друг к другу гораздо хуже.

Стала ли причиной кризиса только катастрофа под Смоленском? Это, конечно, один из важнейших факторов с польской стороны. Но почему русские, которые десять лет назад были настроены так доброжелательно, теперь относятся к нам столь отрицательно? Социологи не дают однозначного ответа на этот вопрос. «Польша не предпринимает достаточных усилий для улучшения отношений или даже не стремится к их улучшению» — таков один из выводов опроса среди россиян. Но правда ли это, и откуда они это знают? Ведь они сами признаются, что сведения о Польше черпают в основном из государственных СМИ (прежде всего — из контролируемого Кремлем телевидения, в меньшей степени — из интернета). Значит, возможно, стоит уделить больше внимания тому, как российские телеканалы говорят о Польше. А говорят они о ней в основном в связи с конфликтами, шероховатостями и противоречиями.

В случае поляков многие негативные оценки соседей можно списать на смоленскую катастрофу и на то, что́ устраивают вокруг нее некоторые политические партии. Но, с другой стороны, сложно обвинить ПиС в том, что Россия воспринимается как государство всё более и более авторитарное. Приходящие с востока сообщения о репрессиях оппозиции, о закручивании гаек только укрепляют мир во мнении, что страна развивается в антиевропейском и антидемократическом направлении. Поэтому для Польши самым эффективным лекарством от плохого образа России была бы ее демократизация.

Радует, что несмотря на различия оба народа настроены довольно прагматично — это видно особенно по опросам фокусных групп. В них появляются призывы к сотрудничеству там, где это возможно, к тому, чтобы делать бизнес, использовать те шансы, которые предоставляются, а на различия обращать меньше внимания. С российской стороны также заметна склонность к прагматизму и надежда, что Польша, будучи тесно связанной с Евросоюзом, будет менее антироссийской. Представители обеих стран говорят, что нас могут сблизить культура, бизнес, туризм и обмен молодежью, у которой меньше всего предрассудков.

Вопрос только в том, захотят ли политики обоих государств прислушаться к этому голосу, или скорее удовлетворятся тем, что дела обстоят плохо — ведь это можно успешно использовать в качестве инструмента в политических баталиях на внутренней сцене.

■

Опрос «Польша — Россия: Общественный диагноз-2013» проведен в ноябре и декабре по заказу Центров диалога и согласия обоих государств, действующих в Варшаве и Москве. Его результаты были представлены в Варшаве 7 марта.

gazeta WYBORCZA

Мартин Войцеховский много лет был журналистом «Газеты выборчей», в настоящее время — вице-председатель Фонда международной солидарности.

Павел Фигурский

СОВРЕМЕННЫЕ ДВАДЦАТИЛЕТНИЕ

Избалованы или знают себе цену?

Двадцатилетние 60 лет тому назад

У тех, кто взрослел в середине прошлого века, не было таких возможностей для развития, как у молодых людей в наши дни. У них были другие мечты, в чем можно убедиться, обратившись к польской литературе.

«Во время корейской войны распространился слух, что из Польши должны поехать добровольцы в Корею (...) Многие из тех, кто до этого уклонялся от воинской службы, аргументируя свою негодность стенокардией, двусторонней грыжей и глухотой, начали вдруг объявлять себя добровольцами; цель этих махинаций была ясна: речь шла о том, чтобы с высоко поднятыми руками перейти к генералу Макартуру.

Конечно, немногие при этом задумывались о том, что можно погибнуть от рук тех самых американцев, к которым они жаждали сбежать; эти годы, однако, были самыми ужасными, и перспектива расстаться с жизнью или остаться калекой не отпугивала вероятных добровольцев». Это из книги Марека Хласко «Красивые двадцатилетние», из которого видно, о чем мечтало послевоенное поколение. А мечтало оно прежде всего о свободе, пусть любой ценой.

Двадцатилетние 20 лет тому назад

«Поколение 2000», как называли тех, кто достиг совершеннолетия на рубеже тысячелетий, о свободе могло не беспокоиться.

Какими были в то время люди, родившиеся около 1980 года? Это демонстрирует статья «На острове сокровищ» Павла Вуйца, опубликованная 9 января 1999 г. в «Газете выборчей», в которой приведен диалог, состоявшийся у автора текста с двадцатилетним тогда сотрудником газеты.

«Как-то раз на лестнице я спросил его, почему он принимает всё так близко к сердцу.

— Ты ничего не понимаешь, — заявил он.

— Почему?

— Ты из другого поколения. Ты пенопласт. — Я по-прежнему не понимал. — Вам не нужно ничего уметь, — объяснял он. — Вы были первыми, учились на ходу, и теперь то, что нужно, знаете из жизни. И ваше место у вас никто не отберет. А мне нельзя совершить ошибку.

— Почему?

— Потому, что шестеро моих однокурсников только и ждут, чтобы мое место освободилось».

«Поколение-2000» состояло из тех, кто родился еще в ПНР, помнит серость последних лет Народной Польши, но период их созревания пришелся на годы преобразований, поэтому их еще называют «детьми свободного рынка».

Чем отличались тогдашние двадцатилетние? В статье «На острове сокровищ» мы читаем, что им очень хотелось подражать тому, что творилось на Западе, но при этом у них не было комплексов по отношению к молодым американцам или жителям Евросоюза, состоявшего тогда еще из пятнадцати государств. Они были современными — каждый третий пользовался компьютером, а половина слушала компактные плейеры и смотрела кабельное либо спутниковое телевидение. Еще они были оптимистами — как следовало из доклада «Поколение конца века» Института исследований рынка SMG/KRC Poland, соответственно 80, 90 и 91% были убеждены, что будут жить в свободном мире и у них будет и работа, и деньги. Кроме того, 80% представителей «Поколения-2000» были настолько удовлетворены общим состоянием дел в мире, что утверждали, что никогда не станут бунтовщиками. Однако и улучшать этот мир они не хотели, к этому был склонен лишь каждый четвертый, большую часть интересовало создание комфортных условий в существующей реальности только для себя.

Современные двадцатилетние

Судя по последнему высказыванию, они немногим отличаются от тех, кто родился уже в Третьей Речи Посполитой. Согласно докладу «Молодые-2011» канцелярии совета министров, лишь каждый пятый из опрошенных желает трудиться для блага других, тогда как для половины важнейшая цель — это забота о себе и своих близких; стоит еще добавить, что 45% респондентов считают, что следует держаться подальше от политики.

Этот результат при сопоставлении с явкой во время парламентских выборов 2011 г., составившей точно 48,92%, может означать, что, с точки зрения вовлеченности в политические проблемы, это поколение не слишком отстает от общества в целом.

Что еще следует из доклада? Нынешние двадцатилетние делают ставку на образование. Именно в нем они усматривают шанс на осуществление своей цели — получить творческую работу и обзавестись детьми. Это не поколение просителей, оно не ждет подарков от государства. Единственное, чего они хотят, это поддержки на рынке труда. Есть у них и конкретное представление о работе, которую они хотели бы выполнять. Они видят себя людьми, делающими блестящую карьеру, но на рабочем месте для них важнее всего независимость, отсюда мечты о руководящих должностях либо ведении собственной экономической деятельности.

При всем этом у них неодобрительное отношение к профессиональной мобильности, хотя они осознают условия, которые диктует современный рынок труда, принадлежащий, несомненно, работодателям, а не работникам. Современные молодые поляки приходят на рынок труда позже, чем их ровесники из Евросоюза, но в то же время они несколько чаще сочетают работу с учебой, что облегчает им поиски работы после получения диплома о высшем образовании.

На эту активность людей, родившихся после 1990 г., обращает внимание доктор Патриция Шосток с факультета общественных наук Силезского университета, говоря о молодых студентах: «Это очень активные люди. Они приходят в университет уже с каким-то профессиональным опытом, учатся по нескольким специальностям, и при этом всё больше участвуют в студенческой общественной жизни — научные кружки, самоуправление, это их очень занимает. Прежде всего, однако, важно, что на рынке труда они уже не полные новички. В подтверждение этого я попросила своих студентов подготовить резюме и список мотиваций, чтобы провести имитацию собеседования. Они претендовали на такие должности, для которых у них был достаточный опыт, так как все они в жизни уже что-то делали, что-то умели. Сегодня не работает лишь ничтожная часть студентов. Рассматривают ли они учебу как дополнение? Да, им известно, что образование необходимо, но они не тянут с устройством на работу до получения диплома, так как и без него пока прекрасно справляются».

Сломленные или возмущенные?

Намного менее оптимистический портрет двадцатилетних можно увидеть в опубликованной на портале Temat.pl статье «Сломленное поколение двадцатилетних. Они не знают, что хотят делать, поэтому не делают ничего». Особенна строга к этой когорте Дорота Завадская, развивающий психолог, которая утверждает: «Я называю их потерянным поколением, может быть, сломленным, обиженным. Они ничего не знают о себе, не знают, чего хотят. У них есть ожидания, навязанные им внешним миром, они чувствуют, что должны делать то или другое. Но они не знают, нравится ли им это, хорошо ли это для них, нужно ли это им и, в первую очередь, как им к чему-либо приступить».

В другом месте популярный психолог, однако, замечает, что ответственность за такое положение вещей несет старшее поколение: «Ответственность лежит на нас. Мы не научили их работать, учиться самостоятельно мыслить. Они хотят скорее брать, чем отдавать, потому что приучены к этому. У многих из этих людей есть идентификационно-личностные проблемы на грани депрессии, психоза тревоги. Говоря с молодыми, я объясняю им, что жизнь состоит не только из фейерверков. Она, в общем-то, скучна. Но они не соглашаются с этим. Им хочется ежедневного праздника. Они не хотят видеть жизнь в сером цвете. (...) Они сами не знают, чего хотят, а ждут, что всё будет иначе. Им не терпится получить вознаграждение. Идут на работу, а через три дня уже требуют аванс».

Сразу после этого текста на странице Temat.pl появился другой — «Двадцатилетние возмущены. Их ответ: — Я точно знаю, кем буду и что хочу делать», в котором главные заинтересованные лица отбивали атаку старшего поколения, отвечая так, как интернет-пользователь Николетта П.: «Я считаю образование необходимым элементом формирования своего будущего. Так же, как и личности, поэтому я столь высоко его ценю. В каждом поколении есть индивидуумы, которым ничего не хочется, а есть такие, у которых всё же что-то получается. Но из этого нельзя выводить общие принципы и стереотипы, которые в равной степени отвращают нас от мира и мир от нас»!

«Какие мы? Прежде всего, мы оптимисты и много делаем для того, чтобы быть довольными жизнью, — говорит Рафал, двадцати одного года, студент, изучающий журналистику. — Я выбрал не самый легкий путь к этому счастью, потому что знаю, как трудно найти себя и самореализоваться в моей будущей профессии. Но я не сижу сложа руки — с 18 лет я сотрудничаю с различными редакциями и надеюсь, что это когда-нибудь даст отдачу. О сверстниках могу сказать, что они борются. Многие уехали за границу, но утверждают, что не навсегда. Другие ищут свой путь. Приятель в этом году хочет прервать учебу и на несколько месяцев поехать в США в рамках программы «Work and Travel»*, а после возвращения планирует практику в одной из азиатских стран; уже сейчас он участвует в работе AIESEC Polska**. Не могу сказать о своем поколении ничего плохого, хотя, конечно, я не полностью объективен».

Это подтверждает Клаудия, студентка по специальности «социальная политика» в Ягеллонском университете: «То, что я сейчас изучаю, для меня не исполнение мечты, а определенный этап в решении поставленной задачи. В прошлом году мне не удалось поступить в Государственную высшую театральную школу, но я ни за что не позволю признать меня представителем «никчемного поколения». Я учусь для себя, а в основном занята подготовкой к следующим экзаменам в театральную школу: готовлю тексты, занимаюсь в Польской академии кабаре. Я всё время что-то делаю, чтобы достичь намеченной цели».

Эмигранты

Однако, описывая некую большую группу лиц (а в данном случае ее отличительная черта — всего лишь возраст ее членов), трудно избежать обобщений, и очевидно, что такое мнение встречает бурную реакцию тех, кто хотя бы в некоторой степени не относит его к себе.

Тезис, связанный с самостоятельностью молодых людей, вызывает не так много противоречий. В Италии крупной социальной проблемой стали так называемые Bamboccioni, т.е. «большие малыши», как называют взрослых, продолжающих жить в родительском доме под пристальной опекой мамы. По сообщению Польского агентства печати, в 2010 г. целых 70% граждан Италии жили с родителями до 39 лет.

Итальянские власти ведут кампанию против маменькиных сынков, однако в этом случае их трудно не заподозрить в лицемерии. Ответственный за решение этой проблемы Ренато Брунетта, министр общественной администрации в правительстве Сильвио Берлускони, сам жил с родителями до тридцати лет, о чем говорил без стеснения: «Пока я не начал жить отдельно, моя мать по утрам застилала мне постель. За это мне стыдно». Этой проблемы не избежала и Польша, о чем упоминается с указанием на ее источник в докладе «Молодежь-2011», в котором написано: «Вопреки утверждениям публицистов о незрелости молодежи, явление «crowded nest» (проживание взрослых детей вместе с родителями) имеет в Польше социально-культурную и экономическую, а не психологическую основу (более

*Work and Travel USA (Работа и путешествие в США) — программа международного обмена, цель которой — предоставить студентам высших и средних специальных учебных заведений возможности непосредственного участия в повседневной жизни народа США через путешествия и временную работу на срок до пяти месяцев во время летних каникул — *Пер.*

**AIESEC (аббревиатура от фр. Association internationale des étudiants en sciences économiques et commerciales) — международная молодежная некоммерческая неполитическая независимая организация, полностью управляемая студентами и недавними выпускниками с целью раскрытия и развития лидерского и профессионального потенциала молодежи для внесения позитивного вклада в общество — *Пер.*

длительный срок получения образования, тяжелая ситуация на рынке труда и жилой недвижимости, слабая доступность кредитов для молодежи)».

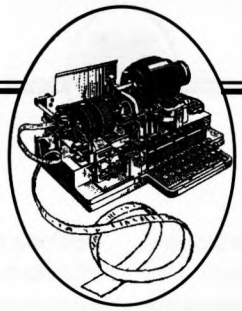
Что из этого следует? То, что молодежь чаще вынужденно ведет такой образ жизни, а не выбирает его по своей воле. И решение этих проблем особенно важно для современных двадцатилетних. Иначе это поколение, открытое к миру, поколение, перед которым распахнут мир без границ, сменит место осуществления своего профессионального и семейного плана на другую страну вместо Польши. Как следует из данных Главного статистического управления, с 2004 г. эмигрировал миллион поляков, и эта тенденция не склонна меняться: только в 2010-2011 гг. из Польши решили уехать с целью заработка 60 тысяч человек.

Будущее тоже не настраивает на оптимизм, о чем можно прочитать в комментарии к исследованию на тему экономической миграции поляков, составленном Центром изучения общественного мнения: «Особенно большой интерес к работе за границей проявляют школьники и студенты. Почти две пятых из них (38%) планируют в будущем работать вне Польши (либо уже предпринимают шаги к этому), а 18% приняли бы предложение работы за границей, хотя не намерены сами стараться найти ее».

Можно ли в одном предложении описать поколение современных двадцатилетних? Как любое поколение, и это тоже состоит из разных людей — оптимистов и пессимистов, амбициозных и тех, кто охотно не делал бы ничего, самостоятельных и тех, кого приходится водить за руку.

Однако этому поколению не нужно бороться за свободу отечества, переносить трудности вялотекущих преобразований и переживать то, что пережили предыдущие поколения. Но у него, как у любого другого поколения, есть свои вызовы и цели, есть и энергия, которую можно использовать на пути их достижения.

gazeta WYBORCZA



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **«Поляки, которые сами себя уже много лет считают неисправимыми нытиками, на фоне остальных европейцев выглядят относительно счастливыми. Согласно данным Европейского исследования ценностей (European Values Study), проведенного в 47 странах, в 2008 г. уровень счастья среднего поляка по 10-балльной шкале составил 7,22 балла, в то время как среднеевропейский результат — всего 6,83 балла. Более того, в противовес европейским тенденциям, уровень счастья поляков за несколько лет существенно вырос. Согласно данным опроса, проведенного ЦИОМом, в 1994 г. своей жизнью было довольно 53% поляков, в 2005 г. уже 75% жителей Польши признало, что они «достаточно счастливы», сегодня же количество таких людей достигло 80%. В 2012 г. результаты были схожи: 71% опрошенных причислил себя к людям, довольными тем, как они живут, при этом 20% оказались очень довольны, а 25% заявили, что оценивают свою жизнь как удовлетворительную. Только 3% признались, что они разочарованы жизнью».** ***(Наталия Шиллер, «Пшеглёнд», 8-14 апр.)***

» «Показатель благосостояния, отражающий экономические условия жизни общества, вырос в марте на 0,6 пункта, до 92,6 пункта, — сообщило Бюро инвестиций и экономических циклов. Это уже второй рост данного показателя после того, как он почти два года ухудшался». *(«Жечпосполита», 20 марта)*

» **«В последнее время значительное количество селян повысило стандарты своей жизни. Они всё чаще покупают в городах компьютеры с доступом в интернет, посудомоечные машины, принтеры, мобильные телефоны, DVD-плееры, микроволновки. Уже почти каждое польское домашнее хозяйство, где бы оно ни располагалось, владеет телевизором, стиральной машиной-автоматом и мобильным телефоном. Прибавилось в деревне и автомобилей, равно как и велосипедов».** ***(Александра Фандреевская, «Жечпосполита», 20 марта)***

» «Новые микрорайоны возводятся на определенном расстоянии от исторического центра старого поселения, у них свои названия, иногда вокруг них строится ограждение. (...) В итоге деревенские держатся особняком, а обитатели новостроек ездят по воскресеньям за покупками в супермаркеты и тоже живут своей жизнью. В Смольце даже дошло до того, что жители нового микрорайона хотели радикально порвать со старой деревней и учредить Новый Смолец со своим старостой. И это не единственный случай в Польше. (...) И пока такие жилые анклавы будут сооружать в чистом поле, без всякой инфраструктуры, ничего не изменится», — Катажина Кайданек, адъюнкт кафедры социологии города и деревни Вроцлавского университета. *(«Политика», 13-19 марта)*

» **«Вместе с ростом благосостояния изменился бытовой образ поляка (...) Всё большее количество детей рождается у пар, не регистрирующих брак (в 2011 г. — 21,2%, тогда как в 1994-м — 6,2%). Растет и количество разводов, особенно среди пар с многолетним семейным стажем. В 2011 г. развелось 17,3% пар, имеющих за плечами как минимум двадцать лет совместной жизни. Это втрое больше, чем в 1990 году».** ***(«Дзенник — Газета правна», 8 апр.)***

» «Начали всё чаще убивать людей без всякого криминального прошлого, как правило, просто в ссоре. Угрожающе растет число убийств — гласят свежие данные Главного управления полиции. В первом квартале текущего года было зафиксировано сто убийств взрослых и три убийства детей. За аналогичный период прошлого года произошло 80 убийств, жертвой одного из которых стал несовершеннолетний. Одновременно падает доверие к полиции — по новым данным ЦИОМа, оно оказалось на уровне второй половины 90-х. (...) О своем доверии к полиции заявляют только 57% опрошенных, что означает падение данного показателя на 11% по сравнению с предыдущим годом. Впрочем, у прокуратуры и судов дела в

этом смысле обстоят вдвое хуже. *(Роберт Желинский, «Дзенник — Газета правна», 8 апр.)*

» **«Почти 70 тыс. приговоров, связанных с лишением свободы, до настоящего времени не исполнены, а 35 тыс. осужденных разгуливают по улицам, хотя срок, когда они должны были начать отбывать наказание, давно миновал. Ситуация была бы еще печальнее, окажись 60% выносимых приговоров реальными, а не условными, и суды не объявляли бы в розыск осуждённых, которые должны находиться в тюрьме. (...) Сегодня в польских тюрьмах находится 83 858 осуждённых, в то время как мест в тюрьмах — 83 486. Таким образом, тюрьмы у нас заполнены на 100,4%.** ***(Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 15 марта)***

» «Известный бизнесмен Анджей Чарнецкий пожертвовал 400 млн. злотых — целое состояние! — на поддержку одаренной молодежи из малообеспеченных деревенских семей. Когда врачи обнаружили, что ему осталось жить каких-нибудь несколько лет, он продал свою фирму и личное имущество, перечислив деньги фонду, названному в честь его отца, известного педагога и деятеля образования, проф. Романа Чарнецкого. Образовательный фонд им. Романа Чарнецкого был основан в 2009 году. Каждый год фонд назначает 80 стипендий, на которые расходует собственные средства; другие стипендиальные программы фонда финансируются, в частности, благодаря отчислению 1% подоходного налога физических лиц». *(«Жечпосполита», 3 апр.)*

» **«Гдыньский Фонд помощи детям «Матюсь» бьет тревогу: в Польше голодает 800 тыс. детей. В то же время (...) часть миллионных сумм, которые жертвуют этому самому фонду филантропы, чтобы помочь больным детям, перечисляется на счета швейцарской компании: в 2009 г. — 5,1 млн. злотых, годом позже — 3,8 млн. злотых. В итоге фонд потратил на еду для детей только 218 тыс. злотых в 2009 г. и 343 тыс. злотых в 2010 году».** ***(Изабела Кацпшак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 18 марта)***

» «Раз в три года Международная организация здравоохранения публикует отчёт о состоянии здоровья 900 млн. жителей 53 стран Европы. (...) Младенческая смертность (дети до одного года) в Польше по-прежнему выше, чем в среднем по Евросоюзу. На каждые 10 тыс. новорожденных в Польше умирает 50 детей, а в целом в Европе — на девять детей меньше. (...) 13% поляков живут в квартирах без водопровода. (...) У многих вода в кране оказывается заражена кишечной палочкой. (...) 36% жителей крупнейших агломераций остро реагируют на шум, превосходящий допустимые границы. (...) Средняя продолжительность жизни мужчин в Польше — 72,4 года, то есть почти на 5 лет больше, чем в других странах Европы. (...) Польки живут в среднем 81 год, всего на два года больше других европеянок. (...) Смертность в связи с инфарктом с начала 80-х снизилась в три раза, до уровня 6,5%. (...) Зато сравнительно высок уровень смертности в связи с инсультом. (...) По сравнению с другими европейцами, поляки реже страдают от новообразований (319 случаев на 100 тыс. жителей), но смертность в стране высока (204 на 100 тыс. жителей — это означает, что ежегодно в Польше умирает свыше 80 тыс. человек). *(«Газета выборча», 15 марта)*

» **«Результаты опроса, проведенного Национальной библиотекой относительно чтения (...): свыше 60% поляков вообще не читают книг. Это касается не только литературных произведений, но даже справочников и учебников. (...) Не читают ничего целых 35% людей с высшим образованием. (...) Интерес к чтению падает в стране из года в год. (...) Ещё десять лет назад в книгу заглядывали 55% поляков, а не 39%, как сейчас. (...) Чем больше поляки работают, тем меньше они читают, что, в конечном итоге, ведёт к цивилизационной катастрофе. (...) Закономерность тут следующая: чем богаче страна, чем современнее ее экономика, тем больше там читают. (...) Есть не слишком богатые страны, такие, как Чехия, где, однако, читают 80% опрошенных. (...) В Великобритании с книгой дружат 96% жителей. (...) В богатых скандинавских странах этот показатель составляет 70%».** ***(Мариуш Теслик, «Жечпосполита», 23-24 марта)***

» «Я никогда не стану читать электронные книги, ибо само прикосновение к бумажным страницам убеждает меня, что я не совсем одичал», — Анджей Понговский. *(«Жечпосполита», 23-24 марта)*

» **«Польша оказалась в группе наименее инновационных стран Евросоюза. (...) В годовой сводке Еврокомиссии наша страна снискала звание «инноватора со скромными результа-**

тами». По этому показателю мы на четвертом месте с конца, хуже нас только Болгария, Румыния и Латвия. Относительно быстрый темп развития Польши, устойчивость к кризису и десятки миллиардов евро из бюджета Евросоюза не прибавили нам инновационности. Совсем наоборот: после четырех лет умеренных успехов, принесших нам звание «скромного инноватора», мы сползли на одну позицию вниз». ***(Из Брюсселя Иоанна Слоевская, «Жечпосполита», 26 марта)***

» «По данным Евростата, в Польше 71% отходов сконцентрировано на мусорных свалках. Чтобы к 2020 г. дотянуть до евростандарта с его 50% рециклинга бытовых отходов, Польше нужно удвоить свой нынешний уровень рециклинга (11%) и компостирования (17%). За последние десять лет доля хранящихся на свалках отходов уменьшилась с 90 до 71%». *(«Жечпосполита», 13 марта)*

» **«Еврокомиссия разморозила выплату дотаций на строительство польских дорог, но не позволила инвестировать эти средства туда, где теоретически может дойти до попыток ценового сговора. (...) В конце прошлого года Брюссель заморозил дотации в размере 3,5 млрд. злотых на строительство дорог в Польше, равно как и следующие дотации, когда варшавская прокуратура направила в суд обвинительное заключение против 11 менеджеров строительных фирм и одного из руководителей Генеральной дирекции национальных дорог и автострад. Эти лица обвиняются в ценовом сговоре при проведении конкурса на строительство экспресовой дороги S-8 (...) а также в попытке нагреть руки на двух других аналогичных тендерах.** ***(Анджей Кублик, Катажина Захарияш, «Газета выборча», 28 марта.)***

• ***«В конце прошлого года государств***енный долг Польши составил 840,5 млрд. зл. (в конце 2011-го — 815,3 миллиарда), сообщило министерство финансов. Но по отношению к ВВП долг заметно снизился — до 52,7% (в конце 2011-го — 53,5%). Также в конце 2012 г. до 55,6% снизился по отношению к ВВП долг, рассчитанный по методологии ЕС (56,4% в конце 2011-го), хотя номинальная задолженность выросла на 3,2%, достигнув 887 млрд. злотых». *(«Жечпосполита», 3 апр.)*

» **«В первом квартале этого года ВВП вырос на 0,7% по сравнению с 1,1% в IV квартале 2012 года. Об этом говорят предварительные подсчеты экономистов(...) Согласно прогнозам, на 0,2% увеличился в первом квартале этого года и ВВП Германии».** *(«Жечпосполита», 2 апр.)*

» «По мнению аналитиков, в среднем экономический рост в первом квартале 2013 г. составил 0,6%, зато в следующем темпы роста ускорятся, дав 1,1%». *(«Дзенник — Газета правна», 2 апр.)*

» **«В прошлом году средняя зарплата в частных фирмах составила 3728 злотых».** *(«Дзенник — Газета правна», 2 апр.)*

» «Цены в феврале поднялись по сравнению с прошлым годом только на 1,3%. Впервые за шесть лет инфляция была ниже уровня, допускаемого Советом денежной политики, и к лету может стать менее одного процента». *(«Жечпосполита», 15 марта)*

» **«64% поляков не хотят отказываться от польской валюты. Сторонники замены злотых на евро составляют 29%, согласно февральским данным ЦИОМа».** *(«Газета выборча», 30 марта).*

» «Отрывки из интервью Бронислава Коморовского. Об открытых пенсионных фондах (ОПФ): «Ликвидация ОПФ означала бы отказ от многоопорной пенсионной системы, допускающей инвестирование, что сегодня является довольно-таки распространенной моделью. (...) Ликвидация ОПФ может серьезно сбить нас с пути. С учетом наших стратегических целей, одной из которых и является реорганизация пенсионных механизмов, это безусловно стало бы шагом назад». О вхождении в зону евро: «Как вы думаете, укрепит ли вхождение в зону евро политические позиции Польши в Европе? Думаю, ответ здесь очевиден — конечно, укрепит. (...) К сожалению, наши опасения, что Европа будет развиваться неравномерно, сбылись. И сейчас нам надо определиться, какая форма интеграции подходит нам больше всего. Как преодолеть этот разрыв между разными европейскими странами? Как не упустить свой шанс? На каких условиях продолжить нашу европейскую интеграцию? Вот почему мы ратифицировали фискальный пакт. И вот почему стараемся поддерживать контакт именно с теми странами, от которых зависит форма нашей дальнейшей интеграции. Я имею в виду, в частности, Германию и Францию. Мы также ищем партнеров (...) среди стран Вышеградской группы». *(«Дзенник — Газета правна», 5 апр.)*

» «Главная проблема современной Польши в том, что здесь мало кто отождествляет свою страну с Европой. Поляки не чувствуют себя европейцами. (...) Это равнодушие к процессам политической интеграции существенно снижает шансы Польши на то, чтобы играть одну из ключевых ролей на европейской сцене», — Збигнев Бжезинский. ***(«Жечпосполита», 5 апр.)***

» «С востока хлынул поток контрабандных сигарет. Только в прошлом году стоимость задержанных и конфискованных на польско-украинской границе табачных изделий составила 18 млн. злотых. (...) В 2012 г. на границе с Украиной было изъято в восемь раз больше наркотиков, чем годом раньше, а на польско-белорусской границе их количество удвоилось. (...) В прошлом году было задержано почти 2,5 тыс. нелегальных иммигрантов, то есть почти на одну треть больше, чем в 2011 году. (...) Больше всего среди них украинцев и белорусов, довольно много вьетнамцев, грузин и афганцев. (...) До конца года штат сотрудников пограничной службы на востоке Польши пополнится на 800 человек. (...) На границе появятся новые смотровые вышки, увеличится число автомобилей, оснащенных камерами видеонаблюдения. (...) Пограничники также говорят об установке системы датчиков, фиксирующих движение, и закупке новой партии вертолетов». *(Гражина Завадка, «Жечпосполита», 8 апр.)*

» «Хакер-одиночка взламывает правительственную сеть (...) получив доступ к паролям тысячи сотрудников аппарата правительства. (...) «Алладин-2» взломал личные страницы 1300 сотрудников канцелярии председателя Совета министров, а также 8 тыс. сотрудников МИДа. В своих действиях хакер признался. (...) Данных он не похитил, совершив атаку только для того, чтобы обратить внимание на слабый уровень защиты правительственного киберпространства, и даже составил список рекомендаций относительно того, как усилить степень защиты сети». ***(Оскар Гужинский, «Жечпосполита», 15 марта)***

» «Большие беспилотники начнут контролировать передвижения войск возле наших границ. В Польша будет действовать система наземного наблюдения НАТО. Совет директоров NAGSMO, организации, управляющей системой наземного наблюдения (Alliance Ground Surveillance — AGS) одобрил заявку министерства национальной обороны Польши на участие в этом мероприятии. (...) AGS — это система радаров, осуществляющих наблюдение за наземными объектами и расположенных на бортах пяти беспилотных самолетов RQ-4 Global Hawk, которые совершают полет на высоте около 20 километров». *(Марек Козубаль, «Жечпосполита», 5 апр.)*

» «Под транспортером с польскими военными разорвалась мина-ловушка. Погиб старший сержант Павел Ордынский. (...) В этом году в Афганистане погиб уже второй польский военнослужащий. А с момента начала миротворческой миссии были убиты 39 военных и медиков, ранены 325 военнослужащих. ***(«Жечпосполита», 21 марта)***

» «В звании рядового в нашей армии можно прослужить максимум 12 лет. Это ограничение предусмотрено законом о профессиональной воинской службе. Те, кто по истечению двенадцатилетнего срока не попал в офицерскую школу, что гарантировало бы им дальнейшее продвижение по службе, должны демобилизоваться. (...) Многие рядовые считают, что таким образом их просто вышвыривают на улицу, чтобы не платить военную пенсию». *(«Жечпосполита», 3 апр.)*

» «Крестьянская партия ПСЛ добивается учреждения должности уполномоченного по правам предпринимателей. «Крестьяне» утверждают, что их вдохновил на это фильм «Закрытая система» Рышарда Бугайского. Уполномоченный мог бы отстаивать интересы предпринимателей перед чиновничьей машиной. (...) «Я знаю о множестве случаев, когда многие предприниматели, в рекордно короткие сроки создававшие новые рабочие места, были вынуждены прекращать свою деятельность из-за того, что государство относилось к ним как к преступникам и в конечном итоге не давало работать», — говорит депутат Ян Бурый, председатель парламентской фракции ПСЛ». ***(Элиза Ольчик, «Жечпосполита», 4 апр.)***

» «В марте о поддержке правительства заявляло 25% опрошенных, в то время как 43% позиционировало себя как его противники. 30% опрошенных довольны работой Дональда Туска на посту премьера, недовольны его деятельностью 57%, сообщает ЦИОМ. (...) 69% респондентов полагают, что политика правительства не оставляет

никакого шанса на подъем экономики». *(«Жечпосполита», 28 марта)*

» **«Я доволен тем, что делал на протяжении последних пяти лет. Потому что никогда не поддавался ничьему лобби, каким бы сильным оно ни было. Неважно, Церковь это, профсоюз или крупный концерн. (...) Мы реформируем страну поэтапно, чтобы эти перемены пользовались поддержкой общества и парламентского большинства. (...) Церковь меня особо не жалует, но я никогда не дам себя уговорить бороться с ней, поскольку считаю, что при всех своих недостатках этот институт необходим обществу. (...) Конечно, в наши дни сложно найти союзников среди облаченных в сутаны людей, не желающих использовать веру и Церковь в качестве орудия политической борьбы. Но даже самые глупые, безответственные и несправедливые заявления некоторых священников не сделают из меня антиклерикала», — премьер Дональд Туск.** ***(«Газета выборча», 16-17 марта).***

» «Публичных выступлений Туска не в состоянии понять 85% поляков, утверждают лингвисты Вроцлавского университета. Разработанный ими «коэффициент внятности речи» выражается в цифрах, которые соответствуют тому, сколько лет нужно проучиться, чтобы иметь возможность понять данный текст. «Коэффициент внятности речи» Дональда Туска составляет 14,5 баллов. Это значит, что понять его без особого труда могут только доучившиеся до пятого курса института. Выступления председателя крестьянской партии ПСЛ Януша Пехотинского способны адекватно воспринять лица, обучающиеся на втором курсе вуза («коэффициент внятности» 13,8 баллов). Слушающий речь Ярослава Качинского должен как минимум иметь среднее образование (12 баллов). А вот выступления председателя Союза демократических левых сил (СДЛС) Лешка Миллера сможет понять уже только студент-первокурсник (12,8 баллов). Заявления Януша Паликота не вызовут сложностей даже у 15-летнего школьника (9 баллов). Довольно доступно изъясняется первый чернокожий депутат Сейма Джон Годсон (10 баллов)». *(По материалам «Впрост» от 14 апр.)*

» **«Поляки постепенно перестают доверять Сейму, Сенату, органам местного самоуправления и даже собственной армии и полиции, следует из опросов ЦИОМа. (...) Положительно о деятельности Сейма отзывается только 14% опрошенных (по сравнению с предыдущим месяцем уровень доверия снизился на три пункта, а по сравнению с началом года — на девять). Зато 70% опрошенных оценивает деятельность Сейма негативно. (...) Сенату доверяют 16% опрошенных, не доверяют — 56%. (...) Работой органов местного самоуправления довольны 56% респондентов (на семь процентов меньше, чем месяц назад). (...) Католической церкви симпатизируют 57% опрошенных (снижение на 3%). (...) Работа независимого профсоюза «Солидарность» находит положительный отклик у 25% опрошенных, отрицательный — у 33%. Всепольское соглашение профсоюзов пользуется поддержкой 18% опрошенных, не доверяют ему 22%. Вообще, что касается профсоюзов, то продолжает расти количество лиц, которые не могут сказать об этих организациях ни хорошего, ни плохого. (...) ЦИОМ, опрос, проведенный 7-13 марта».** ***(«Газета выборча», 5 апр.)***

» Поддержка партий: «Гражданская платформа» (ГП) — 31%, «Право и справедливость» (ПиС) — 29%, СДЛС — 15%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «Движение Паликота» — 5%, не определились — 9%. По данным Института изучения общественного мнения. *(«Жечпосполита», 29 марта)*

» **«Избрание в Сейм не воспринимается как работа на благо всей страны, но лишь как возможность иметь стабильный, относительно высокий доход, а также разнообразные привилегии, не особенно утруждая себя взамен», — профессор Антоний Каминский из Института политических исследований Польской академии наук, бывший директор польского филиала Transparency International.** ***(«Жечпосполита», 4 апр.)***

» «За почти четверть века демократии в Польше изменилось многое: выросло поколение, которое не помнит ПНР, произошла интернет-революция, появились новые способы коммуникации, изменились мода и стиль жизни. А у власти по-прежнему то самое поколение, что диктовало людям свои условия еще в эпоху телефонов с дисками. (...) Опрос Института публичных вопросов, проведенный в прошлом году, показал: 60% респондентов считает, что в ПиС не существует демократическо-

го механизма принятия решений, 39% опрошенных такого же мнения о ГП, 37% — о «Движении Паликота» и 34% — о СДЛС. Больше повезло крестьянской партии ПСЛ — в демократизме ей отказывают только 29% опрошенных, совсем недавно у партии сменилось руководство, и произошло это вполне цивилизованным образом. (...) Однако не появился еще политик, который мог бы и партию возглавить, и выборы парламентские выиграть, не говоря уже о президентских». *(Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 27 марта — 2 апр.)*

» **«В возрасте 82 лет скончался Кшиштоф Козловский, первый министр внутренних дел посткоммунистической Польши. «Один политик сравнил деятельность Козловского на посту руководителя МВД с работой Лешека Бальцеровича во главе Минфина (...): превращение милиции в полицию, ликвидация госбезопасности, верификация сотрудников и создание Управления охраны государства, а также подразделения «Гром». Довольно быстро западные державы начали относиться к польским спецслужбам как к надежным союзникам. Однако самым ярким свидетельством наступивших перемен стала реакция советских спецслужб. Те быстро сообразили, что к чему, создав в Польше такую же шпионскую сеть, каковая уже много лет была у них на территории стран Запада. Руководство СССР причислило Польшу к странам западной демократии гораздо раньше, чем сам Запад принял нас за своих, полагал Козловский. Обретение Польшей независимости вовсе не означало прекращения какого-либо сотрудничества там, где оно было необходимо, — как во время операции «Мост», когда Польша оказывала помощь в организации выезда евреев из СССР в Израиль. По нынешним меркам, это была очень сложная и деликатная операция». *(Анджей Бжезецкий, «Тыгодник повшехный», 7 апр.)***

» «А ведь я боролся с коммунизмом 30 лет. И вот рецепт на 350 злотых. Всего мне, конечно, не купить. На лекарства потрачу стольник, потом оплачу счета, и на жизнь мне останется четыреста. Пишите, пишите! На квартиру я не заработал. Снимаю в Варшаве 38 метров жилья. Что, в деревне дешевле? Конечно, дешевле! Живу здесь, чтобы быть поближе к институту кардиологии. Когда не успеваю заплатить за квартиру, сбрасываются друзья. А если бы не сбрасывались? Хорошо бы я выглядел в ночлежке с командорским крестом на шее? Как бы я тогда, б..., смотрелся? Вот и напишите обо всем этом. Только не указывайте фамилию, а то стыдно». Я справился о нем в Энциклопедии «Солидарности». Действительно, боролся 30 лет. Да, имеет командорский крест ордена Возрождения Польши, и это не единственная его награда. Спросил у его приятелей, собирали ли ему деньги на квартплату. Те только головами покивали: да, мол». *(Павел Решка, «Тыгодник повшехный», 24 марта)*

» **«Самоуправление, сектор экономики, территориальная администрация, а следом за ней — центральная. Именно в этих сферах в прошлом году чаще всего наблюдались случаи коррупции, следует из отчета Центрального антикоррупционного бюро (ЦАБ). (...) В прошлом году ЦАБ провело 466 расследований и почти пятьсот оперативных мероприятий. (...) Почти в половине случаев дошло до обвинительного заключения. «Взяточничество всё искуснее камуфлируется, очень редко в деле фигурируют наличные, чаще всего это выглядит как участие чиновника или членов его семьи в деятельности совместного предприятия, когда акции или деньги передаются под видом оплаты за оказание услуг», — комментирует Яцек Добжинский, пресс-секретарь ЦБА. *(Гражина Завадка, «Жечпосполита», 4 апр.)***

» «Платформа возмущенных». Лидер профобъединения «Солидарность» Петр Дуда и рокер Павел Кукиз стали «лицами» нового движения, которое должно изменить политическую ситуацию в Польше». *(«Тыгодник повшехный», 31 марта)*

» **«Создание «Платформы возмущенных», то есть коалиции общественных организаций и трудовых коллективов, недовольных политикой правительства Дональда Туска, было негативно воспринято 55% поляков. Поддержали эту инициативу 28%. По данным института «Homo homini». *(«Жечпосполита», 29 марта)***

» «Польская нация состоит в значительной мере из людей веры, принадлежащих к разным религиозным конфессиям», — заявил президент Бронислав Коморовский во время богослужения в лютеранском костеле в Тешине в Страстную пятницу. В Тешинской Силезии живет больше половины польских лютеран, для которых Стра-

стная пятница — важнейший праздник». *(«Жечпосполита», 30 марта)*

» «На вопрос, должны ли государственные праздники быть лишены религиозных элементов (к примеру, таких, как месса), 37% опрошенных ответили «да», 50% — «нет», 13% — «не знаю». Опрос Группы IQS». *(«Ньюсуик Польша», 25-31 марта)*

» «Более половины опрошенных поддерживают правительственную инициативу по замене бюджетных поступлений в церковный фонд добровольным церковным налогом в размере 0,5%, сообщает ЦИОМ. (...) 93% поляков считают себя католиками, 2% — последователями других религий. Но только 51% налогоплательщиков собирается воспользоваться возможностью отчисления добровольного церковного налога на нужды Церкви». *(«Жечпосполита», 6-7 апр.)*

» «Всё больше поляков ждут от нового Папы церковных реформ. Почти половина (48%) хотела бы, чтобы в учении Церкви произошли изменения, а 37% этого не хочет. (...) Сторонники перемен в основном говорят о том, что Церковь должна быть более «открытой, современной и толерантной, менее консервативной, учитывать перемены, происходящие в мире». Некоторые также ждут, что Церковь одобрит контрацепцию, отменит целибат священников, перестанет протестовать против искусственного оплодотворения. (...) ЦИОМ, 7-13 марта». *(«Газета выборча», 20 марта).*

» «В большинстве комментариев польских духовных лиц относительно нового Папы доминирует следующая тональность: аргентинец Франциск — это Папа-радикал, которому под силу навести порядок в слишком светской Европе и усилить влияние Церкви. Ну, и кроме того, новый Папа не приветствует левых взглядов». *(Катажина Вишневская, «Газета выборча», 15 марта).*

» «Речь идет о том, чтобы заботиться о любом живом создании, как велит Книга Бытия и как нам завещал св. Франциск Ассизский: уважать каждое творение Божье и мир, в котором мы живем. (...) Не будем этого делать — сама жизнь окажется под угрозой. (...) Заботьтесь об всех живых существах, они — Божий замысел, явленный нам в природе. Заботьтесь о ваших ближних, то есть обо всем человеческом обществе» — Папа Франциск, цитаты из проповеди, произнесенной на торжественном инаугурационном богослужении. *(«Жечпосполита», 20 марта)*

» «В Беловежской пуще (...) оказалось срублено почти 90% больших дубов. (...) Посадить на месте срубленного старого дерева сотню молодых, новых — вряд ли это выход. И неважно, лес это или городской парк, как в случае с Варшавой, где старые деревья решили жестоко вырубить». *(Адам Вайрак, «Газета выборча», 15 марта)*

» «В 1955 г. (...) за каждого убитого волка охотник получал тысячу злотых, а за взятого из норы волчонка — двести (стоит заметить, что средняя зарплата в Польше тогда составляла 1100 злотых). (...) В 1956-1959 гг. в Польше было отстрелено 1435 волков, а еще 300 — отравлено люминалом. К весне 1959 г. количество волков сократилось до 255-ти. В 1998 г. волки были отнесены к охраняемым животным. (...) К 2011 г. их было уже 913. Кроме Польши, волков охраняют в Германии (где их осталось чуть ли не 30-40), Чехии и Венгрии (там этот процесс только начинается). *(Эугениуш Пудлис, «Политика», 3-9 апр.)*

» «Во время телевикторины студентки Московского государственного текстильного университета на вопрос «Что такое Холокост?», не моргнув глазом, ответили: «Это клей для обоев». Поляки пригласили их в музей Аушвиц-Биркенау». *(«Форум», 11-17 марта, по материалам газеты «Совершенно секретно»).*

» «На прошлой неделе в Плоцке открылся музей мазовецких евреев, посвященный семивековой истории евреев в Мазовии. Музей расположен в старинной синагоге, построенной в XIX веке». *(«Пшеглёнд», 18-24 марта)*

» «Мероприятия, посвященные 70-летию восстания в варшавском гетто, начнутся 18 апреля — в день, предшествовавший началу вооруженных выступлений, — и продолжатся до 16 мая, когда было подавлено восстание и разрушена Большая синагога. (...) Торжества проходят под личным патронатом президента Бронислава Коморовского. (...) Вопреки высказанным намерениям, президент Израиля Шимон Перес не примет участие в мероприятиях. (...) Вместо него в Варшаву прибудет израильский министр образования. Не приедет и президент США Барак Обама, хотя во время своего визита в Польшу в 2011 г. он обещал принять участие в открытии Музея польских евреев. Музей откроет свои

двери 18 апреля, но основная экспозиция будет готова только через год, и как раз тогда в Варшаву приедут главы вышеперечисленных государств. (...) Президент Коморовский лично пригласил на торжества оставшихся в живых участников восстания в варшавском гетто. (...) Прибудет и делегация депутатов Европарламента во главе с его председателем Мартином Шульцем. Ожидаются также представители Бундестага, Палаты Лордов и американских властей». *(Томаш Ужиковский, «Газета выборча», 3 апр.)*

» **«19 апреля польские власти должны будут объявить о своем решении относительно установки возле Музея истории польских евреев, расположенного на территории бывшего варшавского гетто, памятника Праведным — тем полякам, которые во время немецкой оккупации рисковали жизнью ради спасения евреев. Я думаю, что идея с этим памятником — довольно-таки скверная. (...) Установка такого памятника в месте, пропитанном болью и страданием евреев, будет выглядеть проявлением тщеславия и страха, а также высокомерия: мол, мы тут главные, и правда на нашей стороне. И десятки памятников вместе взятые, и аллея Сендлер, и скамейка Карского, и прочие «благородные» мотивы не скроют правду о том, как часть поляков повела себя во время Катастрофы. Памятник Праведным никогда не сотрет воспоминаний ни о еврейском мученичестве, ни о польском равнодушии», — профессор Барбара Энгелькинг, директор Центра исследований Катастрофы при Институте философии и социологии Польской Академии наук.** ***(«Газета выборча», 4 апр.)***

» «Установки на этом месте простого гранитного памятника заслужили и те поляки, которые во время Катастрофы протянули руку помощи своим соседям, друзьям, знакомым и незнакомым. Этот человеческий порыв мог стоить жизни не только им, но и их близким. И некоторые действительно заплатили за это высшую цену. (...) Тот, кто воздает должное добру, — не совершает зла. Этими высокими принципами руководствовались президенты Польши Александр Квасневский и Лех Качинский. Той же линии придерживается сегодня президент Бронислав Коморовский. Мы до сих пор в неоплатном долгу перед нашими Праведными. (...) Я понимаю и разделяю впечатлительность госпожи профессора, но по вопросу увековечивания памяти тех, кто давно этого заслужил, придерживаюсь совершенно иного мнения», — профессор Адам Даниель Ротфельд *(«Газета выборча», 8 апр.)*

» **«Часть подвальных помещений с настенными надписями узников в доме по Стшелецкой улице в варшавском районе Прага охраняется государством. В конце 1944 г. в этом здании размещалось управление НКВД. (...) «Это место из того же ряда, что и штаб-квартира гестапо на аллее Шуха в Варшаве», — говорит Томаш Ябушевский из варшавского Института национальной памяти».** ***(«Жечпосполита», 13 марта)***

» «Сборник эссе Петра Мицнера «Дорога в Россию» (Варшава: Эррата, 2012) — это одновременно хроника встреч и многолетней совместной работы с обществом «Мемориал» и другими подобными организациями, занимающимися увековечением памяти жертв политических репрессий. (...) Это серьезная, самостоятельная позиция в историографии. (...) В «Дороге в Россию» постоянно присутствует тень смерти и безмерного страдания. (...) Опыт сопереживания чужой боли, с одной стороны, и восхищение подвижничеством людей «Мемориала» — с другой, заставляют автора вменять себе в вину недостаточное участие в судьбе людей, ищущих следы своих погибших близких, хотя мало кто сделал для этого столько, сколько он». *(Войцех Станиславский, «Нове ксёнжки», 2012, №2)*

» **«В рамках совместной работы с консулом и военным атташе Российской Федерации я предложил программу обмена преподавателями: наши профессора проведут занятия в одной из российских военных академий, а россияне приедут к нам», — говорит генерал Богуслав Пацек, ректор Академии национальной обороны. Для Польши идея обмена военными преподавателями с Россией довольно-таки нова и необычна. (...) «В конце концов, мы — государство-член НАТО, а Североатлантический блок не поддерживает контактов с российскими военными образовательными учреждениями», — Анджей Каркошка, бывший вице-министр обороны и шеф Консультативного совета при руководстве специальными войсками НАТО».** ***(Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 14 марта).***

» «4 апреля «Газпром» и «ЕвроПолГаз» подписывают меморандум о строительстве газопровода, маршрут которого пройдет из Белоруссии через

территорию Польши в направлении Словакии. 5 апреля премьер Дональд Туск признаётся, что ничего не слышал о меморандуме. Министр финансов и министр экономики утверждают, что их не предупредили о его подписании». Михайло Гончар, бывший член Совета национальной безопасности и обороны Украины: «Конечно, у коммерческих организаций, даже если среди их учредителей есть государство, может быть другая, отличная от правительства, точка зрения. Но конкретно в этом случае «Газпром», который практически владеет контрольным пакетом «Евро-Пол-Газа», мог бы с равным успехом подписывать меморандум с самим собой. Подписание данного документа необходимо российским властям в пропагандистских целях. (...) Россия хочет надавить на Украину, чтобы та передала ей свои газопроводы в аренду». *(«Жечпосполита», 9 апр.)*

» **«Позиция Польши относительно той выгоды, что несет строительство газопровода, известна», — заявил вице-премьер Януш Пехотинский. Судя по реакции польских властей, проблемы им не нужны».** ***(Гжегож Осецкий, «Дзенник — Газета правна», 9 апр.)***

» «Недавно в Варшаве я участвовал в работе польско-российского форума. Выводы на этом мероприятии были сделаны неутешительные: отношения между нашими странами целиком зависят от поставок нефти и газа», — Илья Барабанов. *(«Жечпосполита», 10 апр.)*

» **«Вчера президент Бронислав Коморовский встретился в Бельведерском дворце с Виталием Кличко, лидером украинской партии УДАР (Украинский демократический альянс за реформы). Это уже вторая встреча президента с бывшим многократным чемпионом мира по боксу в тяжелом весе. (...) В ходе беседы была затронута тема соглашения об ассоциации Украины с ЕС».** ***(«Газета выборча», 16-17 марта)***

» «Мы выражаем искреннее сочувствие полякам — потомкам тех, кто пострадал от рук украинцев на Волыни 70 лет назад, а также украинцам — потомкам тех, кто погиб в результате действий поляков», — написали религиозные деятели и интеллектуалы из Комитета единения народов. (...) Комитет был создан в октябре 2012 г. по инициативе главы УПЦ Киевского патриархата Филарета, а также кардинала Любомира Гузара, бывшего главы Греко-католической Церкви. В состав комитета вошли, в частности, первый президент независимой Украины (1991-1994) Леонид Кравчук (...) и бывший директор украинского Института национальной памяти Игорь Юхновский». *(«Газета выборча», 5 апр.)*

» **«Во всех греко-католических церквях Украины вчера было прочитано послание епископов по случаю 70-летия волынской резни. В 1943-1944 гг. на Волыни погибло около 100 тыс. поляков и 20 тыс. украинцев. «Невозможно оправдать взаимную вражду, приведшую к братоубийству», — пишут епископы. Это первое в истории публичное послание епископов к верующим, непосредственно касающееся событий на Волыни».** ***(Мартин Войцеховский, «Газета выборча», 18 марта)***

» «Говорю вам: на Волыни в 1943 г. людей убивали именно мы, украинцы. И резня потом перекинулась в Галицию. (...) Меня поразили слова митрополита римско-католической Церкви на Украине, архиепископа Мечислава Мокшицкого о том, что совместного послания украинских католиков, принадлежащих к римско-католической и греко-католической Церквям, не будет. «У нас слишком разные взгляды», — заявил он. (...) Убежден, что «патриотизм» подобного рода Церкви совсем не к лицу. Хорошо еще, что послание греко-католических епископов немного смягчило ситуацию». — Тарас Возняк, главный редактор журнала «Ї» *(«Газета выборча», 23-24 марта)*

» **«Волынская резня — выдающееся развлечение. (...) Реклама «реконструкции резни» (сама фраза звучит что надо) состоит из эффектных языков пламени. (...) Будут гороховый суп и колбаса на гриле, патриотические песни, нежные сцены резни и ликвидации гетто, отблеск пожаров и хруст костей, предусмотрена также детская площадка. А к стенке поставят карусель».** ***(Яцек Денель, «Политика», 27 марта — 4 апреля)***

» «Уважаемый господин президент, (...) 18 июля 1945 года в Радомысле-на-Сане районный комендант Национальных вооруженных сил Альфонс Хмелёвец, его брат Болеслав и их подчиненные с особой жестокостью (прострелен череп, сломаны руки, ноги и ребра, выколоты глаза, отрезаны уши, нос и язык, тело связано колючей проволокой и утоплено в реке) убили моего деда Яна Рыбака. Он был секретарем ячейки ППР (Польской рабочей — коммунистической — партии). (...)

Месяцем раньше таким же образом была убита 40-летняя жительница села Воля-Жечицкая (гмина Радомысль-на-Сане) Антонина Дельбас, также активистка ППР. (...) После этих убийств Альфонс Хмелёвец сбежал в США. (...) Болеслава Хмелёвца вы как президент Польской Республики, наградили Партизанским крестом и Крестом Национальных вооруженных сил. (...) Эва Гонцовская, Вроцлав». *(«Пшеглёнд», 25 марта — 1 апр.)*

» **«Радикальная националистическая молодежь под покровительством некоторых политиков пытается запугать граждан и целые организации. (...) Из заявления премьер-министра: «Я считаю, что всё это ужасно, несмотря на то, что никто никого не избил. Я хорошо помню фильм «Кабаре» с Лайзой Минелли. (...) Там тоже ничего особенного не произошло. (...) Но механизм тот же самый. Пока что одетые в маски, ругающиеся и орущие, плохо воспитанные молодые люди пытались прорваться в аудиторию Варшавского университета во время лекции профессора Магдалены Сьроды. (...) А через пару месяцев они будут не только орать, но и начнут бить». *(Даниель Пассент, «Политика», 13-19 марта).***

» «Я человек, и это не Бог весть какой повод для гордости. Марек Эдельман как-то сказал мне, что для него все философские рассуждения разбиваются о тот простой факт, что человек — на редкость отвратительное существо. Надо только дать ему шанс», — Януш Гловацкий *(«Газета выборча», 6-7 апр.)*

Войцех Мазярский

РУССКИЕ АГЕНТЫ ЗАГРАНИЦЫ

«Мы стремимся охватить граждан Грузии, Украины, Молдавии, а также России безвизовым перемещением», — сообщил в марте министр иностранных дел Радослав Сикорский. И ничего. Тишина. Никакого скандала. Национально-правые силы молчат, словно воды в рот набрали, они не пытаются схватить правительство за горло, не кричат, что Дональд Туск хочет открыть польские границы для оравы русских преступников и тайных агентов. Диво дивное!

Когда годом раньше Сейм рассматривал вопрос об учреждении безвизовой зоны малого приграничного движения, охватывающей всю Калининградскую область и северо-восточную Польшу, «Право и справедливость» (ПиС) голосовало против, а ведущие политики этой партии сеяли всяческие сомнения и пугали поляков апокалиптическими видениями несчастий, которые наверняка обрушатся на страну, когда пограничные шлагбаумы будут подняты. Депутат ПиС Анджей Яворский предостерегал, что Польша станет более легкой целью для просачивания российских разведывательных служб, а Анна Фотыга, бывший министр иностранных дел, пророчила: «Калининград — это резиденция организованной преступности, серьезные социальные проблемы, угрозы. Кроме того, русские размещают там наступательное оружие, а мы из-за этого соглашения стали ходатаями России в Европе».

Пропагандистское наступление ПиСа, апеллировавшее к антирусским стереотипам и фобиям, очень быстро потеряло, однако, размах и оказалось приглушенным. Несомненно, идеологи национально-правого движения осознали, что они радикально разминулись с чаяниями и настроениями собственного электората. Эта партия располагает относительно большой поддержкой на территории восточной Польши и в Подгалье — а здесь контакты с Россией ассоциируются в последние годы не с идеологией, а с весьма практической возможностью заработать. Посему нет ничего странного в том, что высказывания политиков ПиСа столкнулись тут с наиболее резкой критикой. «Анджей Воробец, секретарь в городке Гурово-Илавецке, прямо-таки схватился за голову, когда прочитал в прессе высказывание бывшей госпожи министра», — сообщает местная газета и приводит его слова: «Открытие границы — шанс для таких поветов, как наш, где безработица достигает 30%». То же самое говорил Кшиштоф Наленч, бургомистр другого населенного пункта в указанном районе — Бартошице: «Это шанс для экономического оживления, для новых инвесторов. А рисовать черные перспективы, говорить, что будет плохо, — невелика премудрость».

Подгалье — зажиточный горный регион в южной Польше, один из бастионов национально-правых сил. На выборах тут всегда побеждают католические консерваторы, а высказывания лидеров ПиСа традиционно встречаются с пониманием и поддержкой. Однако даже здесь попытка сыграть на антироссийской ноте окончилась поражением. Сегодня у среднего обитателя этих мест гость с востока ассоциируется не с русским оккупантом, а с довольно богатым туристом, который приезжает на Новый год. Ежегодно 50 тыс. российских граждан, а также украинцев и белорусов выкупают места в окрестных пансионатах. «Здешние гурали их любят, потому что приезжие оставляют большие чаевые, любят развлекаться и хорошо поесть», — говорит Беата Залёт, главный редактор местного «Тыгодника подгалянского», который в начале года приветствовал туристов с востока большой надписью на первой странице с пожеланиями на трех языках — русском, украинском и белорусском.

Отправляя этот материал в типографию, журналисты еще не питали уверенности, найдется ли кого приветствовать. Прогнозы были ужасными: «Депрессивное Закопане. Русские не приедут, Новый год станет кризисным», — сетовали газеты в декабре. Это тоже знак времени: традиционные прогнозы погоды, пробующие предугадать, выпадет ли снег на Новый год, в последние годы стали дополняться пророчествами насчет приезда русских. Приедут — не приедут? В марте раздалось общенародное «уффф!». Всё-таки приехали. «Из большой тучи — малый дождь. Действительно, от

некоторых туристических бюро поступали сигналы, что гости могут не приехать. Но они очень даже мило приехали», — заявил в марте успокоенный староста повета Анджей Гонсеница-Маковский.

Таким вот образом антироссийская идеологическая кампания национальных правых сил обратилась в ничто, столкнувшись с прагматизмом, умеренностью и рассудком людей, ежедневный опыт которых сделал их невосприимчивыми к идеологическим провокациям и избавил от былых фобий. А мораль отсюда такова: не надо бояться агентов заграницы. Напротив, интенсивные и частые контакты с ними — это самое лучшее, что может нас встретить. Данный принцип справедлив не только в Польше.

Витольд М. Орловский

ВРЕМЯ ДЛЯ ЕВРО?

ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ В ПОЛЬШЕ ЕВРО ОТОДВИНУЛИСЬ В ТУМАННОЕ БУДУЩЕЕ. СЕГОДНЯ ПРЕМЬЕР И ПРЕЗИДЕНТ ПРИЗЫВАЮТ К ДЕБАТАМ НА ЭТУ ТЕМУ. ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ?

Уже несколько лет СМИ бомбардируют поляков разной информацией о проблемах в зоне евро. О странах юга Европы, балансирующих на грани банкротства, о гигантских фондах спасения для поддержания утопающих, о недовольстве взбунтовавшихся испанцев, для которых евро означает вынужденные «немецким диктатом» меры экономии, и о недовольстве немцев, для которых евро означает необходимость выкупать долги других.

Выступают с критикой многочисленные экономисты, считающие общую европейскую валюту неудачной идеей, идут бесконечные склоки политиков, неспособных выработать эффективный план спасения... Достаточно, чтобы создать впечатление, будто зона евро — это «одна сплошная катастрофа». Прийти к выводу, что единая валюта не выдержала испытания временем и в конечном итоге дело непременно дойдет до ее краха (хотя большинство поляков не сумело бы, наверно, ответить, будет ли этот крах состоять в том, что евро в значительной мере потеряет свою стоимость или же, напротив, что оно подвергнется резкому укреплению).

В такой ситуации нет ничего странного в том, что для широкой общественности вопрос о возможном введении евро в Польше вообще перестал быть сколько-нибудь реалистичным сценарием. А если даже — то мы говорим о сроке настолько отдаленном и обставленном таким количеством предварительных условий, что вообще не стоит из-за него волноваться. С одной стороны, экономисты подчеркивают, что наличие злотого благоприятно отражается сегодня на польской экономике, помогая ей лучше справляться с глобальным финансовым кризисом. С другой же стороны, решительное большинство поляков смотрит на введение евро скептически, соглашаясь с этим лишь в каком-то весьма неопределенном будущем.

Главный фактор, возбуждающий неприязнь, — опасение, что введение евро будет связано со значительным ростом цен. Стало быть, это страх, который наверняка не испарится, потому что о немногих вещах мы беспокоимся в такой степени, как о состоянии нашего кошелька. Если добавить сюда тот факт, что для введения евро в нашей стране необходимо изменение конституции (а в сегодняшнем Сейме его можно без труда заблокировать), то всё представляется очевидным. О введении евро вообще нет смысла разговаривать, потому что или евро исчезнет раньше, чем мы его введем, или же не будет правовых условий для его принятия.

Евро не исчезнет

Тем временем дела обстоят несколько иначе, а диагноз ситуации, повсеместно ставящийся в польских СМИ, неправилен. Прежде всего, хотя спектакль с неспешным торением дороги к компромиссу в вопросе общей валюты является болезненным, дела всё-таки продвигаются вперед.

Государствам «евроланда» необходимо решить две проблемы. Первая — это способ уменьшить долги, которые наросли за минувшие полтора десятка лет в странах юга Европы. Кредиторы во главе с Германией требуют внедрить долголетние программы затягивания поясов и постепенной выплаты заимствованных средств, предлагая взамен только поддержку из специально созданного стабилизационного фонда (дешевые кредиты, гарантированно подстрахованные условиями, которые касаются реализации стабилизационных программ). Страны-должники предпочли бы нечто другое — более раскрепощенную политику Европейского центрального банка, который мог бы безо всяких оговорок скупать выпускаемые ими облигации, в случае чего допечатывая деньги.

Это, разумеется, не по душе Германии, так как в более длительной перспективе грозит инфляцией, а у должников порождает искушение не предпринимать подлинных действий по сбережению. Находить в подобном вопросе разумный компромисс нелегко, однако постепенно он выстраивается. Хотя нет сомнений, что, принимая во внимание текущую раскладку сил в Европе, этот компромисс будет, вероятно, ближе к немецким представлениям, чем к средиземноморским.

Вторая проблема «евроланда» состоит в таком изменении принципов функционирования единой валюты, чтобы в будущем дело не могло дойти до повторения сегодняшнего кризиса. Это также подогревает разногласия, так как требует внедрить эффективные механизмы контроля экономической политики, проводимой странами зоны евро, а в случае нарушения совместно одобренных принципов — применять болезненные и автоматически срабатывающие наказания для провинившихся. В большей степени это нравится странам севера, нежели привыкшим к «мягким деньгам» государствам юга. Но и здесь соотношение сил приводит к тому, что шаг за шагом необходимые изменения реализуются.

Словом, в зоне евро очень медленно происходит стабилизация. Вопреки надеждам критиков всё менее правдоподобным становится не только ее распад, но даже значительные изменения ее состава (иначе говоря, выход отдельных стран юга из зоны евро). Хотя прогресс нетороплив и болезнен, начинают облекаться в плоть и кровь предложения по коренным изменениям в функционировании «евроланда» — некоторые уже внедряются в жизнь, другие всё еще только обсуждаются в политических и банковских кабинетах.

Нога в двери

И тут начинает появляться проблема для тех стран Евросоюза, которые, как Польша, остаются за пределами клуба — другими словами, зоны евро. Сколь бы старательно это ни скрывать, ключевые дискуссии по поводу функционирования зоны евро — а следовательно, и всего Евросоюза в целом — ведутся между теми странами, которые в данный момент являются членами клуба. Это они начинают вырабатывать совместные решения, которым предстоит сформировать будущий Евросоюз. Максимум, что могут сделать остальные страны, — это заявить о своем добровольном присоединении к указанным инициативам. И не потому, что это сегодня необходимо для них с экономической точки зрения, но главным образом для того, чтобы не остаться снаружи в тот момент, когда дверь в клуб захлопнется. Ибо, хотя сегодня в клубе дебатируются главным образом механизмы, связанные с функционированием евро, завтра дискуссия может охватить все иные ключевые аспекты функционирования Евросоюза, в том числе столь важный для нас союзный бюджет.

Нет никакого сомнения, что на протяжении ближайших нескольких лет у нас нет шансов оказаться в зоне евро. Первый технически вообразимый срок — это начало 2016 г., разумеется, при условии, что мы будем удовлетворять всем критериям. Но для этого потребуется в первую очередь внести изменения в конституцию, что не представляется возможным до парламентских выборов в конце 2015 года.

В свете изложенного мы, делая хорошую мину при трудной игре, начали применять стратегию просовывания ноги в дверь: не участвуя в принятии решений для зоны евро, мы добивались, чтобы с нами хотя бы консультировались по ним. В меру возможностей мы объявляли также о добровольном присоединении к части заново вводимых механизмов — в особенности там, где это не связано для нас со сколько-нибудь крупными затратами и проблемами (именно поэтому мы готовы примкнуть к фискальному пакту, требованиям которого в значительной степени и без того уже удовлетворяем, — но, пожалуй, не принималось в расчет добровольное подключение к системе фондов спасения для стран-должников, так как это было бы связано для нас с необходимостью выкладывать огромные суммы без ощутимой выгоды).

В течение какого-то времени мы могли даже делать вид, что это необычайно рафинированная и ловкая стратегия, позволяющая нам сочетать выгоды от обладания собственной валютой и от поддержания контактов с клубом. Такую игру уже более десятка лет ведет, к примеру, Швеция. На практике она она соответствует всем формальным требованиям для вхождения в «евроланд», но вместе с тем не посылает в Брюссель заявление о введении общей валюты и пользуется выгодами от наличия

кроны. Либо Великобритания, без устали задающая себе гамлетовский вопрос: быть или не быть в Евросоюзе?

Однако нам не следует обманывать самих себя — мы были попросту обречены на такую политику, практически не располагая возможностью ввести евро, но одновременно опасаясь, что клуб может постепенно преобразоваться в новое, узкое ядро Евросоюза. А всякий, кто в тот момент останется за его пределами, фактически утратит право голоса в делах, ключевых для себя и Европы.

Три краеугольных камня нового Евросоюза

Эта игра медленно подходит к концу. Хотя этого, быть может, явственно еще и не видно, в зоне евро начинают созревать предложения по таким изменениям, которые уже не удастся ни тормозить ногой, вставленной в дверь, ни трактовать как действия, в которых мы можем участвовать вполсилы, будучи одновременно и вне клуба, и «немножко» внутри. Речь идет об изменениях всё более крупного калибра, образующих фактически новые рамки функционирования Евросоюза, в случае которых потребуется четкое решение: либо мы их принимаем, либо целиком отвергаем. Но их принятие всё чаще будет иметь смысл только при условии, если мы решимся в предвидимом будущем ввести евро.

Многое указывает, что возникнет новый Евросоюз, вхождение в который будет зависеть от принятия евро.

Конструкция новой зоны евро — а фактически нового Евросоюза — может базироваться на трех краеугольных камнях, форма которых начинает постепенно вырисовываться. Первым краеугольным камнем выступает фискальная интеграция, другими словами, усиленный контроль над правительственными дефицитами и долгами (этому в равной мере служит как фискальный пакт, иначе говоря, контрольный механизм для почти всего Евросоюза, так и пока лишь обсуждаемый отдельный бюджет зоны евро). Второй краеугольный камень — это банковская интеграция (в ее рамках предлагается участие в совместном банковском надзоре, но в дальнейшем очередь дойдет и до единого механизма банкротства банков и гарантирования депозитов).

Наконец, третий краеугольный камень, пока что медленнее всего возводимый, хотя, возможно, самый важный, — это более широко понимаемая интеграция экономической политики, имеющая целью сбалансированность всего народного хозяйства, а значит, и контроль задолженности частного сектора, и политика поддержания конкурентоспособности.

Появятся ли все эти три краеугольных камня на самом деле? Сегодня это еще неизвестно. Но если они действительно будут в полной мере воздвигнуты, то в зоне евро наступит новый этап интеграции, образующий из нее истинное ядро Евросоюза. Он подорвет значение тех механизмов и институтов, которые регулировали действия прежнего ЕС. Другими словами, возникнет новый Евросоюз, вхождение в который — а значит, и право голоса — будет обусловлено использованием евро.

И в этом состоит причина, по которой дальше уже не удастся вести игру на затягивание времени. Если мы намереваемся принимать осмысленные решения по поводу того, вводим ли мы у себя в стране очередные элементы новой архитектуры Евросоюза, то нам необходимо знать, хотим ли мы — и в какие сроки — ввести евро, принимая во внимание экономические и политические последствия того или иного выбора. Проблема лишь в том, что речь идет об игре с весьма многочисленными неизвестными. Принимать в ней окончательные и необратимые решения мы пока еще не должны, но готовиться к их возможному принятию — наверняка. А это означает, что откладывать публичную дискуссию нельзя.

POLITYKA

Автор — профессор экономики, главный экономический советник в компании «Pricewaterhouse Coopers» (PwC).

Адам Домбровский
Агата Грабау

ПОЛЯКИ ПОКОРЯЮТ БРИТАНСКИЕ ОСТРОВА

Поляков в Великобритании становится все больше. И они давно уже не занимаются мытьем посуды.

— Поляк, приезжающий на Британские острова мыть посуду? Это всего лишь стереотип! — говорит Лукаш Филим, глава Объединения польских профессионалов. — Очень многие из наших соотечественников начали искать работу еще на берегах Вислы и сразу получили должность по своей профессии. Мало того — через год или два они взбирались еще выше.

— Польские карьеры здесь — это истории людей, которые приехали в один из четырех финансовых центров мира, получили здесь необходимые инструменты и сумели их использовать. На Островах нет институциональных барьеров в карьере. То, из какой страны ты родом, не имеет значения, — подтверждает Михал Гарапих, социальный антрополог из лондонского университета Роехэмптон. Во всей Великобритании пребывает около миллиона поляков. Их труд приносит британской экономике около 3 млрд. фунтов в год. Всё чаще молодые иммигранты хотят почувствовать себя гражданами мира. Хотят посещать английские театры, а после работы выпить с приятелями пива в пабе в Сити.

Начиналось с собирания стаканов в ресторане

— Это было в 2004 г., сразу же после того, как Великобритания открылась для иммигрантов. Здесь уже две недели жил мой парень. Он нашел работу в пиццерии. У нас обоих были вполне четкие планы: мы хотели пойти учиться. Вот только мой английский был довольно слаб, поэтому после работы я тратила очень много времени, шлифуя его, — вспоминает Юстына Скирская.

Со временем уверенность в себе росла

— Я подала заявление в несколько высших учебных заведений. Постепенно стали приходить ответы, много положительных. В результате я начала верить, что у меня получится. В конечном счете я пошла на юридический. А работа? Еще очень долго я продолжала урывками трудиться — в пабе, магазине, ресторане... — перечисляет Юстына.

Перелом наступил после второго года учебы. Работа на вахте студенческого общежития уже требовала общения, большей креативности и самостоятельности. А сегодня? Юстына трудится в юридической конторе совсем рядом с Трафальгарской площадью. Девушка только что завершила стажировку и готова сдавать государственный экзамен. Времена собирания стаканов и обитания в комнатушке над зачуханным пабом кажутся ей совершенно другой эпохой.

Похожих эмигрантских историй можно услышать здесь весьма много.

Мытье посуды — это миф

Бывали и такие, кто начинал, работая ниже своей квалификации, но постепенно преодолевал очередные ступеньки карьеры. Мне известна масса таких случаев. К нашей организации принадлежит один парень, который на первых порах раскладывал товар по полкам в супермаркете, а сегодня он там менеджер, — рассказывает Лукаш и добавляет, что сам он, прежде чем получить место в банке, стартовал в ресторане.

— К экономическому и социальному продвижению сегодня особенно стремятся те, кто живет в Великобритании уже длительное время, хорошо разобрался в тамошней среде, знает язык, выстроил себе автобиографию, получил рекомендации, — разъясняет проф. Кристина Иглицкая-Окульская, демограф, ректор Высшей школы торговли и права им. Рышарда Лазарского. — Поляков перестали воспринимать как угрозу, они прекрасно показали себя, и их рассматривают как очень хороших ра-

ботников, а это открыло перед ними новые возможности. Их достоинства ценят и работодатели из других стран Европы, например немцы, которые не могут сегодня простить себе, что лишь недавно открыли нам свой рынок труда.

— Поляки? Они мои сотрудники с давних пор, еще до того, как вы вступили в Евросоюз. Исключительно симпатичные люди и необычайно честные, — подтверждает Джо Бреслин, владелец ремонтной фирмы из южного Лондона.

Во время последней всеобщей переписи только в Англии и Уэльсе о польском происхождении заявили 579 тыс. человек. Мы опередили пакистанцев (482 тыс.), а единственное более внушительное меньшинство составляют сегодня индийцы (694 тыс.). Бюро национальной статистики, эквивалент польского ЦСУ, в 2011 г. сообщило, что количество поляков во всей Великобритании достигло миллиона. А если учесть, что уже два года мы здесь самым плодовитый народ — у нас рождается больше детей, чем у коренных британцев, а также у индийцев или пакистанцев, — то, вероятно, вскоре мы станем второй нацией после коренных британцев. То же самое происходит в Ирландии, где уже сейчас мы представляем собой самое многочисленное национальное меньшинство.

Евросоюз для поляков

Великобритания была единственной страной, которая после расширения Евросоюза не ввела для иммигрантов с берегов Вислы никаких переходных периодов. Поэтому в мае 2004 г. на Британские острова пошел настоящий штурм. Правившие тогда лейбористы абсолютно не предвидели его размеров.

Сначала мы прибывали главным образом по суше — десятки туристических автобусов свозили нас из городов и городков всей Польши. Сутки в неудобном кресле и полные неуверенности разговоры («Этот мой английский скорее так себе»). Потом холодное, темное Кале (ночью переправа дешевле), первое зрелище белых утесов и «Good morning» таможенника, который с недавних пор потерял над нами власть: поедем ли мы дальше, перестало зависеть от вожделенной печати в заграничном паспорте.

— Мы приезжали сюда и трудились очень тяжко. Проявляли большую решимость. Однако я считаю, что по сей день нам зачастую не хватает веры в собственные силы, — говорит Лукаш Филим.

Чтобы добиться здесь успеха, необходимо выработать в себе такую веру.

— Невозможно отрицать, что на протяжении какого-то времени я была страшно разочарована. Долго чувствовала себя недооцененной. Начинала я за стойкой бара. Потом выполняла разную физическую работу. Перелом наступил, когда я проработала какое-то время в юридической конторе, готовя бутерброды. Мне удалось договориться с владельцем, который написал мне в рекомендациях, что я выполняла там канцелярскую работу. Следующее мое рабочее место было уже за письменным столом; другое дело, что атмосфера там мне совершенно не подходила, и через год я ушла. А спустя некоторое время нашла нечто лучшее. Очень скоро я получу звание дипломированного бухгалтера, — рассказывает Беата Копка, которая в первый раз приехала в Великобританию 12 лет назад.

— Еще несколько лет назад поляки приезжали в качестве дешевой рабочей силы, так же, например, как мексиканцы в США, — подтверждает социолог Мирослав Бенецкий из Института миграционных исследований. — Сегодня они всё чаще занимают должности, соответствующие их образованию и запросам. Мы не чувствуем себя худшими, перестали довольствоваться самой низкой зарплатой и простыми занятиями, не требующими специализированной квалификации.

Мы преобразуем пейзаж

Магазин Салима в Пекхэме на юго-востоке Лондона торгует типичной для иммигрантских кварталов всякой всячиной — от индийского хлеба наан до архианглийского мармелада. Но уже нескольких лет у Салима оборудован дополнительный зал. А там на полках пыжатся огурцы, голубцы и польские соки. Холодильники полны сыров и польских копченостей. «Это попросту логичное решение. Поляков здесь столько, что такой зал — превосходная инвестиция», — объясняет Салим.

По прошествии восьми лет можно спокойно сказать, что и Великобритания постепенно меняется под воздействием польских иммигрантов. Доказательства можно найти на каждом шагу.

Наше присутствие заметно и в районе Хаммерсмит на западе города. До Гайд-парка отсюда 20 минут автобусом. До Букингемского дворца — 15 минут на метро. Это почти центр. А на главной улице рядом с местным театром, мультиплексом, пиццерией и индийскими забегаловками — польские магазины, книжная лавка, рестораны и туристические бюро.

Яцек Озаист держит здесь ресторан «Робин Гуд». Выкупил его в этом году у другого иммигранта, родом из Ирана, — Сэма. Иранец работал в своей стране журналистом. Сначала его хотели убить за то, что он критиковал шаха, потом — за то, что критиковал исламскую республику. В итоге он упаковал свои пожитки и в 1980-х приехал в Великобританию. «У меня здесь было восемь закусочных. Некоторое время назад я решил их продать. А с Яцеком знаком и знал, что это классный мужик», — рассказывает Сэм.

— Бизнес крутится?

— Всё совсем неплохо, не жалуюсь. Приходит много поляков, но британцев и иностранцев — тоже, — радуется Озаист.

С Яцеком и Сэмом мы встречаемся перед самым Рождеством. Прямо в этот момент идет типичный английский праздничный прием. Как всегда, шумно, спиртное льется рекой, а на столе — обязательные индейка и пудинг с экзотическими сухофруктами. Сэм, который работал, в частности, и поваром, приехал сегодня специально, чтобы помочь Яцеку. И на этот единственный вечер взял на себя контроль над кухней. «Это меня успокаивает», — широко усмехается он. Потому что так уж здесь заведено: никого не удивляет традиционный английский ужин, приготовленный иранцем в ресторане, который принадлежит поляку.

— Несколько дней назад мы организовали похожий прием для группы пожилых англичан. Часть из них столовалась днем раньше в традиционном английском пабе. После окончания нас похвалили и сказали, что у нас было вкуснее. Это очко для нас! — хвастается Озаист.

Чтобы добраться туда, где он находится сегодня, Яцеку пришлось пройти довольно типичный эмигрантский путь: много физического труда, съемные комнаты, грызня с недобросовестными домохозяевами. Но удалось.

Надо, однако, признать, что не все замыслы срабатывают. Сразу после открытия ворот Евросоюза бум на Британских островах переживали польские СМИ. Заниматься сочинительством, звукозаписью и съемками брался почти каждый. Сегодня от всего этого осталось не слишком много. Сектор, в который с самого начала чрезмерно инвестировали, был добит тянущимся с 2008 г. кризисом. Это, скорее всего, доказывает еще одну вещь: более юная волна приезжих, пожалуй, неохотно соглашается на клеймо иммигранта.

Спустя какое-то время молодежь осваивается с новой действительностью и вместо того, чтобы прибегать к газетам на польском языке, где тексты нередко составляют лишь добавку к объявлениям, выбирает «Гардиан» или «Сан». Британский вариант нью-йоркской «Маленькой Польши» здесь не возникнет.

Мысль о возвращении

На Британских островах по-прежнему живут так называемые маятниковые иммигранты, которые приезжают на короткий период и не пускают корней, потому что хотят заработать и вернуться на родину. Таких, однако, сегодня всё меньше. Большинство польских трудящихся в Великобритании уже не рассчитывает на быстрый заработок. «На первых порах мы имели дело с перманентной временностью, сегодня — с временной перманентностью, — оценивает ситуацию Мирослав Бенецкий. — Сразу после открытия британского рынка большинство иммигрантов хваталось за любую работу только ради того, чтобы отложить как можно больше и вернуться домой. Когда фунт стоил около 8 злотых, подобное поведение имело смысл. Однако вследствие постепенного изменения курса быстрый заработок перестал быть таким заманчивым. Работники из Польши всё увереннее встраивались в местную действительность. Их пребывание здесь перестало носить признаки временности, они знают, как искать жилье и работу, владеют языком и, наконец, вытаскивают к себе семью». Обычно они прогнозируют, что когда-нибудь вернутся, но бесконечно откладывают это возвращение, — убе-

ждает социолог. По его мнению, поляки всё чаще включаются в более широкий тренд европейских миграций: «Трудовая мобильность в рамках Евросоюза стала уже повседневностью. Сам я родом из Гливиц, и, когда читаю предложения о трудоустройстве, меня интересуют не только те, что из Варшавы, но в равной степени и из британских городов. Переселение из одного польского города в другой иногда труднее осуществить, чем отъезд в Лондон».

Это подтверждает Бернард Куявский, программист в компании, изучающей формы потребительского поведения. «В решении о переезде помогает тот факт, что всегда можно подскочить на несколько дней в Польшу. Автобусный билет — это сегодня расход порядка 60-70 фунтов».

Бернард приехал в Лондон учиться, и в противоположность большинству иммигрантов ему не пришлось проходить через этап работы ниже своей квалификации. В июне 2005 г. он окончил физический факультет Варшавского политехнического института, а уже в сентябре благодаря европейской стипендии им. Марии Кюри приступил к занятиям в аспирантуре лондонского университета Брюнель. После трех лет учебы и присвоения научной степени он получил контракт в Лондонской школе экономики, а позднее и следующий — в колледже королевы Марии Лондонского университета. «Однако я не переставал искать другой путь, потому что в университете не чувствовал себя хорошо, — вспоминает он. — На протяжении нескольких месяцев доучивался, осваивая один из языков программирования. Это принесло дивиденды, и сегодня у меня есть надежная работа с постоянным договором вместо временных контрактов».

Для Бернарда Лондон стал сегодня домом. Здесь он женился (на польке, с которой познакомился еще в период учебы на родине) и купил квартиру, здесь в марте появится на свет его первый ребенок. Возвращение в Польшу он откладывает на некое неопределенное будущее: «Наверняка не раньше, чем через пять-семь лет».

Чего боятся островитяне

Невозможно скрыть, что часть прессы, настроенной в более правом духе, во главе с «Дейли мейл» или «Дейли экспресс» почти с самого начала выбрала себе поляков мишенью: понаехали, отбирают у нас работу, пользуются нашими пособиями, завладевают целыми районами... Но это не всё! Из-за поляков страдают, например, еще и бедные британские лебеди. Какое-то время назад один из таблоидов поместил леденящую кровь в жилах историю о понесшей жестокий урон популяции этих птиц, которые живут в окрестностях Питерборо. А всё из-за того, что польские иммигранты регулярно устраивали на них охоту. Как, видите ли, известно везде и повсюду, на берегах Вислы лебеди — это региональное лакомство.

— Такие вещи не имеют, однако, слишком большого значения, — убеждает Павел Свидлицкий из «Open Europe», одного из самых авторитетных британских «мозговых центров». — Думаю, что о поляках сложилось хорошее мнение. Их воспринимают как очень трудолюбивых людей. Если говорить в целом, наплыв иммигрантов подействовал на экономику положительно, стимулируя рост. Нет сомнений, что здешний бизнес настроен по отношению к этой волне иммиграции весьма позитивно.

Бизнес — может быть, но что с теми, с кем поляки конкурируют? Ведь многие британцы считают, что наши отбирают у них работу, хотя бы соглашаясь на более низкие ставки.

— Я не считаю этот аргумент справедливым, — говорит Свидлицкий. — Многие рабочие места вообще бы не возникли, если бы не приток иммигрантов! Впрочем, даже если вести речь о должностях, которые теоретически не требуют высокой квалификации, оказывается, что британцы не всегда годятся. Некоторое время назад Би-Би-Си показало передачу о городке в Восточной Англии. Журналисты попросили польских рабочих на один день уступить свои обязанности безработным британцам. Оказалось, что поляки справляются гораздо лучше. Это, разумеется, не научный эксперимент, но в определенном смысле он подтвердил господствующее здесь впечатление, что иммигранты работают на совесть.

Возвращений не было

Когда в 2008 г. разразился всемирный экономический кризис, многие из наблюдателей рынка предве-

• Численность поляков в Англии и Уэльсе увеличилась с 2001 г. в десять раз.
• Самые популярные страны происхождения иммигрантов — это Индия, Польша и Пакистан.
• В Лондоне около 40% работающих составляют лица из-за пределов Великобритании. В Сити, деловом центре города, иностранцы составляют приблизительно треть квалифицированных кадров.

щали эмигрантам скорое возвращение в родную страну. Однако ничего подобного не произошло. «Поляки не только не начали в массовом порядке возвращаться из эмиграции, но, напротив, число выезжающих еще увеличилось», — отмечает проф. Иглицкая-Окульская. Не пополнили мы и массу безработных, как опасались британцы. Правда, в соответствии с тем, что сообщило год назад британское министерство труда и пенсий, около 14 тыс. польских иммигрантов получают пособие для неработающих, но это ставит нас лишь на седьмое место среди иностранцев.

— Если сегодняшние польские эмигранты решатся на отъезд из Великобритании, их целью, скорее всего, станет не Польша, — рассуждает Мирослав Бенецкий. — Более правдоподобно, что они будут искать свое место в других государствах Европы, например, в Бельгии или Голландии.

Популярный британский комик Джимми Карр сказал недавно: «Великобритания может гордиться. Она располагает самыми добросовестными и гибкими работниками — поляками».

И всё выше ценит этих работников.

Przegląd

Михал Потоцкий

ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В СИБИРИ

Хотя в 1863 г. нам и не удалось добиться свободы, но наши ссыльные сыграли важную роль в развитии Сибири. Вот несколько самых известных в этом регионе поляков.

— Поляков мы не можем считать чужими. В Бурятии они свои, в конце концов, они прибыли сюда тогда же, когда и русские, — говорил на одном из мероприятий Полонии в Улан-Удэ (180 км от монгольской границы) Михаил Харитонов, замначальника администрации президента этой байкальской республики. И говорил это совсем не только из вежливости. Поляки, хотя обычно и не по своей воле, попадали в Сибирь в течение нескольких столетий, и мало какой народ может похвастаться таким вкладом в развитие этой части Азии.

Одним из первых поляков здесь был Ницефор Черниховский (Никифор Черниговский), попавший в плен во время Смоленской войны 1632 года. Его отправили в армию на китайскую границу. После конфликта с местными властями (он убил чиновника) Ницефор поднял бунт, руководя несколькими десятками солдат-казаков, и занял заброшенный острог Албазино. Более десяти лет он удерживал власть в квазигосударстве, получившем название от его собственного прозвища Якса, и поддерживал дипломатические отношения не только с окрестными племенами, но и с Китайской империей. В конце концов за его заслуги царь снял с него обвинение в убийстве. Русско-китайское столкновение, частью которого была личная война Черниховского, закончилось подписанием Нерчинского договора — первого в истории договора, подписанного между Россией и Китаем. Одна из сохранившихся грамот императора Канси с условиями договора о границах была написана на трех языках — по-китайски, по-русски и по-польски. Русифицированная фамилия Черниговский в районе Байкала встречается до сих пор.

Сибирь ассоциируется у нас с проклятым местом ссылок, лагерей и репрессий. Однако потомки поляков горячо протестуют, когда слышат выражение «бесчеловечная земля» по отношению к своему краю.

— Эта земля очень даже человечная, здесь можно нормально жить, это наша малая родина, — слышал я много раз во время путешествия.

Тюрьма меняет жизнь

В азиатской части России Польша не воспринимается настороженно, как это бывает ближе к столице. Михаил Харитонов приехал в школу в Улан-Удэ на церемонию, частью которой было вручение нескольких «карт поляка» представительницей нашего консульства в Иркутске. Нечто подобное было бы совершенно невозможно в Петербурге или Москве.

Местная интеллигенция охотно учит польский язык, впрочем, значительная ее часть имеет польские корни. Среди них, например, известный историк Болеслав Шостакович, чей прадед — с теми же именем и фамилией, — будучи ссыльным, в 1902-1903 гг. занимал даже пост городского головы Иркутска. История его недолгого правления была отмечена организацией сети городских бань и введением налога на воду из городских колодцев. А его внук Дмитрий стал всемирно известным композитором.

В 80 км к северо-западу от Иркутска, в небольшом городке Усолье-Сибирском действует единственная в России государственная школа, где дети могут выбрать польский в качестве иностранного языка. И выбирают. Аннета Ксель учит нашему языку 200 из 600 учеников гимназии. Большинство из них — этнические русские, хотя некоторые признаются (иногда без достаточных оснований), что их прадедушка или прабабушка были поляками. При этом директора гимназии Сергея Кривобокова полностью поддерживают местные власти.

— Мы предоставили детям широкую языковую программу. Они могли выбрать испанский, немецкий или французский, — рассказывает Кривобоков.

И никто не может убедительно объяснить, почему гимназия находится именно в Усолье. Среди детей нет практически никого, кто прямо считал бы себя поляком. Может быть, решающим оказался дух истории. Город был центром ссылки для поляков после восстания 1863 года. 22 января будет 150-я годовщина восстания. В Сибирь было сослано от 20 до 40 тыс. человек. После амнистии 1883 г. только часть из них вернулась в Польшу. Остальные — а среди них были люди наиболее активные и образованные — остались.

Так остался врач Целестин Цехановский. Выпускник варшавской Медико-хирургической академии, первого высшего учебного заведения, которое возобновило работу в Царстве Польском после подавления восстания 1830 г., Цехановский за то, что лечил раненных повстанцев и держал у себя оружие, был приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь и каторжным работам.

— Цехановский попал в Александровский централ, где провел 20 лет, — рассказывает его правнучка Нина Колесникова. Сама она уже не помнит польского языка, но о своем прадеде говорит с сильным волнением. Тюрьма эта находилась в небольшом селе Александровское в Иркутской губернии. За несколько десятилетий ее существования в ее стенах побывало множество поляков — от Петра Высоцкого, инициатора восстания 1830 г., до Феликса Дзержинского, будущего создателя кровавой большевистской политической полиции.

В 80-х годах XIX века начальником тюрьмы стал Александр Сипягин.

— Цехановский помог ему улучшить гигиенические условия содержания заключенных. Когда об этом узнали местные рабочие, они упросили начальника отпускать к ним доктора на вызовы к больным. Вскоре о Цехановском заговорила вся округа, и из соседних деревень стали приходить больные с просьбами о помощи, — рассказывает Колесникова. Прадед был освобожден в 1883 г., но вскоре вернулся в тюрьму — теперь уже как штатный тюремный врач.

В Иркутске, который был тогда самым большим городом Сибири, большинство практикующих врачей (а всего их было 30) составляли поляки. Благодаря нашим соотечественникам была создана первая в городе поликлиника.

— Целестин Цехановский умер в 1907 г., после того, как в Москве убили его любимого сына, студента медицины Михаила. Сердце не выдержало, — говорит Нина Колесникова. Другого сына Цехановского и его жены Татьяны, с которой он познакомился в Сибири, архитектора Степана, расстреляли в 1937 г. во время так называемой «польской операции». Он стал одной из 100 тысяч жертв первого сталинского геноцида, направленного на определенный народ.

Врачи, геологи, инженеры

Большая часть наказаний, наложенных на повстанцев, не была связана с принудительными работами в определенном месте или заключением, а состояла в запрете покидать конкретный город или возвращаться в европейскую часть России.

Поэтому ссыльные занимались тем, что лучше всего умели делать. Сибирский историк Екатерина Дегальцева пишет о семье Завадовских, которая в 80-х годах XIX века создала торговую империю в этом регионе. Они скупали меха у коренных народов Сибири, мясо и рыбу у русских крестьян. Затем товары отправлялись на запад, до самой Тюмени, то есть больше чем за 3000 км от Иркутска. Как описывает Дегальцева, в конце XIX — начале XX вв. почти в каждом сибирском городе существовали «варшавские магазины». В них можно было купить товары, привезенные со «старой родины», в основном обувь и ремесленные изделия. Что-то вроде колониальных товаров, только наоборот.

Русские охотно прибегали и к помощи польских инженеров. Барон Иоганн Аминов сначала принимал участие в подавлении восстания 1863 г., а затем — став начальником строительства канала, соединяющего Обь с Енисеем, — собрал вокруг себя польских специалистов: Балицкого, Мицкевича, Стратоновича. В свою очередь, на разведке и золотодобыче в этом регионе работал известный революционер, выбранный в члены правительства предводителями Забайкальского восстания ссыльных

(1866) Иосафат Огрызко. А нашим врачам — Лисоцкому, Лаговичу и Томкевичу — Тобольск обязан прекращением эпидемии тифа.

Однако наибольший вклад в развитие Сибири поляки сделали в области изучения географии и этнографии. Самые известные из них — Ян Черский и Александр Чекановский. Первый из Витебска, второй с Волыни — оба были сосланы в Сибирь за участие в том же восстании. Черскому благодаря заступничеству коллег Григория Потанина и Александра Миддендорфа, несмотря на принудительную отправку на службу в царскую армию, было разрешено заниматься геологическими изысканиями. Русские обязаны ему тщательным изучением озера Байкал и первой геологической картой его берегов. Когда едешь из Иркутска в Листвянку, курорт на Байкале, над головой нависает хребет Черского. Его имя носят также несколько улиц, деревня на Колыме и даже иркутская организация белорусского меньшинства, потому что белорусы тоже считают исследователя «своим».

Ян Черский умер в 1892 г. во время своей последней экспедиции, на берегах колымской реки Омолон. Александр Чекановский — в 1874 г. в Петербурге от передозировки лекарств. Если именем Черского названы в основном географические объекты, то память о Чекановском хранит мир растений и животных. Его экспедиции проходили на крупнейших реках Центральной Сибири — Лене, Нижней Тунгуске, Ангаре. Да и сама по себе ссылка была для него одной большой, хотя и вынужденной, экспедицией. На первое место ссылки, в Тобольск, Чекановский был отправлен из Киева пешим этапом.

Окрестности Байкала и Камчатку изучал также известный еще до восстания натуралист Бенедикт Дыбовский. В 1864 г. он как бывший комиссар Национального правительства Литвы и Белоруссии был приговорен к смертной казни. Ему удалось избежать петли только благодаря заступничеству немецких зоологов и канцлера Пруссии Отто фон Бисмарка. В ссылке Дыбовский вместе с другим участником восстания, Виктором Годлевским, исследовал байкальский регион и описал более ста неизвестных ранее видов животных.

Дыбовский оставил о себе добрую память еще и своей благотворительной деятельностью. Став окружным врачом в Петропавловске-Камчатском, он учреждал больницы на Камчатке, а также способствовал развитию оленеводства, разведению коз и соболей, давая тем самым жителям близлежащих островов источник средств к существованию. Самая высокая гора на расположенном у берегов Камчатки острове Беринга названа в его честь горой Дыбовского. Русское правительство за его заслуги позволило ему в 1883 г. эмигрировать во Львов, бывший в то время частью Австро-Венгерской империи. Дыбовский скончался в 1930 г. в почтенном возрасте 96 лет в независимой Польской Республике.

Польские ученые внесли свой вклад в изучение обычаев и языков коренных народов русского Дальнего Севера и Дальнего Востока. Брат Юзефа Пилсудского Бронислав, сосланный в 1887 г. на Сахалин за участие в приготовлениях к покушению на царя Александра III, составил словари языков нивхов и айнов, коренных народностей, живущих между Сахалином и японским островом Хоккайдо. Выйдя на свободу, он женился на айнке Чусамме. Внук Бронислава и Чусаммы Пилсудских Казуясу Кимура живет в Иокогаме в Японии. Он — единственный потомок братьев Пилсудских по мужской линии.

Забытый в Польше Эдвард Пекарский, родившийся под Минском за пять лет до начала восстания 1863 г. и сосланный в Якутию в 1888-м, стал автором фундаментального, по сей день используемого русско-якутского словаря, а также многочисленных публикаций, посвященных обычаям этого полумиллионного народа — дальнего родственника турок. Первые записи для словаря Пекарский делал чернилами из отвара ивовой коры на обрывках газет, чтобы не умереть со скуки в небольшой юрте в деревне, которую местные называли Джеренгнеех.

В Якутске, столице автономной республики Саха, сегодня стоит памятник Пекарскому. Так же, как и Черского, его считают своим соотечественником не только поляки, но и белорусы.

— Наш земляк Эдуард Пякарский (так его фамилия звучит по-белорусски. — *Ред.*) дал якутам словарь, а на памятнике написано «великому польскому путешественнику», — жаловался президентской газете «Беларусь сегодня» полярник Владзимир Драбо, руководитель белорусской экспедиции по Якутии в 2004 году. — Но когда-нибудь мы восстановим историческую справедливость.

Польский soft power

Для Польши январское восстание означало очередную бойню лучших ее сынов, после которой наступили годы самой тяжелой «русификации» на берегах Вислы, навсегда лишившие надежды на восстановление многонационального государства в тех границах, в которых оно существовало до разделов. В России антимонархическое выступление поляков стало одним из катализаторов идейной эволюции в кругах интеллигенции: от модного прежде либерализма, в том числе и в межнациональных отношениях, в сторону русского национализма и шовинизма. Эти перемены можно проследить, например, по произведениям И.С.Тургенева.

В Сибири, однако, волна поляков, нахлынувшая после восстания, вызывает хорошие ассоциации. В Иркутске есть не только улица Черского, но и улица Польских Повстанцев, хотя они и выступали против российского государства. Живой интерес к польскому языку в Усолье-Сибирском, Иркутске и Улан-Удэ нередко возникает и среди представителей коренных народов Сибири. Корреспонденту ДГП довелось встретить за Байкалом бурятов, родственников монгольских народов, говоривших по-польски лучше, чем местные активисты Полонии.

— Моя бабушка была из Польши. Хотя возможно, что она была не полькой, а еврейкой, — говорил мне с улыбкой Геннадий Иванов, заместитель главы польской организации «Надежда» в Улан-Удэ. Иванов знает много польских выражений, ходит в футболке польской сборной и называет себя бурятско-польским националистом. Если не считать его бабушки неизвестной сегодня национальности и польской жены Марии, Иванов — стопроцентный бурят, полностью укорененный в буддийской культуре региона. Видимо, этот особенный польский soft power захватывает не только прямых потомков ссыльных. Отсюда же — присутствие представителей местных властей на церемонии вручения «карт поляка». Было бы замечательно, если бы эта часто бескорыстная симпатия распространилась и на федеральных чиновников.

DZIENNIK GAZETA PRAWNA

Автор благодарен «Центру польско-русского диалога и согласия» за организацию поездки в Сибирь. В поездке также принимали участие журналисты других польских СМИ.

Юзеф Чапский

Перевод Дениса Пелихова

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЛЬСКОСТИ

Мне очень трудно говорить о польскости — так как моя польскость росла во мне неожиданным образом. Все мы были патриотами, все пели «Jeszcze Polska nie zginęła...» и еще «Kde domov můj?» — так как моя мать была австрийка из Чехии и считалась чешкой. А отец был национально весьма безразличным. Порядочный поляк, шляхтич и только. Наш дедушка был, правда, высоким российским чиновником — все это описала моя сестра Марыня в «Европе в семье». Мой дедушка с молодости писал о России «notre patrie». Только вот потом порвал полностью с Россией, и тогда не было такого грубого слова, которого он не произнес бы, говоря о России. Разные наши балто-русские тетки возмущались, что так нельзя говорить при детях. А эти дети — это был, к примеру, Чичерин, впоследствии большевистский комиссар. Это было невероятное переплетение.

А школы? Школы были русские. И домашний учитель невыносимый Ивановский, у которого не было и тени культуры — ничего не знал. Когда я начал читать Мицкевича, он смеялся, что это несерьезно. А наши русские школы были никудышные — весьма заурядные, хоть среди них и были превосходные гимназии. Лично я не был образованным. Ничего не знал. Читал Толстого.

Толстой откуда взялся? К Толстому достаточно прикоснуться, достаточно открыть «Анну Каренину», чтобы понять, насколько это великая литература. И сразу потом мне в руки попал Достоевский, который до сих пор остается моим писателем. Я глубоко погрузился в эту литературу, однако полностью не ушел в русскость. Русских друзей у меня было немного — несколько моих балтийских родственников, которые были «почти русские», но настоящих русских знакомств у меня лично не было. Через Толстого я пришел к непротивлению злу насилием.

Конечно, у меня были и польские книги. Я взахлеб читал Жеромского еще до 1915 года, он оказал огромное влияние на мое ви́дение человека. К Жеромскому я обращался и позже. Он писал вещи плохие, но и замечательные тоже, и я всегда буду его защищать. А вторая важная вещь — это Корчак, его «Глупости» и «Дитя гостиной» — книги, которые сегодня, кажется, совершенно забыты, к которым сам Корчак потом относился равнодушно. Для нас тогда это было откровением.

Когда после того, как разразилась революция, я поехал под Минск, где формировалась польская армия, еще на советской территории, то там я столкнулся с такой максимальной польскостью в смысле любви к Польше и польским обычаям — и это меня восхитило. Вместе с тем, однако, я оставался всё тем же толстовским пацифистом. Я пошел к моему командиру эскадрона и сказал ему: «Товарищ ротмистр, я иду в армию только из трусости, потому что я противник войны вообще». Он не обратил на это совершенно никакого внимания, не мог поверить — настолько это было ему чуждо. Я очень подружился с Бронеком Ромером — это был солдат как с картинки. Его я тоже склонял к пацифизму! Мы спорили без конца. Он как-то, проходя мимо — второпях

возвращаясь с какого-то собрания, — бросил мне открытку, на которой написал: «Ты думаешь, что можно создать Независимую Польшу без армии?» Мне за это сегодня стыдно, но тогда я думал: какой же он ограниченный! Ведь не в этом дело, ведь если весь мир будет жить в согласии, то армия уже будет не нужна! И тогда с братьями Марыльскими мы ушли из армии. Марыльские пошли к майору (а может, ротмистру) Закревскому, который был позже командиром полка, и при мне почти его убили — у него стояли слезы в глазах, и он сказал: «Вы хотите создать новый мир. Я в ваши годы хотел того же!» Я думаю, что ни в одной армии такое невозможно. Только в польской армии. Каков сорт этих людей! Они могли нас расстрелять как дезертиров. И тогда с моими сестрами мы создали эту нашу коммуну, тот самый «пацифистский комитет», которому предстояло примирить и осчастливить весь мир. И вместе мы поехали в Петербург. Но это уже другая история.

Вернувшись на родину спустя почти год, я чувствовал себя ужасно глупо. Все говорят только об армии, а я о пацифизме. Я пошел тогда к командиру моего полка и попросил его, чтобы он мне дал какую угодно работу, лишь бы не убивать, так как убеждения мне не позволяют. Я сохранил глубочайшую признательность его благородству и мудрости. Он сказал: «У меня нет никакого сомнения, что вы сделали это не из трусости, я подумаю над этим с моими товарищами-офицерами». И спустя три дня сказал мне: «Поезжайте в Петербург!» Это был единственный мой смелый шаг в жизни. Шаг безумный. В 1918 г. я ехал туда искать потерянных товарищей. Об этом можно было бы книгу написать — удивительные встречи, удивительные случаи.

Армия, однако, мало вязалась у меня с патриотизмом, с польскостью — я по-прежнему был в русском, толстовском облучении, мучился этим. Только Мережковский мне помог, которого я встретил случайно в Петербурге: я пошел прямо к нему и говорю, что не знаю, как мне выбраться из этой ситуации, потому что ведь христианин не имеет права убивать. Он мне рассказал прекрасную легенду о святых: один шел в небо в чистых одеждах, а второй — выпачканный в грязи, потому что кому-то помогал, — это был св. Николай — и Господь сказал первому, что того будут почитать раз в четыре года, а второму — что четыре раза в год. Мережковский сказал мне: «Помни: убивать — большой грех. Но если ты сражаешься, чтобы мир стал лучше, то ты должен вместе с другими взять на себя этот грех».

Когда я вернулся, я решил, что нужно идти в армию обратно, уже без оглядки, но я, дезертир... И вот я пошел как простой солдат и сперва год был простым солдатом в бронепоезде. Ванькович меня туда направил. Там была лишь первосортная краковская молодежь. Лучший материал, чтобы показать мне этот мир. Здесь мне открылось какое-то новое окно в Польшу. Также в это время — это был 1919 год — я поехал в Краков и где-то в приемной у зубного врача нашел «Легенду Молодой Польши». И это был удар молнии. В самом деле. Я сразу увидел, что я поляк. Не то, что я им сделался, — а то, что всегда был, только об этом не знал. Бжозовский был безжалостен и беспощадно описал мой класс, что я прекрасно понял. Мой отец всегда находил общий язык с губернатором, мои сестры, правда, вели подпольные занятия, но мой отец словно не знал этого... Этот класс смирился с тем, что было, никто не думал так, как Пилсудский. Благодаря Бжозовскому я увидел, что Польша может и должна быть, что за нее нужно бороться. Это было какое-то возвращение. Две книги, которые меня в жизни спасли, — это Бжозовский и Симона Вейль.

Но почему Польша, ее независимость оказались так важны для меня? Этого, наверное, нельзя объяснить. Есть какая-то струна в человеке, благодаря которой я прекрасно понял, что, хоть я тресни, всё равно не смогу быть ни русским, ни французом, ни тем более немцем. Еще в детстве мы с Марыней гордились тем, что у нас в семье был такой революционер. Это был тот самый Юзеф Чапский, который подписывался Крестьянин Чапский, — правда, он был незаконным ребенком, и семья, кажется, хотела лишить его наследства, поэтому я теперь не знаю, была ли его революционность такой уж чистой. Нет, ошибаюсь, он был настоящим революционером, дружил с Мадзини, участвовал во всех восстаниях. Меньше нас увлекал Эдвард Чапский — «сибиряк».

В настоящей Польше я жил после возвращения из Парижа с 1932 по 1939 год. Но с кем я в Польше общался? С моей семьей, весьма замкнутой, и с немногочисленной польской родней. Моя бабка

была балтийской немкой, а мать — австрийкой. А второй мой круг общения — это была богема, разумеется, международная. Во время, когда вновь выкристаллизовывалась польская национал-демократия с Дмовским, когда убили Нарутовича, а Белецкий говорил о нем: «Этот жид!», — мы создали группу, где были два еврея, один украинец — это сразу после львовской-то войны! — и один «почти грузин» — Зига Валишевский, зараженный тем миром, влюбленный в него. Мы создали польскую многонациональную группу, о которой я сегодня думаю так же, как и тогда: что настоящая Польша — это многонациональная Польша, а не Польша «чистой крови» — впрочем, где ты эту «чистую кровь» найдешь?

Эндеков, впрочем, я не знал. Это была для меня абстракция. «Форма черепа» — так тогда говорили, имея в виду тупость. В лагере, когда мы переезжали из Старобельска в Грязовец, приблудился к нашей группе какой-то пожилой мужчина в конфедератке, оказалось — эндек. У нас с ним потом койки были рядом, он оказался прекраснейшим, деликатнейшим человеком и немного смягчил мои окончательные выводы.

Лагерь — это была самая серьезная моя польская школа. Я без конца читал тогда Норвида — потому что после Бжозовского пришел Словацкий и Норвид. Норвид на всю жизнь со мной остался. Норвида у меня было два тома в лагере, где ни у кого не было книг, кроме «Огнем и мечом» — его, кажется, было шесть экземпляров. Помню, как однажды после такого чтения Ромер бросился на свою койку и воскликнул: «Как бы я хотел принимать участие в кавалерийской атаке на них и погибнуть в этой атаке!» Это была жизнь тех людей. А я — что? На меня даже в детстве «Огнем и мечом» не производило впечатления сильнее, чем Диккенс, которого, впрочем, мы любили, но который всё же не был поляком.

Сенкевичевская Польша совершенно меня не трогала. А ведь сколько этот Сенкевич для Польши сделал! Сенкевич сделал польскую армию. Сенкевич и Матейко — второй гений. Кто сегодня представляет себе историю Польши иначе, как не через Матейко! Зига Валишевский, который ненавидел Матейко, так как считал, что тот плохо рисовал, говорил: «Как бы я хотел дожить до того момента, когда все картины Матейко будут сожжены на главной краковской площади!» У Зиги незадолго до его смерти заказали килим на большую международную выставку в Париже — и он придумал тему «Собеский под Веной», тема того самого Матейко, которого он непременно хотел сжечь! Так что у меня был трудный путь к польскости — но несомненный. Каковы некоторые возвращения?

1987

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПОЛЬШЕ

С проф. Каролем Карским, лютеранским богословом, председателем совета Экуменического фонда «Толерантность», беседует Лешек Вонтрубский

— Когда был создан Экуменический фонд «Толерантность», что он собой представляет?

— Экуменический фонд «Толерантность» был основан в 1993 г., 20 лет назад, группой христианских деятелей, которым была близка идея уважения любой «инаковости» — особенно конфессиональной, национальной и культурной. В течение многих лет Общественный совет фонда возглавлял проф. Тадеуш Желинский (скончавшийся в 2003 г.), бывший омбудсмен по гражданским правам. Сам же Общественный совет фонда составляет группа людей разного вероисповедания и неверующих, священнослужителей, ученых, политиков и журналистов.

Деятели Экуменического фонда «Толерантность» на первый план выдвигают задачи, связанные с искоренением любых проявлений национализма, шовинизма, а также отравляющего общественные отношения антисемитизма, противостоят любым проявлениям нетерпимости, очень часто возникающей на почве религиозных, национальных предубеждений или ввиду сексуальной ориентации. Все эти проблемы и задачи, стоящие перед нашим фондом, весьма актуальны для нашей страны.

Кроме того, члены нашего фонда инициируют и развивают различные формы сотрудничества с целью построения межнациональных и международных отношений на основах равноправия, поддерживают контакты с европейскими и мировыми экуменическими обществами.

— Кто сегодня составляет ваш фонд? Кто им руководит и управляет?

— В его состав входят представители разных Церквей: католической, православной, лютеранской, а также люди неверующие. Экуменический фонд «Толерантность» с момента создания очень последовательно реализует свои цели посредством организации публичных обсуждений, семинаров, награждения студенческих дипломных работ, посвященных теме толерантности.

— А кто ваши партнеры? С кем вы сотрудничаете?

— Фонд «Толерантность» сотрудничает с различными международными организациями, в том числе с Союзом за примирение народов со штаб-квартирой в Берлине, в который входят депутаты Бундестага и видные европейские политики, а также Международным партнерством по согласию (International Fellowship of Reconciliation — IFOR). Однако сегодня наша деятельность сильно ограничена, главным образом по финансовым причинам.

На сегодняшний день актуальны четыре проекта фонда. Это две ежегодно присуждаемых премии: премия им. брата Альберта Хмелёвского и медаль Толерантности, вручаемая 16 ноября, в День толерантности, учрежденный ООН. Символичен тот факт, что торжества по поводу награждения нашей медалью Толерантности проходят в Еврейском театре в Варшаве.

— Другие два проекта — это книгоиздание...

— Да, остальные проекты касаются издательств. Наш фонд издает два журнала: «Экуменические исследования и документы» и «Православный обзор». Первое издание представляет широкую панораму экуменических проблем в Польше и в мире. Публикуются важные церковные документы разных конфессий, связанные с экуменической проблематикой, а также статьи, посвященные диалогу между Церквями и конфессиями, написанные публицистами и христианскими богословами. Также публикуются важнейшие документы, принятые межконфессиональными христианскими церковными комиссиями мирового уровня. Наконец, уделяется внимание христианско-иудейскому диалогу и, время от времени, христианско-мусульманскому. Это единственный в Польше журнал подобного профиля, он выходит два раза в год тиражом 350 экз. Адресован он прежде всего знатокам экуменических проблем (профессорам богословия, священнослужителям и мирянам, желающим углубить

свои знания по данной теме), в расчете на то, что они станут распространителями этих знаний среди своих студентов, паствы и т.п.

Второе периодическое издание, «Православный обзор», — это иллюстрированный ежемесячник, информирующий о жизни и проблемах людей, исповедующих православие, в Польше и во всем мире. Он выходит на четырех языках — польском, белорусском, украинском и русском, тиражом 5 тыс. экз.

— Какова роль римско-католической и лютеранской Церквей в экуменическом диалоге в Польше?

— В Польше трудно говорить о равноправном партнерстве названных вами Церквей. С одной стороны — огромная, вездесущая римско-католическая Церковь, с другой — лютеранская, едва насчитывающая 70 тыс. человек и носящая в Польше официальное название Евангелической Церкви аугсбургского исповедания. Это самая большая по числу верующих евангелическая Церковь в нашей стране. В таком контексте заинтересованность римско-католической Церкви в нашем церковном общении гораздо сильнее, чем в отношении других евангелических объединений. Какое-то время действовала даже совместная католическо-лютеранская комиссия. Однако выяснилось, что между нашими Церквями не существует крупных противоречий, как это было в прошлом. Здесь я имею в виду, например, споры о церковной собственности. Сразу после Второй Мировой войны и даже еще в семидесятые годы лютеранские объекты были незаконно заняты римско-католической Церковью. Однако эти вопросы были решены полюбовно, и сегодня на этой почве уже нет никаких трений.

Лютеранская церковь небольшая, и в некоторых районах нас нет совсем. Иначе обстоит дело в Тешинской Силезии, где лютеран больше всего. Там атмосфера диалога существенно улучшилась. Конечно, это произошло не в один день. Любые перемены требуют времени и происходят путем эволюции. Примерно начиная с 1980-х можно говорить о том, что лютеранско-католические отношения в Польше складываются нормально.

Сейчас принимается как должное, что католическая сторона приглашает лютеранскую сторону, а также представителей других Церквей на совместные молитвы в период молитв о единстве христиан, и наоборот. Это происходит раз в год.

Есть, к счастью, и другие совместные инициативы. Я имею в виду совместные научные конференции, симпозиумы и углубленное сотрудничество между учебными заведениями, например, между Христианской богословской академией (ХБА) и Люблинским католическим университетом. Я лично в течение 28 лет выступал с докладами по вопросам экуменизма в варшавском Университете им. кардинала Стефана Вышинского (бывшей Академии католического богословия). В Белостоке также на базе тамошнего университета ведутся занятия по католическому и православному богословию. Наконец, мы рецензируем научные работы, в частности диссертации. Однако некоторые вопросы остаются нерешенными.

— Что вы имеете в виду? Если можно, какой-нибудь конкретный пример...

— Не до конца решена еще проблема смешанных браков. С этой точки зрения нам представляется, что дискриминация религиозных меньшинств (православных, старокатоликов, евангеликов) продолжается. Мы ощущаем давление католической стороны, чтобы дети в таких браках воспитывались в католическом духе, хотя уже существуют экуменические решения в европейских странах, где каждая из сторон — католическая и евангелическая — оставляет этот вопрос на усмотрение самих родителей.

Документ по вопросам смешанных браков уже был подготовлен представителями Польского экуменического совета и Совета польских епископов по делам экуменизма. Мы даже опубликовали его в наших «Экуменических исследованиях и документах». Но позднее выяснилось, что польский епископат не может сам его апробировать и ждет решения Ватикана. Он так и лежит в Риме уже больше года. В этом документе проводятся решения, которые уже приняты в Италии или Испании, государствах с католическим большинством, много лет назад. Там это было возможно. Напрашивается вопрос: почему же у нас это оказалось невозможно, и почему это тянется так долго? Это, случайно, не намеренные проволочки?

— Чего нам удалось достичь в экуменическом диалоге, а чего — нет?

— Рассмотрим это в общемировой перспективе. Потому что определенных вопросов не решить в масштабе одной страны.

Возьмем вопрос о взаимном допуске к причастию — о том, что лютеране, реформатская Церковь, методисты, наконец, англиканцы и старокатолики практикуют уже давно.

Между тем здесь, в римско-католической Церкви, продолжается блокада. Непосредственно после Второго Ватиканского собора в странах Западной Европы долгое время стихийно практиковалась интеркоммуния, во многих странах это происходило на уровне приходов. Епископы об этом знали, но делали вид, что не знают. Доктринально же такое положение дел было недопустимым, о чем папа Иоанн Павел II напоминал в окружном послании «О Евхаристии в жизни Церкви» в 2003 году. С того времени стихийные интеркоммунии католиков с верующими иных конфессий стали практиковаться значительно реже.

Следующая проблема, которая, собственно, связана с предыдущей и по которой происходит католическо-евангелический диалог, — это ответ на вопрос: что такое церковное служение? Евангелики и католики это понимают по-разному. Католическая Церковь говорит о священнике, рукоположенном епископом, составляющим звено в цепи апостольской преемственности и связанным с епископом Рима; священнике, главная задача которого состоит в том, чтобы служить Божественную литургию и приносить искупительную жертву. Ключевая роль евангелического священнослужителя между тем состоит в провозглашении Слова Божия. Католическая Церковь не признаёт такого понимания духовного служения, а следовательно, не признаёт и Евхаристии, совершаемой евангелическим священником. Это совсем не означает, что ксендз или католический епископ не обратится к евангелическому епископу или священнику «ваше преосвященство» или «отец». Такие формы вежливости признаются повсеместно, но дело в том, что этот факт не признаётся католической Церковью с богословских позиций.

Тем не менее такое понимание церковного служения становится самым большим препятствием для интеркоммунии. Эту проблему не удается решить путем диалога внутри страны в Польше или в Германии, она должна решаться глобально всей римско-католической Церковью.

— Вы выпускник Христианской богословской академии...

— Да, я закончил ХБА. Там же я защитил диссертацию по вопросам истории экуменического движения в Польше (до Второй Мировой войны). Докторскую степень между тем я получил в Люблинском католическом университете (ЛКУ). Это произошло потому, что в то время (1992 г.) в моей alma mater было слишком мало самостоятельных научных работников, способных провести апробацию. Со стороны ЛКУ это было огромное экуменическое содействие, инициатором которого был архиепископ проф. Альфонс Носсол. Я был первым не-католиком, который защитился в ЛКУ.

Сейчас я зав. кафедрой экуменизма в БХА и одновременно, уже почти 30 лет, главный редактор «Экуменических исследований и документов». Перед тем как получить должность в БХА, я 13 лет работал в Польском экуменическом совете* заместитель председателя по вопросам международных контактов и прессы. Был также участником многих важных международных экуменических мероприятий. Кроме того, сотрудничал в качестве публициста с ежемесячником «Еднота» («Единство»), «Тыгодником польским», еженедельником «За и против» и многими другими журналами.

— Благодарю вас за беседу.

---

* Польский экуменический совет объединяет сегодня семь христианских Церквей: Польскую автокефальную православную, евангелическо-аугсбургскую, евангелическо-реформатскую, евангелическо-методистскую, христиан-баптистов, польско-католическую и старокатолическую мариавитов.

Богуслава Лятавец

Перевод Никиты Кузнецова

ТЕМНАЯ КОМНАТА

(отрывки)

Время закрытых дверей. После тринадцатого декабря в их руках было всё: здания, коридоры, лестницы, аудитории. Неужели они боялись, что мы заляжем там, разобьем палатки, разложим матрасы?

Пропускной режим как в казарме. На территории университета можно было находиться один час в день, сдав на проходной рабочее удостоверение. Дом печати охранялся еще строже. В редакцию «Струги»*, где я долгие годы заведовала отделом поэзии, меня не пустили. Не помогли никакие объяснения, что там у меня лежат необходимые для работы записи. Гонорар разрешили получить. На пропуске написали номер комнаты, время входа и предполагаемое время выхода — по их расчету пятнадцати минут было достаточно. Передвигаться я могла только по разрешенной траектории. Подняться выше или спуститься ниже значило нарушить порядок. На лестничной площадке стояла женщина, которую я знала в лицо: раньше она убирала буфет и резала колбасу кружочками толщиной с облатку. Теперь — проверяла выданные несколькими ступенями ниже пропуска, покрикивала. У нее был новый резкий голос, новые сверкающие глаза. Она вся была новая. Человек-функция. Когда я вошла в уборную, она глянула на меня с упреком, но разрешила, кивнула головой. На застекленной информационной доске «Солидарности» были прикноплены победные телетайпные сообщения с мест. Карательная операция шла полным ходом. Очаги сопротивления гасли. Польшу прибирали к рукам как эту доску. Каменные внутренности здания медленно приходили в норму после пятнадцатимесячного землетрясения, застывали без движения.

Ранней осенью после какого-то затянувшегося сверх всякой меры редакционного собрания я сказала:

— Единственная моя мечта — целую неделю просидеть в саду.

Главред приподнял над матрицей номера одутловатое лицо:

— Ну, сидеть вы точно будете, это я могу вам обещать, — и после секундного молчания добавил: — Вы наверняка будете сидеть.

В комнате наступила тишина. А. (из отдела прозы) застыл с поднятой рукой — он как раз закрывал окно:

— Что ты болтаешь? Ты уже совсем потерял чувство реальности!

— Поживем — увидим.

Paulina Zielona

* Struga — поток, струя. — *Здесь и далее прим. пер.*

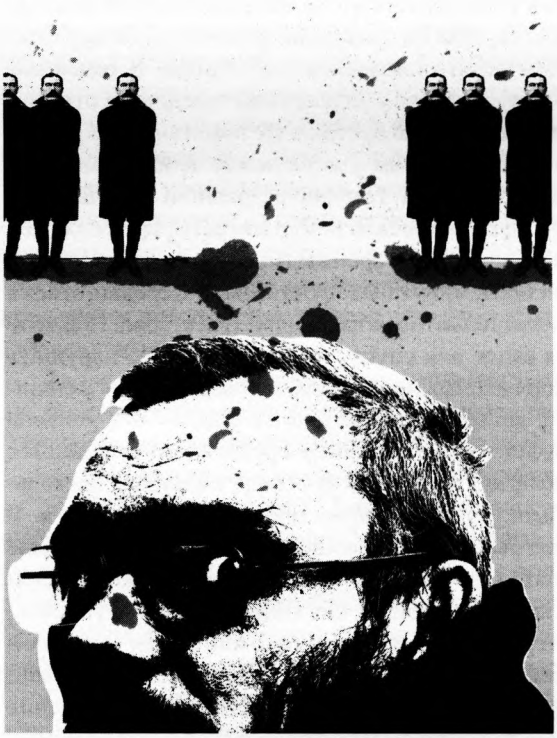
Главред никогда не скрывал своих взглядов. «Солидарность» он с самого начала считал движением невменяемых. В легенду вошел случай, который шепотом обсуждали в наших трех комнатках, с трудом выкроенных с помощью фанерных перегородок: при вести о повторном приезде в Польшу Папы главреду сделалось плохо. Пришлось вызывать скорую — давление подскочило до 250-ти.

Лестница в здании наконец-то была чистой. Уборщица гордо взирала на ее девственную незапятнанность и враждебно — на каждого звонившего в дверь.

— Ноги вытирать досуха! — кричала она сверху, рискованно перегибаясь через перила. — Вытирать досуха!

Некоторых журналистов она заставляла возвращаться. Те послушно спускались вниз. Я глазам своим не верила. Так утверждался новый ритм. Первые такты нового ритма.

Только двери храмов оставались широко открытыми. Утренние мессы за интернированных и арестованных.



Напротив школы месса для наших учеников. В храме полно народу. Петр в комже*. Я видела его поверх голов толпы, до середины спины. Между ним и священником шла борьба. Настоятель замедлял ход службы, Петр ускорял. Он молниеносно подавал литургические сосуды, движения его были выверенными, словно он работал на конвейере. Точно так же он всегда отвечал на уроке. У меня никогда не получалось согласовать ритм моих вопросов с ожидаемым ритмом его ответов. Он глотал слова, пропускал части предложений. Теперь то с одной, то с другой стороны алтаря мелькала его остриженная под ежик голова. Из-под снежно-белой накрахмаленной комжи торчали рукава зеленого свитера с кожаными заплатами на локтях. Белые от соли толстые подошвы больших ботинок (ботинки эти были мне хорошо знакомы — у него были длинные ноги, торчавшие далеко из-под парты) смотрели прямо на коленопреклоненную толпу, когда он рванул вверх колокольчики на вознесение даров. Удар был настолько сильным, что священник вздрогнул, словно у него за спиной кто-то громко хлопнул дверью.

Видела ли я когда-нибудь нормально идущего Петра? — размышляла я во время молитвы. Он всегда бежал. По лестнице скакал через три ступеньки. Когда он продирался по коридору, плотно сгрудившаяся у дверей кабинетов молодежь быстро отодвигалась к стенке, поворачивалась боком, освобождала ему проход поспешнее, чем учителям. Он сбивал с ног, распихивал локтями, бил по головам полотняной сумкой с книгами, которую носил вместо портфеля, перебрасывал ее с одного плеча на другое широким круговым движением, словно бежал по пустому полю. Что это? — думала я. Нетерпимость, неумение взаимодействовать с группой? Неспособность увидеть себя со стороны? Он был прирожденным лидером. Проявлял активность везде, где только мог: в самоуправлении, харцерской организации, секции парусного спорта. Может быть, в этом всё и дело: он привык к простору и просто игнорировал стены и давку. Иногда в пылу спора на уроке он резко вставал и коротко говорил:

* Комжа (от *лат.* camisia — рубашка) — белое литургическое облачение с широкими рукавами, доходящее приблизительно до середины бедра. Комжи могут носить министранты (алтарники) во время мессы, а также духовные лица в различных ситуациях.

* Имеются в виду третьи классы лицея, т.е. старшеклассники.

— А я это отклоняю!

— Что значит «отклоняешь»? — раздражалась я. — Приведи аргументы.

— Помолимся об арестованных и интернированных, за профессора Монику Дендзик...

На этот раз он говорил медленно, делая правильные паузы между словами. Храм всколыхнулся, по нему прокатился ропот, и внезапно вверх взметнулись сотни рук с двумя поднятыми в знак победы пальцами.

Молодежь выходила в полной тишине и медленно, как темная волна, стекала со двора — через пустую улицу, к школе. Она окружила здание плотным полукругом. Большая дубовая дверь была наглухо закрыта, покрытые инеем окна казались закрашенными белой краской.

Переходя через улицу, я не видела никого из моих учеников кроме Флорека, хотя даже оглядывалась вокруг, искала взглядом знакомые лица. Не знаю, как это случилось, но на краю тротуара я уже была в тесном кольце двух моих третьих классов*. Не могу вспомнить, о чем мы говорили — может быть, они о чем-то меня спрашивали? Зато я хорошо помню эту сцену в колючем снегу и тишине. Мы стояли лицом к зданию, и все (это чувствовалось) хотели одного: войти внутрь. Нас оскорбляла эта закрытая от нас школа. Молодежь мысленно сидела теперь за своими партами, перед учителями, готовая трудиться. Учителя открывали журналы, проводили перекличку, вызывали к доске.

Это была вера в магическую силу ритуала. Мы верили, что если механизм школы придет в движение и начнет работать по действующим уже много лет правилам, то появится шанс, что и остальная мчащаяся неведомо куда действительность сама придет в установленный порядок.

Мы уже расходились — медленно, неспешно, оглядываясь по сторонам, — когда к нам подбежал Петр. Он продолжал воевать с курткой, которая была ему маловата: не мог засунуть внутрь растянутый свитер — шерсть застряла в молнии. Мы оставили его с Лысяком и Лаурой — низко склонившись, она выпутывала нитку за ниткой из металлической застежки. Делала она это без рукавиц, время от времени притопывая, чтобы согреться. Я взглянула на ее сосредоточенное, неожиданно детское лицо, поняла, что нисколько на нее не обижена, и вздохнула с облегчением.

Даже живое пространство наших мозгов и слов, даже его у нас хотели отобрать — что уж тут говорить об общественном пространстве. Их болезненная чувствительность к вопросу входов и выходов... На основании телепередач можно было сделать вывод, что вся Польша состоит прежде всего из дверей и проходных, из въездов, перекрытых цепями и шлагбаумами. На стучащих на ветру бело-красных знаках гудело черное слово «стоп». Пропуска, паспорта, рабочие удостоверения нужно было отдавать при входе, получать при выходе. Специальные люди, служба охраны общественного порядка, дружинники — все резервы милиции действовали слаженно, охраняли нас, а также памятники, перекрестки, городские заставы, главные шоссе. Они просовывали головы в машины, контролировали, двигали багаж.

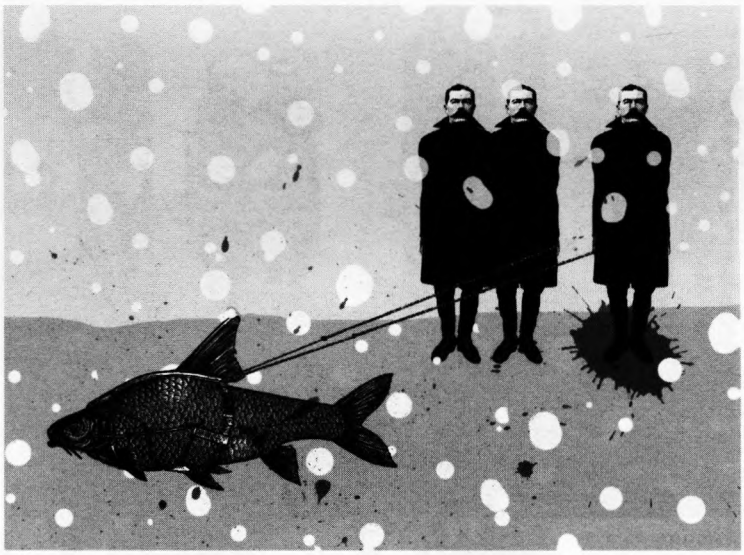
* Пастерка (*польск.* Pasterka) — полуночная рождественская месса, совершаемая в память о поклонении пастухов.

Горячими точками были проходные фабрик и заводов: после их захвата цеха, машины, рабочие сразу же переходили под их власть. За исключением нескольких шахт. Когда розовый диктор в мундире на фоне стены военной телестудии сказал, что в шахте «Вуек» погибли семь человек, Менжал внезапно скорчился на нашем диване, обхватил ноги руками и некоторое время раскачивался взад-вперед, словно кто-то ударил его ногой в желудок. Уже несколько дней он приходил к нам, чтобы терпеливо обсуждать, должен ли он явиться по повестке в участок или нет.

Вход-выход. Если Менжал пойдет, они будут распоряжаться им как яблоком: подбрасывать, бить, откладывать на полку, чтобы созрел. Если не пойдет, ему придется каждые несколько дней менять комнаты, жить среди чужих запахов, пить не из своих стаканов, постоянно спать на разных диванах. Как долго всё это продлится: год, несколько месяцев? Каждым волокном мозга он будет вслушиваться в звонки, шарканье ног, разговоры на лестничных площадках.

Что менее унизительно?

Нельзя исключить и того, что после предупредительной беседы они вдруг решат, что он не опасен, вернут ему паспорт и отпустят. По их милости он сможет рисовать, выгуливать собаку, ходить к друзьям, спать в своей кровати.



Менжал размышляет. Патлатая голова опущена, ладони между коленями, а боль от этого сообщения о шахтерах всё еще не утихла. Он попивает воду с фруктовым сиропом (пить чай ему вредно) и — молчит.

Положение шахтеров: для них выход из штольни, из забоя, где разложены их матрасы и где они у себя дома, в своей черной повседневности, будет добровольной сдачей последнего островка их пространства. Они знают об этом. Но, с другой стороны, какой смысл нескольким сотням людей сидеть под землей, если наверху целые миллионы не протестуют? Для шахтеров пределы нашей свободы просто потрясающи. Мы можем без чьего-либо согласия входить в свои квартиры и выходить из них.

Накануне сочельника телевизор объявил, что «гарантирует безопасное Рождество». Комендантский час временно отменили. Нам подарили несколько ночных часов на морозе, ветру и гололеде. Народ должен сказать спасибо.

Посередине Рыночной площади пламенел костел. Он был ярко освещен от входа до колокольни четырьмя прожекторами под четырьмя золотыми дисками часов. Никогда раньше мы не ходили на Пастерку* — достаточно было открыть окно. Запах мороза соединялся с запахом свечей и смолы. Постели мы стелили, слушая колядки, которые пели в костеле на Рыночной площади. Они наполняли нашу квартиру.

На этот раз мы решили пойти. Толпа внизу была гораздо больше, чем обычно, — черная, молчаливая...

Я думала о Монике. Собственно говоря, весь сочельник я не могла себя заставить хотя бы на секунду перестать думать о ней. Накладывая карпа* — осторожно, чтобы жир не капнул на пол, — я явственно увидела ее протянутую руку, а в ней фаянсовую тарелку с голубым узором. Я прикрыла

* Традиционное польское рождественское блюдо.

глаза, и большая шипящая масляная капля упала на ковер. Беготня за тряпкой и поиски тюбика с пятновыводителем в ящиках, полных гвоздей, скоб и инструментов, на минуту заняли меня, а сразу после этого нужно было сосредоточиться на дележе рыбы, извлечении костей. Всякий раз, когда я смотрела на елку — темнота веток, шипение свечей, капающий стеарин, дрожащие язычки пламени на длинных фитилях, чадящий дым, шелест цепи, когда под действием струи теплого воздуха она внезапно падала на ветку ниже, а если открывалась дверь в коридор, полтора десятка огоньков одновременно наклонялись в одну и ту же сторону, — всё это говорило о ее присутствии в комнате, в моих мыслях.

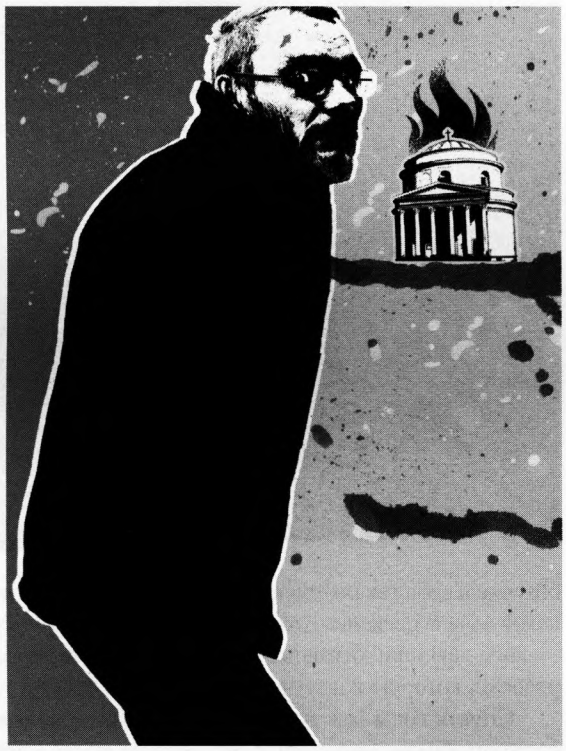
Как выглядит камера в сочельник? Какие отсветы ходят по ней? Какие слова?

Мы вышли. В воздухе стоял сухой, чистый мороз. На мгновение ясность мороза и звезд ослепила меня настолько, что я забыла обо всем трудном, обо всей этой наваливающейся черноте. Но Эдвард был бдителен и напряжен. Он поскользнулся.

— Здесь нельзя идти, — заявил он категорично.

— Можно, надо только осторожнее...

— Не в этом дело! Разве ты не видишь, что́ происходит?



Мы приближались к сгрудившейся перед храмом толпе. Ее окружало кольцо мужчин — руки в карманах, усы, кожушки. На первый взгляд они напоминали студентов, лыжников. Они стояли на расстоянии нескольких метров друг от друга, притопывали. Один из них, скрытый за огромным мусорным контейнером, говорил по рации:

— Это маслобойня, это маслобойня...

Я остановилась. Эдвард дернул меня:

— Пошли, а то он тебя увидит!

— Ну и что, пускай видит. Подожди...

— Говорю тебе, пошли! — он снова дернул меня так, что я потеряла равновесие, споткнувшись о какую-то торчащую ледышку.

Мы описали широкий полукруг по левой стороне площади и свернули на улицу. В подворотнях стояли милиционеры. То и дело в темноте виднелись тлеющие огоньки сигарет, слышались разговоры вполголоса. Во дворах милицейские газики, фиаты. Дальше, у лестницы, ведущей на Нижнюю Вильду, — два автозака. Я не заметила бы их, если бы не шум включенных моторов. Видимо, шоферы мерзли в кабинах.

— Пошли домой!

— Это н а д о увидеть. Это важно.

— Ты хочешь, чтобы кто-нибудь из них потребовал наши документы?

— Ну и что? От тебя убудет?

— Закурить не найдется? — обратился к нам еле держащийся на ногах пьянчужка.

— Я дам вам спички.

— Это внушает, исключительно, — пробормотал он, пошатнулся, обнял дерево и вдруг сказал совершенно трезвым голосом: — Глядите-ка, если бы не мороз, они пустили бы корни, — и быстро, твердой поступью ушел прочь.

* ЮНРРА (англ. аббревиатура UNRRA) — Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций. Была создана в 1943 г. для оказания помощи в районах, освобожденных от оккупации стран гитлеровской коалиции.

— Есть в тебе одна черта, которой я никак не могу понять, — продолжал Эдвард так, будто даже не заметил внезапного преображения пьянчужки. — Ты просто обожаешь идиотские ситуации. Сама в них влезаешь и меня впутываешь — чем хуже, тем глубже. Что это, мазохизм? Ну, оглянись: тут одни шпики, милиционеры — и мы посередине. Чего ты здесь не видела? Как будто ты всего этого не знаешь? Ты же с рождения в этом живешь. Мне прямо-таки больно на это смотреть, коже больно, все лицо немеет. И по собственной воле тащиться сюда?

Возле галантерейного магазина стояла группа юнцов. Они пили вино из горла. Девица голосила по-познански:

— А иди ж ты со своими лапами. Ну, отвянь, а то я за себя не ручаюсь...

Из храма доносилось медленное пение: «Бог родился, меркнет сила».

(...)

***

В первые недели военного положения я жила чутко, старалась увидеть, а затем запомнить как можно больше слов, поступков, запахов, человеческих лиц, своих собственных реакций, страхов. Из-за постоянной угрозы обыска вести записи не имело смысла. С другой стороны, у меня был соблазн в конце концов определить, насколько вместительна моя память. Ее безотказная работа гарантировала, что я не растрачу попусту время, в которое живу, не изменю его правде. Поэтому я постоянно находилась на нескольких уровнях накладывавшихся друг на друга прошлого и замедленного настоящего. Признаться, никогда потом я не ощущала себя так интенсивно, не жила в таком резком свете и не встречалась так часто с прежней собой, какой я была несколько десятков лет назад. Например, меня совсем не удивило, что я заметила в своей косе — косе девушки, бегавшей тридцать лет назад среди вильдских тополей, — кремовую ленту в красные розочки, которую я получила в посылке ЮНРРА* и о существовании которой, казалось, забыла.

Спустя годы мы смиренно вписываем свою жизнь в повторяющиеся схемы. Ничего нового под солнцем Земли. Биографии как «общие места». Вся необыкновенность лишь в деталях, и именно эти детали — ставка в игре. Выловить их из преходящего как рыбу из стремительной реки и спасти. Спасти неповторимость — ее избыток дан нам в собственность. Со временем каждый из нас несет в памяти собственную книгу. Можно читать ее с конца, открывать в любых местах, можно также терять свое время, упускать его, растрачивать. Живется тогда тесно, все теснее. Только от одной границы дня до другой.

Ладони Филипа? Я вижу его лицо — всё новые, разделенные годами варианты. Эти ладони чутки. Узкая, сухая голова, на которой лишь глаза беспокойно сочные, всегда влажные. Я вижу силуэт Филипа на фоне снега (?), словно вырезанный из темной бумаги. Я безошибочно узнавала его издалека, в толпе (наклон плеч, движения?). По-прежнему отсутствие ладоней, белое пустое пятно. Меня почти до боли терзает эта брешь. Я лишилась того, что было мое, усвоенное.

Если профессионально, широкой дугой раскачать память (у меня есть кое-какие собственные методы), то можно захватить сразу несколько слоев времени. Можно даже встретить самого себя и хотя бы на время короткой вспышки действительно оказаться в прошлом, захлебнуться его воздухом

и видеть предметы, которые ты когда-то держал в руках, лица, огни. Стихия памяти тогда бушует: она полна наводнений, тектонических сдвигов, из-под ног внезапно уходит целый слой лет, который невозможно удержать — ибо как можно ногами повернуть вспять реку? Нужно смиренно подчиниться действию неведомых механизмов, которые управляют темным миром в нашей черепной коробке. Иногда из нее удается извлечь что-нибудь настоящее, например звучание твоего голоса, когда ты повторял среди ночи: «открой глаза, открой глаза».

Однако часто такие странствия по минувшему бывают опасны. Разбуженная фраза, жестоко извлеченная из темноты, может воссиять так интенсивно, что потом мы не в силах погасить ее всю бессонную ночь. Проникнув однажды в настоящее, она уляжется в нем, свернется клубком, приживется и уже никогда нас не покинет. Дышащий, теплый зверь прошлого. Хорошо еще, если он не нападает, если это не хищник, поглощающий часы нашей жизни, — ведь случается и такое. Несколько лет подряд меня мучил повторявшийся как припев текст старого письма, которое я когда-то получила. Без всякой причины он вынырнул из памяти и остался. Лежа на солнце под густой елью, среди запаха смолы, подложив руки под голову, счастливая я механически повторяла про себя, уже не осознавая значения этих слов: «Поскольку всё, что между нами было, кончилось, полагаю, что ответ на заданные в вашем письме вопросы был бы по меньшей мере бессмысленным». Я просыпалась ночью с этими словами, с их застрявшим где-то в гортани ритмом, со старательно расставленными паузами — так я повторяла их в памяти, слегка скандируя.

Другой возвращающийся по сей день мотив — отрывок из стихотворения Броневского, начиная со слов, на которых я когда-то застряла в середине чтения и вынуждена была сойти со сцены в сконфуженной тишине зрительного зала:

Утро, март. Как тихо вокруг.
Как таинствен весенний свет.
Но дышать стало трудно вдруг
И о смерти думать сил нет.

«Как тихо вокруг», — условный сигнал, открытая перспектива, подразумевающая продолжение, которое неизменно наступает независимо от меня, вопреки мне. Я не могу остановить его — оно где-то в середине, как стук колес о рельсы при движении поезда.

Например, устав после скольких-то там уроков, я поднимаюсь по лестнице, и вдруг что-то начинает говорить мной. Правая нога: «как тихо вокруг» — левая на следующей ступени: «как таинствен» — правая, еще выше: «весенний» — и левая: «свет». На первом двенадцатиступенчатом пролете нашей лестничной клетки я прокручиваю всё четверостишие, стараясь при этом успеть перед площадкой. Три шага по ровному полу, и снова вверх по лестнице и вниз по стихам: первая ступенька — «как тихо вокруг», и дальше по кругу, пока не поднимусь на третий этаж.

Странности, навязчивые проявления памяти открывают нам часть правды о нас. Экспедиции в открытое море, в минувшее, чтобы исследовать береговую линию, на которой мы стоим.

Лешек Шаруга

ПРОЯСНЕНИЕ

Бренность всего сущего и в то же время возможность заглянуть за завесу экзистенции — вот один из главных мотивов поэзии Богуславы Лятавец, дебютировавшей в 1965 г. романом «Открываются реки». Первый сборник стихов она опубликовала пятью годами позже, а несколько лет назад вышел ее сборник «Открытки», о многозначности названия которого автор пишет на обложке: имеется в виду и почтовая открытка, и «открытие, раскрытие, откровение», но такое, которое возможно только в поэтическом языке, языке метафоры. Следует отметить, что метафоры у Лятавец необыкновенно яркие. Она предлагает читателю, которому адресует свои открытки, то «траву времени», то «хворост букв», то «пламя слова» или «камень безумия».

Особого внимания заслуживает недавно переизданный, а впервые напечатанный в самиздате во время военного положения роман «Темная комната».

Может ли в темной комнате что-нибудь проясниться? Что ж, именно такова парадоксальная природа познания: фильмы событий и переживаний демонстрируются в темной комнате памяти и самосознания, которую освещает вспышка подсознания — источника света не вполне определенного и не поддающегося точной локализации. Почти очевидно, что такие целостные картины можно увидеть лишь в переломные моменты, решающие для выбора позиции и поведения.

Для многих таким моментом стало военное положение. Конечно, не обошлось без шуток. Например, кое-кто не без оснований назвал военное положение нападением бандитов на психушку. Это было вполне справедливо, ибо накануне событий 1981 г. вышла книга, которая жизнь в Польше определяла как «безумие» — так озаглавил свой роман Ежи Кшиштонь. Спустя несколько месяцев страна начала выходить из этого безумия, люди «приходили в себя», овладевали собой в хаосе событий, на свой страх и риск создавали себе жизненное пространство. Военное положение было попыткой (сегодня мы прекрасно знаем, что неудачной) сдержать этот прорыв к самостоятельности. Об этом и повествует «Темная комната» Богуславы Лятавец — книга о механизмах человеческого выбора.

Историческое пространство книги охватывает годы немецкой оккупации, но не по принципу частого и достаточно механического сопоставления военных реалий с современными. Просто сознание героини-рассказчицы начало формироваться как раз в те времена. Ее жизнь представляет собой непостижимое и не вполне осмысленное единство, события накладываются друг на друга в каком-то нелогичном, но в то же время необходимом порядке: «Если я как следует подумаю и рассмотрю один за другим фрагменты своей биографии, то приду к выводу, что меня не просто сформировали слепой случай и воля обстоятельств; хуже того — меня отдельной, как камушек, извлеченной из полнокровной, густой земляной массы, просто не существует». История этой «густой земляной массы» сливается со временем рассказчицы — личности конкретной, но в то же время абстрактной, индивидуальной, но при этом общей. Спустя некоторое время смешиваются разные планы существования: «Каким образом существуют факты биографии спустя десятилетия? Ведь к тому времени уже нет никакой разницы между мечтами и правдой. И то и другое — лишь мираж, кинопленка, проявленная в темной комнате мозга».

Быть самим собой, приходить в себя, обретать себя в хаосе событий — это то же самое, что быть для других и через других. В данном конкретном случае — для работы, для учеников (героиня — писательница и учительница одновременно). Ответственность за совершаемые поступки — это ответственность за других и перед другими. Ключевая сцена романа, в которой рассказчица случайно обнаруживает темную комнату, где ученики проявляют снимки преследователей, порождает целый ряд вопросов без ответа: «Что делать с невольным открытием, с чувством ответственности за судьбу детей, да и дети ли они еще (17 лет)? Как определить порог зрелости? Играют ли они в конспирацию или действительно занимаются конспиративной деятельностью?»

Благодаря нескольким главным вопросам этой книги: кто я? как существую и существую ли вообще? какая разница между истиной факта и воображением? — описанные события становятся лишь предлогом для философских размышлений. Причем немаловажно, что размышления эти носят поэтический характер, не поддаются рационализации; здесь больше озарений, вспышек памяти, неожиданных прояснений, чем «логических» объяснений. Разумеется, действие происходит в превосходно описанных реалиях военного положения, но в сущности это лишь один из многих эпизодов в метафизическом пространстве, надстроенном над слоем этих реалий.

Сегментарная, прерывистая, фрагментарная конструкция этой прозы — словно вылавливание из «киноленты» отдельных кадров, освещение избранных моментов. Жизнь проявляется в «порциях», которые каким-то необъяснимым образом всё-таки поддерживают непрерывность и плавность перехода. Благодаря технике повествования появляющиеся персонажи, выныривающие из магмы событий и мгновение спустя исчезающие из поля зрения, создают лишь систему точек отсчета. И если задуматься, о чем этот рассказ: о борьбе с тоталитарным режимом? о биографии тетки Бахи, помещенной как бы на краю истории? о старении? — то дать однозначный ответ нелегко.

В мир военного положения нас вводит цитата из Норвида: ««Шуршат в передней макинтоши», — я до сих пор не знаю, как тогда, тринадцатого декабря, мне снился этот стих: снились мне слова Норвида или только их пространство?» Уже это первое предложение из книги Лятавец обнажает сложную структуру повествования, соединяет ритм поэтического восприятия с реальностью календарного времени — бескрайнее пространство поэтического слова автор «заталкивает» в мгновения жизненной прозы. Практические вопросы — необходимость принимать конкретные профессиональные решения — основаны на неуловимой материи бытия. Каким-то странным образом это напоминает положения современной физики, которая, не отрицая предмета своих исследований, не боится утверждать, что элементарных данных не существует. Впрочем, это касается материи. В мемуарной прозе Лятавец такие элементарные данные можно найти. Они неуловимы, однако именно на них «надстраивается» ткань бытия, материальной, событийной экзистенции. Благодаря поэтическому «связующему элементу» бытийствования индивидуальное становится личностным, и мы видим непрестанное преобразование «измеримой» прозы жизни в неуловимую поэзию существования. Именно в этом преобразовании и открывается смысл принимаемых решений.

В драматические моменты истории решения эти обрекают человека на ссылку — как учительницу из «Темной комнаты», которая после увольнения из школы, где она работала, вынуждена отправиться в ссылку в ПТУ. Теперь она знает: «Я буду выходить на последней остановке «семерки», у трамвайного кольца. (...) Внезапная тревога. Сколько еще таких колец, таких мест, живущих своим ритмом, которые когда-нибудь станут моими местами? На каких они лежат путях, когда я доберусь до них? Неоткрытые острова. Богатство, которое ждет, чтобы я им овладела, приняла его». Таким образом, получается, что к изгнанию можно отнестись как к путешествию, как к обогащающему опыту. Места становятся такими, какими мы их делаем. Они наполняют собой пространство биографий и сами наполняются биографиями. Обо всем этом рассказывает эта книга. Прежде всего об этом, но еще и о возможности вписать даже в самую неблагоприятную систему структур (вроде военного положения) то, что социологи и политологи называют гражданским обществом.

Казимеж Браконецкий

Перевод Валерия Иванова

ПРАЗДНИК БОГОЯВЛЕНИЯ

*

Время до и после моего рождения.
Сталин был ещё жив. Дьявол в униформе из дерьма и крови,
стоя над ямами, полными убитых и замороженных, повелевал.
Отребью коммунизма он приказал играть гимн зла. Истреблять.
Морить голодом. Уничтожать. Бесчестить. Лгать.
Время до и после моего рождения.
Через семь лет после войны фашистов с коммунистами.
Адольф Гитлер, да будет проклято его имя.
Иосиф Сталин, да будет проклято его имя.
И имена других обезумевших от ненависти убийц
в Азии, Европе, Африке, Америке.
Не заметили. Дали выжить. Пренебрегли.
Мою невинную и чистую мать, которая смотрит на меня, спасённая от тифа,
со снимка, сделанного в Киргизии в 1944 году.
Печальная, молодая, прекрасная, но на привязи страха.
Время до и после спасения матери.
Убережённой от гибели Богом, Историей, Случаем?
Этого не вернуть и не оценить.
Эшелоном в новую Польшу, с которой содрана трупная кожа войны.
Колыханье лоханей с кровью на носилках границ.
Снег во рту — в дымящиеся небеса.
Страх. Отвращение. Презрение. Гибель.
И я боялся. Тридцать лет после падали Сталина.
Шестьдесят лет после падали Ленина. Страх,
омерзение, ложь, бег одичавшей смерти,
фабричные трубы, заткнутые останками утопий.
Я боялся зла, войны, смерти матери.
Я предал Иисуса, Бога матери моей,
его усатому отцу — Иегове-Аллаху-Гитлеру-Сталину —
я откромсал гениталии — падаль, падаль, падаль.

*

Простое богословие — снег детства.
Снег падает в небо, и от него не больно.
Снега всё больше и больше.
Ты выглядываешь в окно, в священную прорубь,
видишь мать по ту сторону льда,
снега всё больше, метель рвёт её волосы.
Ты забываешь, ты засыпаешь, белый, засыпанный снегом.
Простое богословие — снег памяти.
Око, открытое в застывшем озере беспредельности.

*

Окно, что ты запомнил первым,
было окном детского предсказания.
Через него, покрытое просторной кожей снега,
ты питался воздухом праздника,
глотал невинную плоть посвящения
над обрушившимся на город адом.
Окно с перспективой тайн бытия,
алтарный свет снежной святости,
от которого ты, доверяя, жаждал благословения.

Окно второе — окно девственных желёз,
проникновения в материю сквозь половую тьму;
познание греха, наслажденья, насилия.
Окно, выходящее в туннель перспективы стыда,
чей густой пейзаж преображался благодаря чувству.

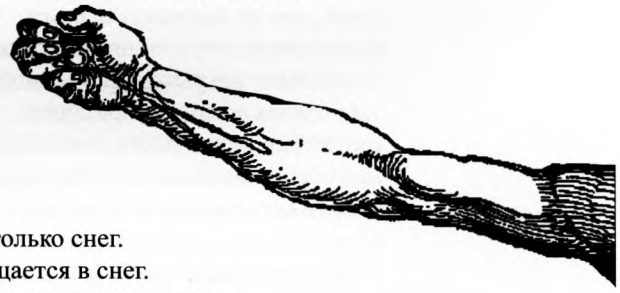
Окно третье, разрезанное алмазом смерти во имя бунта.
На родине без корней. В народе на свалке истории.
Чтоб заглянуть глубже, дальше и шире,
чтоб подготовить бегство, дорогу, изгнание,
чтобы вернуться, в состоянии невозможной свободы.

*

Наконец-то идёт первый снег —
над пропастью, отверстой за окном,
вне плоти, вне слова,
холодного, как вспоротый бок Иисуса.
Снег страшный, неразумный, жестокий,
всегда первый, безмолвный, указывающий
на что-то, что не обрело ни формы, ни предела.
В снегу — пропасть, из которой
снег выйдет чёрным, плоть — на леденящем поводке.
Мать на Урале, в лесу, с голодным топором,
чьё лезвие ещё тёпло от воспоминаний.

*

Из чего состоит снежинка?
Частичка, пушинка снега?
Лепесток снега, ниточка снежного сна?
Из воды? Как человек?
Из льда? Как ледник истории?
Из чего состоит невинность снега?
Из воспоминаний о сути плача,
из конденсации облаков под веками единства?
Снег, смерть, сон, сырое мясо пурги.
Искромсанное чёрными пятнами зубов.
Голод. Стужа. Штрафное пространство.
Колонна людей вращает стрелки часов отчаяния.



*

Сквозь снег виден только снег.
Даже кровь превращается в снег.
Жёсткие небеса. Скальпированная земля.
Люди, которых перебрасывают вагонами, заступами.
Стук отмороженных конечностей. Биение памяти.
Тело девочки на подводе, возле избы.
Смерть в ватнике. Снег в лохмотьях.
После тифа у матери навек есть лицо.

*

Сон в кухне.
На доске буфета.
На белых руках жизни.
Прожилки мороза — он сходит
с окон лоскутьями пространства,
дотла сжигает в печи молчанье.
Дом на черепе ветра.
Три волхва не дошли.
Засыпаны мать, отец и сын.

*

Под Вильно дом исторгнут в небосвод.
В Варшаве дом обрушен бомбой в амнезию.
Между вишней и яблоней засохли качели.
Осталась какая-то холодная утварь.
Снег потерянности.
Выдвинутый ящик без взгляда.
Вспыхнувший неподвижностью столовый прибор.
Открытки — некрологи пейзажей.
За неплотно прикрытой дверью мигает отблеск
напрасно начищенной туфли.

*

Найди и для меня такое слово,
что оживит меня, но нематериально.
Извлечёт из завалов памяти,
вернёт к посюсторонним предметам.
На вид они невозмутимы, дают облегчение
силам, что, таясь, вынюхивают безмятежность.
Здесь, в этом доме, мире, стране.
Найди и для меня
изначальное восклицание,
обагрённую кровью лозу жизни,
которой дано расцвести белым цветом полного воплощения.
И в цветочном горшке может вырасти деревце счастья,
я поставлю его на подоконник алфавита,
чтоб увидеть мир, задыхающийся в снегу.

*

Страх. Страх. Страх.
Тридцать лет, как выпотрошили Ленина.
Набили его ледяным дерьмом.
Наконец усатая гадина отдаёт концы.
Набитая трупами, вечной мерзлотой ада.
Жестокие истории снежинок.
Косы зимы, заплетённые вокруг звёзд с черепов.
Орудия рабского труда, выкованные из мороза.
Вкус языка, оторванного от металла тишины.
Божья дверная скоба на воротах, ведущих на бойню истории.

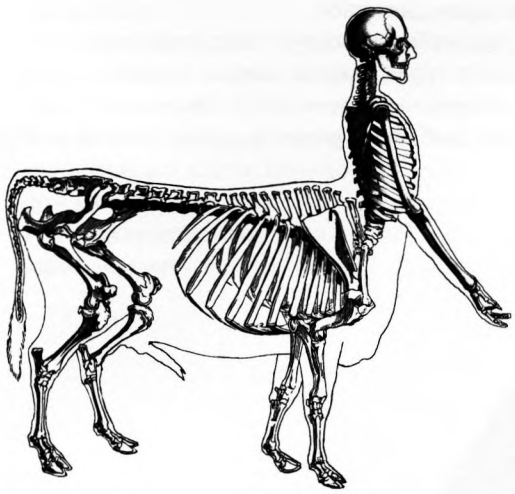
*

Иуда приник к тонким губам Иисуса,
впился в почти уже мёртвое тело,
указал пальцем белую рану на лбу,
вот он, берите его,
ибо я его не понимаю.
А снег валил в ту ночь
невменяемо, дико,
слышался скрежет кривобоких снежинок.
Ты стоял там, под снегом, накинув простынь,
отравленный ужасом,
беззащитный, как крещение, а потом убежал,
окровавленный судьбой изнутри.

*

Он всегда хотел знать,
могут ли деревья смотреть и видеть.
Озирался, останавливался,
стряхивал с них снег и изморозь,
дождь, жалость, печаль.
Трогал кору, сверлил пальцем,
приникал к стволу всем телом,
колыхался в объятьях буков и яблонь.
Старался, чтоб его увидели сосна и берёза.
И согласились на его присутствие.

Здесь, в этой почве, свете, воде.
На этом пригорке, в этом городе, теле.
Вглядываясь друг в друга. Обречённые. Открытые ветру.
Они странствуют, не двигаясь с места,
чтоб оно никогда не подёрнулось тьмой.



*

Если ты отведёшь глаза от лампы под снегом,
смерть, пушистая, словно кот,
бросится тебе на плечи
и сожрёт всё, что ты видишь,
так что, маленький, стой, прилепись к оконному стеклу,
отделившему сон от снега, зрачки от вьюги,
и верь, свято верь, что за тобой
стоит тёплая мать в соцветии теней.

*

Столько снега, а жизнь так мелка,
ты меряешь её провалами среди распутицы жизни.
Знаков немного, а то, что ты видишь,
жидко, легко и исчезает в миг отчаяния.
Что бы ни ласкали наши ладони, всё предаст,
ибо мы и сами себе неверны.
Мы стоим под снегом, огнём, возле дома,
и нас пофамильно вызывают во тьму.

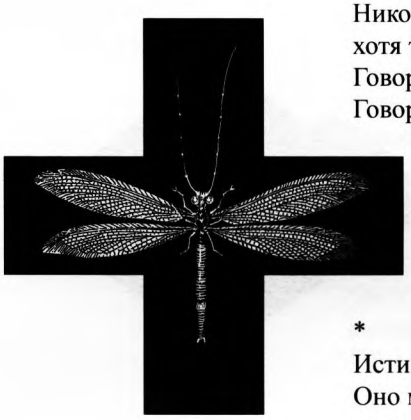
*

И вдруг он — опять дитя,
и думает, что снег всегда идёт
лишь для него:
летят облатки — людям не хватает Бога.

*

Говори так же тихо, как снег.
Я тебя никогда не забуду и не хочу тебя помнить.
Никогда тебя не полюблю и не перестану любить.
Никогда не возненавижу, хотя я весь — ненависть.

Плоть твоей жизни болит во мне.
Ты вводишь во искушение, но я не согнусь.
Никогда тебя нет и никогда не будет,
хотя ты — во всём том несчастном, что существует.
Говори со мной тихо, как снег.
Говори со мной тихо, как смерть.



*

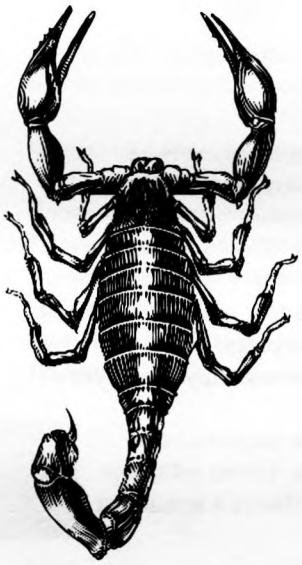
Истинное «я» нереально.
Оно может появиться, когда тело
лежит, брошенное ночью в сугроб смерти,
в напев сна, когда страх
топорщит волосы, когда ты убегаешь по улице насилия
или в спазме любовном дрожишь
конвульсивно, как аутист небытия,
когда открываешь иней на траве
или снег на вороных волосах любимой.
Истинное «я» нереально,
оно молится тебе:
стань человечней,
отгреби снег от сердца веры,
выгляни, нежно раскрой глубину.

*

Поэзия — вьюга чувств,
в которой ты роешь яму слова,
чтоб спрятаться от смертной стужи.
Замороженная звезда крови и капля крови,
не то на лбу, не то там, где прочий мир.
Не записана, но за ней внимательно наблюдают,
она кругами отдаляется от совести планеты,
падает с синей вершины пространства,
разбивается на космос литер снега,
превращаясь в твой тёплый язык, который теряет
соотносимость и ясность форм.
Снег на языке, который тебе не принадлежит.
Поэзия — вьюга чувств.

*

Согласиться на смерть,
словно она — первый снег,
в котором реальное нереально.
Мигающий глаз раскалённого корня вселенной.
Как когда-то в том радио, в комнате, возле ёлки,
когда мать стояла в горжетке у печки
и каждая новость таяла во рту,
как праздничный сюрприз,
хотя сюрпризов было так немного.
Апельсины плыли по морям на корабле.
Деревянные пожарники рассчитывали друг на друга —
подарок, найденный в диване.
А ведь ты вновь и вновь пытался закрыть глаза
и услышать доброе слово матери. Снова шёл снег.
Мать, огонь в кафельной печке, Иисус в колыбели
домашнего огня. Помнишь?
Мать радовалась, что в доме тепло.
Это не Урал, мама.
Детство поэта, детство смерти,
детство любви. Снег как сон,
падающий наискосок на опустевшую улицу предместья.
Помнишь первую память? У неё были холодные пальцы матери,
когда, усталая, она возвращалась с работы. Боты, шерстяной платок,
сумка с покупками. Накрашенные губы белого плача.
Давно мёртвый мир.



*

Терпеливое лицо матери,
когда ты впервые
сказал ей,
что не веришь
ни в Бога,
ни в разум,
ни в историю.
А она
рассказала тебе,
как прочла по-польски молитву
и легла на песок азиатской пустыни
после убийственно тяжкой работы на хлопковой плантации,
и проснулась,
оттого что почувствовала, как по её лицу
ползёт скорпион;
приоткрыла глаза и тут же закрыла,
скорпион с поднятым жалом
прополз дальше и исчез в песках пустыни.

Александр Вирпша

ВСЕМИРНЫЙ ПРОВИНЦИАЛ

Характеризуя самого себя, Казимеж Браконецкий (р.1952) использует понятие, придуманное, кажется, Анджеем Бобковским: «космополяк». На обложке одной из его книг читаем: «Космополяк, космопоэт, европеец польского происхождения, всемирный провинциал, Казик Б.?». В этом, похоже, немало автоиронии, много и сарказма. Однако, с другой стороны, здесь проявляется редкое в нашей новейшей словесности стремление определить свою идентичность в мире и литературе — в том числе идентичность историческую и политическую.

О чем идет речь? Прежде всего о том, чтобы по-своему сформулировать понятия «польский вопрос» или «польский комплекс». Это подметил еще на пороге девяностых Эдвард Бальцежан, характеризуя поэзию ровесников Браконецкого: «Польское дело особым образом определяет характер этой лирики. Вот, пожалуй, наиболее своеобразная черта поэзии поколения 1976 года: гражданственность, упрочившая национальное самосознание. Обстоятельства сложились так не сразу. В середине семидесятых можно было предполагать, что творчество тогдашних дебютантов станет записью интимных переживаний — суверенных по отношению к истории. Намечалось неприятное разделение на «новую волну», словно возносящуюся над социальными эмоциями, и «новую приватность», которая должна была представить высказывание личности о ее внесоциальной биографии». Такой диагноз, касавшийся прежде всего поэтических поисков восьмидесятых, по прошествии десятка лет подтвердился лишь отчасти, тем не менее кажется, что творчество Браконецкого принадлежит именно к явлениям, подтверждающим ход мыслей Бальцежана.

«Мирология» — вовсе не трактат, где изложена «наука о мире» (как внушает заглавие). Это, скорее, попытка познать мировой логос и тождественную ему жизнь. Данный «путевой дневник», одновременно и «внешний», и «внутренний» (под названием «Внутренний дневник» записывал свои переживания и комментарии на страницах подпольной газеты «Везване» — «Воззвание», «Обращение», «Призыв» — Томаш Яструн), это — дискуссия с собой и миром, необычайно насыщенная эмоционально. Автор фиксирует свои исходные позиции, следит за их изменениями, за трансформациями собственного миро-воззрения и миро-видения: «Мои любимые в настоящее время слова-ключи — мирование, мироведение, мирожитие; несколько ранее — метафизическая конкретность, экспериментальная метафизика, жития, нарративы. Воплощение («всякий поэт — воплощение места»), метафизика места, единство. Что я ищу? Новый тип философии существования, исходящей из начального жизненного опыта, экзистенциальной философии жизни. Не знаю, как это возможно. Я пытаюсь обойти стороной cogito как уникальную цитадель познания, отбросить онтологию как схоластически-метафизическую преграду на пути к подлинному миру, который есть нечто более элементарное, мистическое, конкретное (пробуждение мира и человека — это осознание неустанного общения всего живого)».

Можно, разумеется, задаться вопросом о смысле понятия «подлинный мир» и о том, что автор имеет в виду под «конкретным» и «элементарным» (как известно, некоторые философы физики ставят под сомнение само существование элементарных данных), однако это вопросы, лежащие вне поэтики текста Браконецкого, внешние относительно него и — хотя и правомочные — всё же неправомерные. Интуитивно — а похоже, в размышлениях автора эта позиция доминирует, — понятно, о чем идет речь: об этическом подходе к собственной жизни и переживаниям. Не случайно одно из ключевых понятий «мирологии» — термин «по-этика»: тем самым создана этическая база поэтики и в то же время указана сфера «по-» (после-) -этическая, где этические принципы подняты на некий высший — в ницшеанском смысле — уровень. Этот «лингвистический прием» направлен на динамизацию моралистики, не только литературной. Причем, стоит подчеркнуть, Браконецкий четко отделяет моралистику от морализаторства, по отношению к которому он не просто сохраняет дистанцию, а находится в прямой оппозиции.

Образ мира в этой поэзии всегда подвижен, неуловим; непрестанно раскрываются его новые, подчас поразительные аспекты — как в непосредственном, так и в историческом измерении. Одно не подлежит сомнению: центр образа достаточно отчетлив — это опыт Гибели, который в настоящее время (что ясно выражено в поэме «Лето 1941») предстает более сложным, чем можно было предполагать прежде: «Наши отцы те кто это видел / те кто нам ничего не сказал об этом / они умолкали и отворачивались / свидетели позора и равнодушия / знали свой шесток мол такое было время / с этими евреями надо было что-то делать / они живут в пятнах этой памяти и могил / которые смотрят на них живыми глазами». В терминах «по-этики» «живые глаза» могил — глаза сыновей, узнавших правду о Едвабном и Стависках, правду об унаследованном преступлении, о котором сегодня — хоть не без трудностей с артикуляцией — всё-таки наконец заговорили.

Игра, начатая Браконецким, хотя бы по причине ее «литературности», требует постоянно быть начеку. Поэтому не удивляют вопросы, которые автор ставит перед собой: «Знаю, что я играю, но знаю, что не играю, речь идет о моей жизни, но я не могу удержаться от подозрения, что притворяюсь, но если притворяться искренне, то, не знаю, наверно, так: искренне вплоть до того, чтоб заставить себя поверить в то, что делаю, ибо у меня действительно добрые (?) намерения, я хочу жить в согласии с собой, людьми и миром. (...) А может, не следует отдаляться ни от мира, ни от себя, чтоб открыть живое общение двух экзистенций, составляющих единство жизни».

На уровне общих рассуждений выработанные формулы и дефиниции могут казаться неоднозначными, но при их конкретизации, когда рефлексия касается конкретных вещей: истории Польши, политики, отношения к России, тенденций современного искусства, — мысль заостряется, ход рассуждений становится точным. При этом Браконецкий заботится о том, чтобы сохранить цельность видения, избежать односторонности: «Я возненавидел политическую историю власти и войн, стал отрицать идею исторического прогресса, внимательно присмотрелся к мнимым величинам, идеям, фантазмам, и теперь знаю только одно: нельзя допустить потери наследия; утрата корней истории, языка, культуры грозит трагедией, хотя изучение частной национальной истории следует вести в контексте универсальной истории человечества, в контексте неустанных поисков (взлетов и падений) нравственных, гуманистических ценностей».

В книге Браконецкого привлекает стремление автора принять ответственность — за себя, за страну, за мир в целом: «Этот ужасающий век Польша закрывает не как жертва, но как победительница, не утратив чести и морального права праздновать свою долгожданную удачу. Осталось выполнить самую трудную работу — ежедневно (творчески и критически) служить демократии, человеку и государству в изменяющемся мире, который не будет долго умиляться нашим кратким успехам». Требование ответственности — усиленное императивом служения — касается той литературы, которая должна стать частью творческой и критической работы, а следовательно — вопреки многим иным возникшим в последнее время концепциям, — литература эта обременена обязанностями, не является чистой художественной игрой.

Браконецкий — глашатай этической программы поэзии. Полное выражение этой программы можно найти в стихотворении из цикла «Uterus Mundi»: «Чистую совесть хочу я воспеть / её воплощение малое и великое / силу воли и уважение к жизни / открытую память и уменье прощать / зоркую радость полную свободы». Эта поэзия далека от «стыдливости чувств»: напротив, она — страстное выражение чувств, утверждение истины и добра, обретенное в способности «полюбить повседневность», которая и есть «тайна истины и созидания».

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Приходящееся на нынешний год семидесятилетие восстания в Варшавском гетто (начавшегося 19 апреля 1943 года) было обставлено весьма торжественно. Официальным мероприятиям сопутствовали общественные инициативы, а также подготовленная различными институциями богатая культурная программа. Вот несколько избранных, наиболее значительных культурных событий.

» 17 апреля в Еврейском историческом институте открыта выставка «Польское искусство и Катастрофа». Это тематический срез творчества более сорока художников, собравший около девяноста работ (живопись, графика, скульптура, ассамбляж, видеоинсталляция).

— Мы показываем работы свидетелей Катастрофы, например Йонаша Стерна, Исаака Цельникера, Алины Шапошников. Есть и работы художников более молодых поколений — Мирослава Балки, Збигнева Либеры, Вильгельма Саснеля, которые ищут собственный язык, обращающийся также к популярной культуре и отличающийся от буквального рассмотрения темы Катастрофы, характерного для ее свидетелей, — сказала куратор выставки Тереса Смеховская.

Выставка будет открыта до ноября.

» 18 апреля в Большом театре — Национальной опере прошел торжественный концерт. Можно было услышать, в частности, молитву «Эль Мале Рахамим» («Господь милосердный») в исполнении кантора Яакова Леммера и гимн бойцов гетто «Гетта Зог нит кейн моль» в исполнении хора Большого театра и артистов варшавского Еврейского театра. В концерте также прозвучали произведения Людвига ван Бетховена в исполнении Израильского филармонического оркестра, за пультом был руководитель оркестра, выдающийся индийский дирижер Зубин Метта.

» В тот же день состоялось открытие граффити, посвященного Марку Эдельману, одному из руководителей восстания в Варшавском гетто. Эдельман родился в 1919 или 1922 г., после войны остался в Польше, был известным кардиохирургом и деятелем демократической оппозиции, умер в 2009 году. Граффити расположено на стене дома 9б по улице Новолипки, построенного, как и весь нынешний район Муранув, на руинах Варшавского гетто. Работа авторства Дариуша Пачковского, одного из крупнейших польских мастеров граффити и стрит-арта, изображает молодого Эдельмана, держащего в сжатом кулаке желтый цветок — нарцисс. Добавлен также текст — цитата из Эдельмана: «Самое главное — это жизнь, а если есть жизнь, самое главное — свобода. Поэтому жизнь отдают за свободу...»

Почему нарцисс, желтый весенний цветок, стал символом памяти о героях гетто, объясняет Паула Савицкая, председатель Объединения против антисемитизма и ксенофобии «Открытая Речь Посполитая»:

— Желтый нарцисс был связан с фигурой Марека Эдельмана. В беседе с Ханной Краль, в книге «Успеть перед Господом Богом», Марек Эдельман сказал, что ежегодно получает букет желтых цветов. Цветы попадают к нему всегда и независимо от того, где он находится. Отправитель остался анонимным. Когда Марек Эдельман приходил 19 апреля к памятнику Героям гетто, а с течением лет с ним приходило все больше людей, он возлагал желтые цветы. Желтый нарцисс — это символ общей памяти. Мы все, кто хотел помнить, несли в Муранув нарциссы...

» 19 апреля наконец открыт долгожданный Музей истории польских евреев, расположенный в непосредственном соседстве с памятником Героям гетто. Пока можно посетить лишь необычное здание, построенное по проекту финских архитекторов Ильмари Лахдельма и Райнера Махламяки, одержавшему победу на международном конкурсе в 2005 году. Кроме того, можно также принять участие в образовательных программах, в работе секций, конференций, посетить лекции, презентации книг.

Открытие основной экспозиции запланировано на май 2014-го. Главной темой мультимедийного показа будет тысяча лет истории

польских евреев — повествование о том, как она переплетена с польской историей, как влияли друг на друга и взаимно обогащались две культуры.

» С 19 по 23 апреля проходили XVIII Европейские литературные встречи «Литературный порт Вроцлав». Главной звездой фестиваля стала немецкая писательница Герта Мюллер, лауреат Нобелевской премии по литературе 2009 года. Была представлена ее книга коллажей — тексты и личные поэтические открытки. Свое семидесятилетие отметили в столице Нижней Силезии Богуслав Керц и Рышард Крыницкий, а дискуссию об их последних книгах «Пожитки» и «Перечеркнутое начало» вел Станислав Бересь. Публика имела возможность познакомиться также с творчеством молодых дебютантов и принять участие в вечерах, посвященных классикам — Ярославу Ивашкевичу, Болеславу Лесьмяну и Леопольду Стаффу.

Поэзии сопутствовала музыка. Состоялось три замечательных концерта, где исполнителями были Лех Янерка, «Грабаж и Страхи на Ляхи», а также Фиш и Ким Новак.

» Кристина Милобендзкая (род. 1932), автор более десяти поэтических сборников, была отмечена за совокупность творчества вроцлавской литературной премией «Силезиус». «С момента дебюта в шестидесятые годы и по сей день эта поэзия очень сильно связана с жизнью ее творца, — сказал профессор Яцек Лукасевич. — Эта поэзия — личная биография, претворенная в слово. Милобендзкая оперирует словом, которое «значит» — не предложением или развернутым сюжетом, а собственно словом».

Учредитель премии «Силезиус» — город Вроцлав. В прошлом году за совокупность творчества премией был отмечен Мартин Светлицкий.

» ,Профессор Зигмунт Бауман (род. 1925) стал в нынешнем году лауреатом премии вроцлавского ежемесячника «Одра» за две опубликованные в прошлом году книги — «Это не дневник» и «Бауман / Балка».

«Почетный доктор многих университетов в Европе и во всем мире, лауреат важных премий, Зигмунт Бауман многие годы объединяет армию поклонников, ибо до совершенства довел дар диалога и сумел поставить существенные вопросы нашей эпохе. Он автор свыше пятидесяти книг, вышедших на английском языке, но опубликованных и в Польше, которую он был вынужден покинуть после 1968 года», — напомнила редакция «Одры».

Торжественное вручение премии состоится в июне во Вроцлаве. Лауреатами присуждаемой с 1961 г. премии журнала «Одра» были, в частности, Эва Липская, Чеслав Милош, Тадеуш Конвицкий, Ольга Токарчук, Рышард Капустинский, Карл Дедециус.

» Анонсированный как издательская сенсация «Кронос», интимный дневник Витольда Гомбровича, появится на книжных прилавках 23 мая. Пока что доступ к рукописи имели немногие избранные.

— Чтение «Кроноса», безусловно, повлияет на интерпретацию таких известных произведений Витольда Гомбровича, как «Транс-Атлантик», «Порнография» и, конечно, «Дневник», своего рода дополнением которого, а во многих отношениях полной противоположностью является «Кронос», — заявляют издатели («Выдавництво литерацке»).

Следует напомнить то, что писал сам Гомбрович в «Дневнике» о творчестве и самореализации: «Писательство — это не что иное, как борьба, которую художник ведет с людьми за собственную исключительность». «Дневник покупают потому, что автор знаменит. А я пишу дневник, чтобы стать знаменитым».

» В издательстве «Искры» вышел сборник интервью с Тадеушем Конвицким «Наши истерики, наши надежды» под редакцией Пшемыслава Канецкого. Интервью складываются в автобиографическое повествование, в котором писатель рассказывает о своей жизни и творчестве, о книгах и фильмах. Среди интервьюеров, в частности, Тадеуш Соболевский, Эльжбета Савицкая, Иоанна Щенсная, Анна Биконт, Адам Михник, Ежи Пильх, Тадеуш Любельский. Большинство текстов охватывает период с конца 1970-х до наших дней. Из интервью вырисовывается фигура скептика, который не питает особых иллюзий в отношении человечества.

В 1995 г. автор «Малого Апокалипсиса» заявил, что больше не будет писать. На вопрос, почему так, он отвечает: «Я упорно работаю над тем, чтобы существовать. В определенном возрасте это огромное напряжение. Сегодня каждый пишет книги, а я не буду».

» Фильм Мартина Кшишталовича «Облава» одержал победу в главном конкурсе Фестиваля независимого кино «Off Plus Camera» в Кракове. За премию в размере 100 тыс. долларов состязалось 12 фильмов со всего мира. Председателем жюри был Лех Маевский. «Облава» — это моралите, обставленное реалиями Второй Мировой войны, порывающее с героической картиной польской истории.

Лучшим фильмом в польском конкурсе признан «Бэби-блюз» Катажины Росланец, рассказ о паре подростков, которые становятся родителями и не справляются с новой ролью (премия в 100 тыс. злотых).

В нынешнем году фестиваль «Off Plus Camera» проводился в шестой раз, с 12 по 21 апреля.

» В краковском Национальном музее большая ретроспективная выставка «Эдвард Двурник. Безумие», организованная к семидесятилетию художника (19 апреля). Представлено около 150 живописных работ и графических листов известного мастера.

Двурник с иронией и юмором запечатлевает польскую действительность со времен ПНР по Четвертую Речь Посполитую.

— Выставка — это представление некоторых моих мыслей и переживаний, общественных и политических. Показанные на ней работы рассказывают о состоянии нашего общества с 60-х годов XX века по сегодняшний день. Я считаю, что в принципе ничего не изменилось с течением лет, — говорит художник.

И добавляет, что название выставки отсылает к важной для него картине «Безумие людей», написанной в 1981 году:

— Эта картина говорит о событиях 1970 г. в Гданьске, когда все были в шоке, потому что солдаты стреляли в рабочих. Мы с кураторами выставки решили, что она должна называться «Безумие». По сути дела мое творчество основано на безумии.

Выставку можно посмотреть до 9 июня.

» Телевизионный канал «Культура» присудил свои ежегодные премии — «Гарантии «Культуры»» — наиболее заметным художественным личностям минувшего сезона. Иоанна Батор была награждена за роман «Темно, почти ночь»; Бартломей Вонсик — за проект «Новая Варшава» с участием «Royal String Quartet» и Станиславы Целинской, где известные песни о Варшаве обрели необычную аранжировку и необычное исполнение. Петр Бечала, оперный тенор, отмечен премией за последовательность в построении репертуара и успехи на оперных сценах мира. Актер Бартломей Топа — за безупречную актерскую работу в фильме «Автоинспекция».

В категории «Театр» премии удостоен Корнель Мундручо и актерская труппа «ТР Варшава» как творческий ансамбль спектакля «Летучая мышь». В категории визуальных искусств премию получил Збигнев Либера за выставку «Новые истории» в «Галерее Растер» — новейший фотографический цикл художника.

«Супергарантии», премии за совокупность творчества, получили Эса-Пекка Салонен, всемирно известный финский дирижер, и Кшиштоф Пендерецкий, корифей современной польской музыки.

» 20 апреля в Большом театре — Национальной опере состоялась уже несколько лет ожидавшаяся премьера оперы Павла Шиманского «Кудсья Захер» по либретто известного документалиста Мацея Дрыгаса. Режиссер спектакля — Эймунтас Някрошюс, крупная индивидуальность литовского театра. После премьеры музыку Шиманского в целом хвалили, а вот либретто, в котором афганский сюжет беженцев (драматичная история молодой девушки — заглавной Кудсьи Захер) неожиданно объединяется с исландскими сагами, вызывает сомнения. «Афганский мотив минимален, и его почти не видно, — написала Дорота Шварцман из «Политики». — Он в значительной мере заслоняется проблемой беженцев, с которой всё началось. (...) И все же, несмотря на все недостатки, представление имеет свои достоинства. Во всяком случае и несомненно — музыкальные. Однако меня удивило, когда после спектакля откуда-то с балкона раздались овации. За что и кому они были адресованы, — право, не знаю».

» Гран-при XXXVIII Опольских театральных встреч «Польская классика» получила «Ивонна, принцесса Бургундская» Витольда Гомбровича в режиссуре Кшиштофа Гарбачевского, представленная опольским Театром имени Яна Кохановского.

— Это был лучший спектакль, вне конкуренции. Он демонстрирует огромную творческую

свободу режиссера. Блистательная интерпретация далеко не новой пьесы. Актеры играют прекрасно, а постановка основывается на том, что играющих актеров мы видим не вживую, а на экране, чему сопутствуют музыкальные цитаты из киноклассики, — объяснил решение жюри его председатель Яцек Понедзялек.

» Жизнь Екатерины II с момента прибытия к петербургскому двору до коронации императрицей всея Руси — такова тема спектакля «Царица Екатерина», поставленного Театром Жеромского в Кельце (предпремьера 13 апреля). Режиссер спектакля Виктор Рубен и автор сценария Иоланта Яничак, выпускница факультета психологии, представляют царицу как порабощенную личность. По мнению авторов спектакля, Екатерина с момента приезда в Россию «оказалась отрезанной от самой себя, от интимности, от близости с другим человеком. Она стала узницей в самой себе, даже ее телом распоряжались». Любопытно. До сих пор в наших глазах царица, одна из ответственных за третий раздел и за исчезновение Польши с карты Европы, представала совершенно иначе. Но, может быть, пришло время взглянуть глубже.

» С 7 по 15 июля в Легнице пройдут мероприятия первой Польско-российской театральной школы. Почетное покровительство над школой приняли Кристина Захватович-Вайда и Анджей Вайда.

Польско-российская театральная школа — это совместная инициатива Коллегии Восточной Европы имени Яна Новака-Езёранского во Вроцлаве, Театра имени Хелены Моджеевской в Легнице и Московского театра комедии. Цель школы — обмен опытом и диалог между молодым поколением артистов Польши и России. Во время пребывания в Легнице участники школы примут участие в работе творческих мастерских, лекционных и практических занятиях, которые проведут известные режиссеры, актеры и театроведы.

Итогом работы школы будет спектакль, подготовленный участниками под руководством Яцека Гломба, руководителя Театра Моджеевской, посвященный тематике фильмов Анджея Вайды.

Прощания

» 26 марта в возрасте 90 лет умер популярный актер Ежи Новак, который несколько десятков лет был связан с краковским Старым театром. Актера часто занимали в ролях евреев. Свыше шестисот раз он воплощал образ Гирша Зингера в спектакле «Я еврей из «Свадьбы»».

Артист работал под руководством крупнейших представителей польского театра, таких как Тадеуш Кантор, Ежи Гротовский, Лидия Замков, Анджей Вайда, Ежи Яроцкий, Конрад Свинарский.

В кино Новак был мастером ролей второго плана. Незабываемые образы создал, в частности, в «Списке Шиндлера» Спилберга, «Храбром сердце Ирены Сендлер» Харрисона, «Земле обетованной» Вайды.

» 1 апреля в своей резиденции Собутка в Нижней Силезии умерла Барбара Пясецкая-Джонсон, коллекционер произведений искусства, филантроп, одна из самых богатых женщин мира (ее состояние в последнее время оценивалось в 3,6 млрд. долларов). Ей было 76 лет.

Чрезвычайно ценная коллекция старинного европейского искусства, которую она собрала (Рафаэль, Рубенс, Караваджо, Кранах, Вермеер, Эль-Греко и многие другие мастера), была представлена в Королевском замке в Варшаве на двух выставках: «Opus sacrum» и «Opus profanum».

Барбара Пясецкая-Джонсон похоронена во Вроцлаве.

» 15 апреля в Варшаве умер Анджей Гарлицкий, выдающийся историк, профессор Варшавского университета, один из создателей и главных авторов еженедельника «Политика». Он занимался новейшей историей Польши, преимущественно периодом Второй Речи Посполитой. Был автором первой серьезной биографии маршала Пилсудского — изданной в 1988 году книги «Юзеф Пилсудский 1867-1935».

— Биографию Пилсудского я представил в четырех томах, — говорил Анджей Гарлицкий в одном из интервью. — После тома «У истоков Бельведерского лагеря» вышли «Майский переворот», «От мая до Бреста» и «От Бреста до мая». Что тут долго говорить, я полюбил его как человека. Во-первых, он не был мстительным. Во-вторых, был очень лоялен к сотрудникам. В-третьих, абсолютно вежливым. Никакой тени коррупции или личной корысти в связи с исполнением обязанностей. Он обладал еще одной чертой, которую я со временем все более ценю, — никогда не нарушал обещаний. Его нельзя поймать на типичном для политиков вранье.

Анджею Гарлицкому было 78 лет.

Игорь Белов

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЖИ ПОМЯНОВСКОГО В ВАРШАВЕ

20 марта, накануне Всемирного дня поэзии, литературная Варшава чествовала Ежи Помяновского — известного польского писателя, переводчика, диссидента, а также основателя и главного редактора журнала «Новая Польша». В конференц-зале «Газеты выборчей» собрались друзья, коллеги и почитатели легендарного литератора, чтобы поздравить его с 92-летием.

Никто не удивился, что вечер начался с чтения стихов. В блистательном актерском исполнении прозвучали переведенные виновником торжества стихотворения Осипа Мандельштама: «Сегодня ночью, не солгу...», «О свободе небывалой...», «Сумерки свободы», «Ещё далёко мне до патриарха...» и «За то, что я руки твои не сумел удержать...». Было видно, как особенно тепло польская публика встретила «Сегодня ночью, не солгу...» — ведь именно этому стихотворению в переводе Помяновского, спетому гениальной Эвой Демарчик, было суждено стать самым известным в Польше текстом Мандельштама.

Открывая мероприятие, главный редактор «Газеты выборчей» Адам Михник выразил уверенность, что Мандельштам был бы счастлив, окажись он свидетелем происходящего. Его поддержал директор Польского института книги Гжегож Гауден, явившийся на торжество с двумя подарками. Первым оказалось удостоверение журналиста №1, изобретение Института книги. Вторым — заботливо составленная друзьями и коллегами именинника, вручную переплетенная и выпущенная тиражом 222 экземпляра книга «Ежи Помяновский. Из Мандельштама. Семь стихотворений» — издание стильное, эффектное, на глазах ставшее библиографической редкостью.

Мандельштам и Помяновский, Мандельштам и Варшава — тема практически неисчерпаемая. Год назад автору этих строк посчастливилось быть свидетелем открытия в Варшаве «улицы Мандельштама». Пусть символической, которой нет на официальных картах польской столицы, где, кстати, родился великий русский поэт. Помню, как сокрушались мы тогда с моими знакомыми, что в России — ни в Петербурге, ни в Москве, ни в Воронеже — до сих пор, как ни странно, нет улицы его имени; есть разве что призрачная общая яма на Второй речке под Владивостоком, куда бросили тело поэта в 1938 году...

Известно, что переводы, особенно поэтические, рано или поздно «стареют». Однако польские переводы Мандельштама не утратили своей свежести и силы, хотя большинство их было опубликовано в Польше стразу после Второй мировой войны, в 1945-47 гг., когда об издании стихов Мандельштама в СССР даже и подумать было нельзя. Именно тогда были напечатаны и переводы Ежи Помяновского, который, к слову, познакомился с поэзией Мандельштама еще во время войны, работая на шахтах Донбасса: в больничной библиотеке случайно наткнулся на томик «Tristia», с обложки которого было старательно вымарано имя автора. Помяновский выучил эту книгу наизусть. Он не только переводил стихи поэта, но и, как напоминает в предисловии к книге стихов Мандельштама в переводах Ежи Помяновского заместитель главного редактора журнала «Новая Польша» Петр Мицнер, однажды вступился за автора «Камня», полемизируя с Чеславом Милошем. Нобелиат упрекнул Мандельштама за то, что тот написал просталинские стихи, безуспешно пытаясь спасти собственную жизнь; Помяновский написал тогда, что такая абсолютная требовательность немилосердна и совершенно неуместна, поскольку никто не знает, как он сам поведет себя в критической ситуации. Действительно, хочется по случаю вспомнить Петра Вайля, который писал, что можно прожить жизнь и не узнать о себе очень многого — и дай нам Бог всем не узнать...

После того как Адам Михник, подчеркнув, что и Осип Мандельштам, и Ежи Помяновский — одни из тех немногих писателей, которые никогда не поддавались коллективному безумию, предложил

вновь послушать стихи Мандельштама в переводах именинника, прозвучали тексты «За гремучую доблесть грядущих веков» (тут вздрогнула русская часть аудитории) и «Мы с тобой на кухне посидим...». Затем слово взял сам Ежи Помяновский. Взволнованно поблагодарив собравшихся, он сказал: «Думаю, мне до сих пор не удалось сделать ничего такого, чтобы вам было за меня стыдно. Привилегия старости — с любопытством, интересом и любовью смотреть на вещи, которые не вполне понимаешь; так я смотрю сегодня на новое поколение. И я смотрю на них с радостью, а не с завистью, ведь их ждет столько интересного. Я пережил множество людей, которые заслужили память и уважение куда больше, чем я. И мне хотелось бы поблагодарить их, и поблагодарить вас, поблагодарить Провидение и весь мир».

Словно перехватив инициативу у Михника, Петр Мицнер объявил, что с учётом переводческих интересов виновника торжества (а это и Бабель, и Солженицын, и много кто еще) встречу хотелось бы сделать рабочей, обсудив нюансы переводческой деятельности как поляков, так и русских. Для чего и пригласил на сцену редактора журнала «Иностранная литература» Ксению Старосельскую, чьими блестящими переводами польской литературы зачитывается уже не одно поколение русских читателей, и президента Польского ПЕН-клуба Адама Поморского, одного из самых виртуозных польских переводчиков русской поэзии XX века. Кстати, два года назад Поморский издал в Польше «своего» Мандельштама.

«Мы говорим «Новая Польша» — подразумеваем «Ежи Помяновский», — сказала Ксения Яковлевна. — Вообще «Новая Польша» — это такой ручеёк польской культуры в России, который так или иначе присоединяется к другим ручейкам и даже рекам. Сегодня на русский язык переведены практически все значительные произведения польской литературы, но проблема не в переводах, а в читателях, которых надо воспитывать. У польской литературы в СССР бывали хорошие времена — 50-е и 60-е годы, «оттепель». Потом опустился «железный занавес», а во время «перестройки» мы достали из ящиков столов тексты, которые раньше издать было просто невозможно... Парадоксально, но очередной всплеск интереса к польской культуре и литературе случился в апреле 2010 года, после смоленской катастрофы. Нас, полонистов, тогда с огромным интересом спрашивали: что такое Польша? В течение нескольких дней в Москве было проведено рекордное количество круглых столов и литературных вечеров, посвященных польской литературе, особенно интересным было мероприятие, организованное «Радио Свобода», когда несколько московских поэтов и переводчиков целый час читали стихи своих любимых польских поэтов. Не хотелось бы, чтобы происходили новые катастрофы, — хотелось бы, чтобы польскую литературу и так читали, чтобы потихоньку-потихоньку польская литература вошла в культурную жизнь россиян. Всех россиян».

Адам Поморский начал свое выступление, процитировав стихотворение Всеволода Некрасова: «Ну вот / Воздух / Мандельштам / Это он нам / Надышал». Обращаясь к Ежи Помяновскому, он заметил: «У вас редкий для поляка дар — вы слышите дыхание русского языка и можете выстроить стихотворение на этом дыхании, на этой интонации. Вообще в Польше распространено мнение, что русские говорят певуче, что они поют. Но они не поют — они просто иначе дышат». Продолжая разговор о польско-русских переводах, Поморский рассказал, как недавно в интернете он прочитал интересную дискуссию молодых русских читателей, посвященную переводу книги Михала Витковского «Любиево» — первого современного польского романа, затрагивающего тему гомосексуальности. По мнению Адама Поморского, высокая культура этой дискуссии, сдержанность и толерантность ее участников — хороший пример того, как надо спорить о литературе. «В Польше с русского переводится всё, — заметил Поморский, — начиная с классики, от Пушкина и Достоевского до интернет-романов... У нас нет проблем с большой и малой русской литературой — есть, скорее, проблемы с самими собой».

Итог этой дискуссии подвел Ежи Помяновский, заметив, что слова, звучащие с экранов телевизоров или мелькающие в интернете, исчезают, причем без следа, гораздо быстрее, чем слова, напечатанные на страницах книг. «Все эти слова, которые можно найти в старых книгах, — подчеркнул писатель, — это самые важные слова. И я счастлив, что принадлежу к тому меньшинству, которое слушает именно эти слова и считает их самыми важными».

«Из множества мудрых сентенций Ежи Помяновского, — сказал, завершая вечер, Адам Михник, — я сейчас вспомнил его определение интеллигенции. Интеллигенция, по его мнению, — это те, кого первыми арестовывают во время военного положения. Ежи Помяновский принадлежит к блестящей плеяде людей, которым в свое время удалось невозможное — в условиях советской Польши воспитать целое поколение настоящих русофилов-антисоветчиков». И, как «выпускник» этой школы, Михник, в очередной раз вспомнив «Одесские рассказы» Бабеля в прекрасных переводах Ежи Помяновского, сердечно поблагодарил героя вечера не только от себя лично, но и от всех польских читателей, навсегда запомнивших, что бабелевский Беня Крик «говорил мало, но смачно». Думаю, что все, кто стоя аплодировал Ежи Помяновскому в эти минуты, были абсолютно согласны с такой высокой оценкой его литературного труда — труда переводчика, который еще Корней Чуковский называл «высоким искусством».

Из писем, адресованных Наталье Горбаневской

Здравствуй, Наташа!

Пишу, чтобы выразить восхищение от прочитанной (с опозданием) статьи Ежи Помяновского о Бабеле в твоем переводе. Замечательны и глубоки характеристики и самого Бабеля, и всей эпохи. И написано с такой любовью к своему герою. Редко приходится встречаться с такими прекрасными статьями.

Миша (Михаил Белецкий)

Эльжбета Савицкая

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С БАБЕЛЕМ

Портрет Ежи Помяновского, переводчика и публициста

Ежи Помяновский — писатель и редактор, эссеист, прозаик, драматург, литературный и театральный критик, публицист. Кто же он прежде всего? Поговорим о его заслугах переводчика — главным образом русской литературы.

Начинал он, правда, как переводчик с немецкого. В юности переводил произведения Эриха Кёстнера, Клабунда, Йоахима Рингельнатца и Эриха Мюзама. Сборник Кёстнера «Прикладная лирика» он обнаружил в публичной библиотеке, еще когда был гимназистом — там он прогуливал занятия, сбегая из лодзинской Польской общественной мужской гимназии, о которой, тем не менее, сохранил множество теплых воспоминаний. Так же тепло и даже сентиментально отзывался Помяновский и о рабочей Лодзи: «Я родился в этом городе и могу сказать о себе так: я польский ополченец и профессиональный лодзянин».

В библиотеке он укрывался от преподавателей в тридцатых годах. Дрезденский поэт Эрих Кёстнер помог ему тогда понять, что не нужно ставить знак равенства между публичными истериками Гитлера и немецким народом. И что не стоит так уж уповать на коллективную ответственность.

■ Бабель по-польски

С Россией Помяновский познакомился во время войны (не совсем, впрочем, по собственной инициативе), а также в послевоенное время — на этот раз осознанно и добровольно. И стал одним из самых выдающихся переводчиков русской литературы. Благодаря ему частью польской культуры стали полсотни рассказов Чехова, пьесы Льва Толстого, комедии Евгения Шварца и Михаила Булгакова, стихи Ахматовой, Мандельштама, Пушкина и Мартынова. Он переводил также работы Андрея Сахарова и Михаила Геллера, но его главным переводческим приключением стало знакомство с творчеством Исаака Бабеля: Помяновский перевел почти все рассказы и пьесы автора «Конармии», а также опубликовал полный перевод «Конармейского дневника 1920 года».

Этому литературному увлечению — точнее сказать, любви — Ежи Помяновский был верен всю свою жизнь. Не знаю, существует ли вообще какое-либо произведение Бабеля, которое бы он не перевел и не откомментировал. Польский Бабель — это Бабель Помяновского. Бабель, вошедший в польский язык со всеми мелочами и нюансами, а самое главное — со своим уникальным стилем. Его тайной была протокольная краткость, переплетенная с гибким метафоричным языком.

Помяновский неоднократно рассказывал, с чего началось это увлечение. Его родной дядя Мечислав Бирнбаум первым в Польше перевел несколько произведений Бабеля. Этот неординарный человек, журналист, переводчик, а также офицер разведки, использовал псевдоним Бином.

«Я обожал его, он сыграл огромную роль в моей жизни. Он лежит в Катыни с орденом Virtuti Militari на груди. Во время войны 1920 года он был человеком для специальных поручений при Пилсудском, и пришел он к нему не из Польской социалистической партии, а из Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, и благодаря этому знал всех советских людей польского происхождения. По указанию Пилсудского он вел переговоры с большевиками, в том числе в Минске. Бином, то есть Мечислав Бирнбаум, был первым польским переводчиком Бабеля. В 1927 г. в издательстве «Рой» вышел сборник под названием «Пещерные люди» с произведениями Зощенко, Пильняка, Алексея Толстого и с десятью рассказами Исаака Бабеля в переводе Бинома. Дядя рассказывал мне об Одессе, где побывал с 4-й дивизией Желиговского. Именно благодаря дяде я познакомился с творчеством Бабеля и был так увлечен творчеством этого писателя», говорил он в интервью автору этой статьи (Сабля для Бабеля. // Жечпосполита. 10-12.12.2006).

Он также написал выдающееся эссе «Еврей из Одессы», почтив память великого писателя, погибшего в застенках НКВД и на целые годы исчезнувшего с карты русской литературы. Этот текст стал

послесловием к изданному в 2006 г. «Святом ксёнжки» сборнику «Конармейский дневник 1920 года. Рассказы. В сумерках». Вот что писал Помяновский о страницах «Конармейского дневника», содержащего страшные сцены резни польских военнопленных и еврейской бедноты:

«Я не знаю другой такой частной тайной военной хроники, целиком лишенной ненависти и презрения по отношению к противнику. Сочувствие к польским пленным, расстрелянным после боя, и описание поля с изрубленными телами «зарифмованы» с рассуждениями о польском книжном магазине в Бродах, о чудесных малышах в польских костелах, о порядке и уюте в польских хатах. Я вижу в этих заметках столько доброжелательности по отношению к Польше, столько подсознательной тоски по Европе, по цивилизации, которая до этого была известна автору лишь по книгам. И то, что эти сокровища отданы на уничтожение и разграбление, пугает и будоражит автора дневника. И хотя о самом себе он пишет скупо и довольно безжалостно, в нем сразу можно различить черты редкого благородства».

Эта цитата — образец стиля Ежи Помяновского, который владеет пером с необыкновенным мастерством. Он пишет ярко, сочно, темпераментно, его язык элегантен и одновременно прост, часто приправлен иронией и юмором. Узнать Помяновского можно по первым двум предложениям.

Однако абсолютным мастером прозы он считает именно автора «Конармии»: «Любая фраза Бабеля для меня — образец высочайшей пробы, пример ясности, выразительности и скрытой иронии относительно всех наших драм».

■ Постановка планки

На вопрос, чувствует ли он себя также писателем, переводчик Бабеля ответил: «Я почтовая лошадь в этой бричке польской литературы, которую мои любимые писатели и поэты превратили в один из прекраснейших экипажей Европы. Я считаю польскую литературу чем-то очень особенным благодаря двум отличительным чертам, которых больше не встретить ни в одной из европейских литератур: основным ее жанром выступает поэзия, а особую мощь этой литературе придает — вместе с поэзией — публицистика.

Заняться литературой меня побудил пример Станислава Игнация Виткевича с его высокой философской планкой, а публицистом я стал благодаря Гедройцу. Он заставил меня стать публицистом. Заставил — как он вообще умел заставлять людей использовать то, что даровано им Богом. Из наивного «ревизиониста» он сделал другого человека. Говорю это не в первый раз: ревизионисты, которыми мы в те времена были, хотели починить автомобиль, уже лишенный двигателя; автомобиль с мощными тормозами, управляемый из Москвы». (вышецит. интервью).

Гедройц сразу перебросил его на передовую, поручив недавнему «ревизионисту» пополемизировать со статьей о восточной политике, написанной неизвестным автором, скрывавшимся под псевдонимом Зенон Мельницкий. Гедройц полагал, что это Стефан Киселевский. На самом же деле этот псевдоним принадлежал совсем молодому Войцеху Карпинскому. Но Помяновский писал свой материал так, словно полемизировал с самим Киселем.

■ Солженицын по поручению Гедройца

Свое сотрудничество с «Культурой» он начинал как публицист, однако вскоре редактор поручил ему новое задание: переводы книг Александра Солженицына. На этот раз переводчик скрылся под псевдонимом. Переводы произведений автора, проклятого у себя на родине и запрещенного в странах «социалистического лагеря», выходили под именем Михала Каневского. Благодаря ему мы прочитали «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ», который был издан Институтом литерацким в Париже и прочитан — день за днем, страница за страницей — в эфире радиостанции «Свободная Европа».

Януш Джевуцкий в послесловии к сборнику очерков «Русский месяц с лишним» пишет: «Нельзя не согласиться с Помяновским, когда он утверждает, что тысячи страниц Солженицына «изменили расклад на весах истории», и что это именно тот писатель, «который первым, встав на защиту собственного народа, заявил, что империя — это ядро, прикованное к ногам России», а также когда он убеждает нас, что «полонофобия Солженицына — это миф».

Помяновский посвятил Солженицыну значительную часть своей жизни, но, как он сам говорит, это уже не было великим приключением, как в случае с Бабелем, а только обязанностью. «Это был мой долг, счастливое искупление того греха, когда человек закрывает глаза на то, что он может, но не хочет видеть».

Он подчеркивает, что переводил Солженицына согласно категорической рекомендации, а точнее, приказу Ежи Гедройца. Предложение, от которого не отказываются, передал ему от имени редактора живший в Италии Густав Герлинг-Грудзинский. Герлинг очень высоко оценил работу переводчика. 19 июля 1974 г. в своем «Ночном дневнике» он сделал следующую запись:

«Переводить такую прозу — такое же каторжное занятие, как и писать ее. Я посмотрел два перевода — итальянский и английский, верные, то есть посредственные. Наш Каневский выше их на две головы, он прекрасный переводчик, нутром чувствующий малейшие нюансы солженицыновской словесной руды. Само собой, профессиональные ловцы «блох», перфекционисты и радетели чистоты польского языка бросятся на поиски ошибок и промахов. Зато тысячи читателей, десятки, а может и сотни слушателей польского «Архипелага» перед Каневским в неоплатном долгу».

■ Возвращение на Молдаванку

Собственным творчеством Помяновский интенсивно занимался в 50-х и 60-х годах прошлого века. Четыре издания выдержал его роман «Конец и начало» (1955), на основе которого Ян Рыбковский снял фильм «Часы надежды» (история двух врачей, весной 1945 г. оказавшихся в рядах польской Армии Людовой, в маленьком городке; недалеко фронт, и где-то совсем рядом бродит отряд немцев из Ваффен-СС). В те же годы Помяновский выпустил несколько сборников очерков о театре и литературе, а также две комедии: «Фарисей и грешник» (1950) и «Прием ведет доктор Антон Чехов: комедийный спектакль» (1965).

Писать для сцены он вновь стал только в 90-е, вернувшись из эмиграции. В 1993 г. «Аустерия» выпустила его пьесу «Содом и Одесса: вариации, домыслы и песни на тему одесских рассказов». Так он снова обратился к Бабелю. Он нырнул в его мир, одновременно докопавшись до исторической подоплеки «Одесских рассказов». Ведь бабелевский Беня Крик, бандит с душой романтика, существовал на самом деле и был известен как Мишка Япончик или Король. Его имя гремело в дореволюционной и революционной Одессе. Надо отдать ему должное: сразу после революции 1905 г. он уберег Молдаванку, район еврейской бедноты, от погромов. А в 1918 г. создал из своих людей — разномастных жуликов, хулиганов и карманников, которых в Одессе тогда было чуть ли не сорок тысяч, — что-то вроде партизанского отряда, который боролся с оккупировавшими город интервентами.

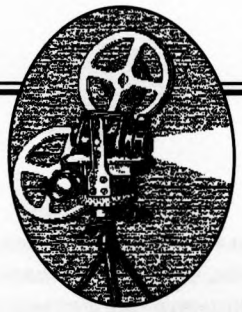
Художественной основой «Содома и Одессы» стал рассказ «Фроим Грач». Вот как передает его содержание Павел Хюлле:

«Все подельники Бени Крика были задержаны чекистами. Они помогли красным выбить белых из города, и поплатились за это. К коменданту является Фроим Грач, крестный отец одесского подполья, пробует поторговаться, вытащить своих ребят на свободу. Но времена теперь другие — это при царе с полицией можно было кое-как договориться. Фроим Грач схлопотал полтора десятка пуль, при этом чекисты обошлись без всякой торговли и — на счастье бедолаги — без допроса. Это крах целого мира — показывает нам Бабель — и не только мира еврейских бандитов, одесских «робин гудов», которые грабили богатых и помогали беднякам. Это конец мира, где существуют принципы, правила, мораль, писаные и неписаные законы чести.

В произведении Помяновского вся история Бени Крика и его банды сводится к подобному финалу. Власть захватили большевики, и никто, даже сам Беня, еще не подозревает, что на роль главного уголовника теперь уверенно претендует государство, не признавая при этом никакой конкуренции и не собираясь ни о чем ни с кем договариваться».

■ Редактор «Новой Польши»

И снова: если бы не Гедройц, мы бы не знали Помяновского — редактора «Новой Польши». А на эту роль он подходит как мало кто. Не только потому, что хорошо знает Россию, ее язык и литературу. Его стихия — полемика, и прежде всего он полемизирует с фобиями и предубеждениями, как польскими, так и российскими. Уже много лет он призывает к польско-российскому диалогу, открытому и доброжелательному, поскольку «то, что мы ошибочно принимаем за национальное своеобразие русских, на самом деле не более чем свойство нынешней российской власти». Фундаментом наших отношений Ежи Помяновский считает взаимоуважение: «Быть без ума от россиян совсем не обязательно. Уважать их — необходимо».



ЧТОБЫ НЕ ЖАЛОВАТЬСЯ

С Доротой Кендзежавской беседует Анна Беляк

Зрители «Светочувствительной Польши» — это на самом деле более «настоящая» публика, изголодавшаяся по хорошему кино: у нее больше заинтересованности, больше энергии и желания разговаривать. Разговаривать искренне.

— «Светочувствительная Польша» — это своего рода передвижной кинотеатр. Подобного рода проекты пользовались большим успехом в 50-х и 60-х годах, они положили начало появившемуся позднее традиционному кинопрокату. Получается, что круг замкнулся. Можно ли теперь ожидать нового бума, революции кинопроката?

— Мы не имеем ничего общего с кинопрокатом. Нашей главной целью было донести до людей хорошее кино. «Светочувствительная Польша» — это проект, стремящийся продвигать авторское кино, польский арт-хаус там, куда без нас оно бы никогда не попало, то есть там, где нет кинотеатров. Ужасно жалко, что сеть маленьких кинотеатров, которая когда-то существовала, исчезла с карты Польши. В каждом таком кинотеатре была своя атмосфера, особая аура, фильмы показывали с утра до вечера при условии, что на сеанс собиралось хотя бы трое зрителей. Иногда приходилось покупать три билета, чтобы механик запустил проектор. Тогда у нас у всех была привычка ходить в кино. Помню, как в старших классах и в институте мы ходили на сеансы большой компанией, а потом долго обсуждали фильмы. Позднее, когда мы снимали свои первые картины («Черти, черти», 1991, «Вороны», 1994. — *Ред.*), «Фильм польский» сажал нас в машину и возил по стране, по маленьким городкам, где после сеансов мы разговаривали с публикой.

— Благодаря «Светочувствительной Польше» в маленькие городки снова приедут кинозвезды.

— Старые передвижные кинотеатры не возили с собой создателей фильмов. «Светочувствительная Польша» не выезжает в турне с фильмом, если его не сопровождает хотя бы один представитель съемочной команды — не обязательно режиссер. С нами уже ездили актеры, монтажер, сценограф, оператор. Благодаря этому зрители получают возможность взглянуть на работу над фильмом с разной перспективы. Самое важное для нас — чтобы люди собрались и вместе посмотрели фильм, который мы показываем в очень хорошем качестве с цифрового проектора, чтобы они вместе, сидя в темном зале, пережили его, а затем искренне поговорили о нем с его создателем. Часто бывает так, что интересные современные польские фильмы пролетают по экранам кинотеатров в больших городах, а потом их показывают по телевизору где-нибудь около полуночи. У тех, кто живет в небольших населенных пунктах, просто нет шансов их увидеть. Нам стало жалко всей той энергии, сил, вложенных в фильм, денег и труда стольких людей, поэтому вместо того, чтобы жаловаться, мы решили что-то сделать, донести кино до зрителя. И так родилась «Светочувствительная Польша».

— Есть ли такие картины, которые вам не хотелось бы везти в турне?

— Мы с Артуром Райнхартом и с помощью молодых экспертов из нашей светочувствительной команды выбираем те фильмы, которые нас захватывают (а таких в современном польском кино появляется всё больше и больше). Это прекрасно сделанные работы — и с художественной, и с профессиональной, «ремесленной» точки зрения, хотя иногда и очень скромные по средствам. В них чувствуется рука автора. Мы показываем и игровые, и документальные, и мультипликационные фильмы как зрелых, известных режиссеров, так и только начинающих пробовать свои силы в профессии дебютантов. Наверное, мы не стали бы показывать «Fuck For Forest»... И потому, что Михал Марчак ездил с нами со своим замечательным дебютным фильмом «Конец России», и потому, что фильм вызывает слишком много противоречивых эмоций. Наша публика очень разнообразна: есть молодые люди, но есть и зрители почтенного возраста. Нам не хотелось бы никого зря травмировать. Но фильмов, которые нам хотелось бы показать, так много, что, к счастью, проблем с репертуаром у нас нет. Только что из турне вернулась «Облава» Мартина Кшишталовича, в конце февраля стартует «Ты — Бог» Лешека Давида.

— Принято считать, что в маленьких городах зрительским вкусом управляют стереотипы. Но не обстоит ли дело наоборот — так, что провинциальная публика смотрит кино с большей открытостью, без всякого рода социокультурных фильтров?

— Прежде всего там люди не смотрят такого количества глупых фильмов, которые портят вкус и делают зрителя ленивым. Нам кажется, что публика «Светочувствительной Польши» — это на самом деле более «настоящая» публика, изголодавшаяся по хорошему кино, она проявляет больше заинтересованности, у нее больше энергии и желания разговаривать. И разговаривать искренне. Если что-то не нравится — так уж не нравится. Если фильм человека трогает — он плачет. В этом состоит очарование таких дискуссий и огромная радость от встреч. Это встречи почти что семейные, ничем не похожие на встречи с публикой на кинофестивалях, где практически никто друг друга не знает. В небольших городках все знакомы между собой, встречаются, иногда во время дискуссий после показов дело доходит до глубоко личных признаний. Вопросы практически не повторяются, каждый разговор получается особенным, у каждого своя «температура», а комментарии и замечания, которые зрители высказывают во время дискуссий, действительно невероятно точны. Они часто замечают то, на что критики совершенно не обращают внимания.

— Что же ускользает от внимания критиков?

— Зрители стараются дойти до сути фильма и объяснить его сквозь призму собственного опыта. А среднестатистическая рецензия представляет собой на самом деле пересказ содержания, и притом довольно подробный. Поэтому она лишает зрителя всего удовольствия от неожиданности и тайны, которые несет в себе просмотр фильма. Конечно, в рецензиях есть и оценка, но довольно редко в них можно найти настоящий анализ. Иногда фильм в целом может быть неудачным, но в нем есть что-то удивительное, прекрасное, важное — эпизод, актер, музыка, — что-то, на что стоит обратить внимание. Не знаю, был ли когда-нибудь кто-нибудь из критиков на съемочной площадке, знают ли они, сколько труда и нервов, сколько эмоций сопутствует созданию фильма. Мне кажется, что у критиков нет ни тени уважения и внимания к тому, что они смотрят. Во всех отзывах зрителей чувствуется конкретный, живой человек, а в рецензиях — всезнающие знатоки кино, в словах которых трудно найти хоть что-нибудь личное.

— Многие редакторы утверждают, что простой зритель не поймет текста без краткого пересказа, который, по их мнению, должен быть основной частью рецензии.

— Это как раз и есть идиотское равнение по нижней планке. Когда-то все ходили на Бергмана, Антониони, Феллини, и даже те, кто их фильмы не совсем понимал, понять их старались. Сейчас даже самое простое авторское, «другое» кино называют сложным, нишевым, «не для простого зрителя». Поэтому кинокритики рубят с плеча, пересказывая в двух словах весь фильм, и лишают зрителя удовольствия от просмотра.

— «Светочувствительная Польша» все время посещает новые места, а я задаюсь вопросом: когда вы приезжаете снова туда, где уже побывали, замечаете ли вы перемены в публике по сравнению с первым приездом? Становится ли она другой, более образованной, лучше понимающей, например, Бергмана?

— Первые встречи «Светочувствительной Польши» со зрителями — самые трудные, хотя и не всегда. Недавно мы были в местечке Всхова, куда раньше не добирались. Это было во время турне с фильмом «Облава», где нашим гостем был оператор Арек Томяк. Там дискуссия после фильма длилась дольше, чем сам показ. Конечно, бывают и другие места, где нужно действительно постараться, чтобы найти общий язык, — например в исправительных учреждениях. Там на каждой встрече люди открываются сильнее, причем как зрители, так и гости. Мы работаем над документальным фильмом о путешествиях «Светочувствительной Польши», в нем мы будем сравнивать эти разные отклики публики. Фильм делают молодые ребята. Они ездят с нами, берут интервью во время поездок у наших гостей, расспрашивают зрителей до и после сеансов. Материала собрано очень много, в прошлом году состоялось 150 кинопоказов. Надеемся, что фильм получится интересным, нам очень хотелось бы показать его на кинофестивале в Гдыне в сентябре.

dwutygodnik.com
strona kultury

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В течение трех лет после катастрофы президентского самолета в Смоленске редко кто задавался принципиальным вопросом: как из этого выйти? Из чего? Ответ приносит статья Павла Решки «Страна, разделенная стеной» в «Тыгоднике повшехном» (2013, №14):

«Если принять сердцем всё, что уже было сказано на тему катастрофы, то мы должны бы поставить посреди Польши стену и разделиться. Ибо как представить себе жизнь под одной крышей с предателями, заправилами «промышленности презрения», русскими агентами, которые помогают чужой державе затушевать покушение на главу государства?. А кто бы захотел жить среди одурманенной стаи, горящей жаждой мщения, готовой поджечь страну только для того, чтобы дорваться до власти? Стаи, которая мечтает о люстрациях, шпионстве, подслушивании, мечтает заковывать в кандалы, сдавать в солдаты?»

Вопросы как таковые будут множиться, и я не вполне уверен, что, как хотелось бы автору статьи, рано или поздно обе стороны конфликта должны будут как-то договориться. Павел Решка пишет:

«Коалицию политических элит, окопавшихся сегодня в двух враждебных лагерях, вполне можно себе представить. Это никого не шокирует. (...) В понедельник политики поливают друг друга помоями, во вторник формируют правительство. Самое что ни на есть политическое поведение».

Возможно, и так, но у меня впечатление, что то, в чем мы три года участвуем, уже давно потеряло что-либо общее с рациональной политикой. Так что не удивляет врезка к статье Мариуша Геслика «Смоленский шанс», помещенной в приложении к «Жечпосполитой» — еженедельнике «ПлюсМинус» (2013, №14/):

«Катастрофа президентского самолета — это первое после военного положения событие, на которое наши творцы отреагировали в таком масштабе. Однако всё еще недостает выдающегося произведения. Хотя Смоленск всё еще может стать для польской культуры переломом».

Есть какие-то рисунки, фильмы, преимущественно документальные, есть также стихи — из них уже можно собрать довольно представительную антологию. Автор обращает внимание на два театральных спектакля:

«Надежду, что Смоленск может дождаться выдающегося произведения, дают две театральные постановки. Первая, «10.04», — по пьесе четырех авторов, в том числе одного русского, во вроцлавском театре «Ad Spectatores», подготовлена совместно с российским «Театр.doc» в стилистике документального театра на основе подлинных донесений; были также подлинные эмоции, причем без истерики и китча. Интригует также пьеса «Междуцарствие» Войцеха Томчека, пока известная лишь немногим, ибо до сих пор ее не поставил ни один театр. Это произведение о механизмах власти, прочно ассоциирующееся с пьесами Мрожека, такими как «Танго» или «Эмигранты». Даже если все еще нет выдающегося произведения, посвященного смоленской катастрофе, то всё же можно сказать, что благодаря реакции на нее художников наша культура может стать более серьезной. Обратиться к важнейшим актуальным темам, которые более всего волнуют людей. И поэтому Смоленск всё еще может быть переломом».

В указанном направлении ведет поиск и историк Антоний Дудек. В том же номере еженедельника в интервью Роберту Мазуреку, озаглавленном «Кто кого отправит в тюрьму», он обращается к фильму на тему Смоленска, который снимает режиссер Антоний Краузе:

«В Польше очень сильна традиция романтизма, и каждый еще в школе, даже пребывающей в упадке, был пропитан традициями XIX века — традициями бунтарства, национальной гордости, чести. А Смоленск идеально вписывается в это течение. Конечно, многое зависит от того, каким будет фильм, не перемудрит ли Краузе. (...) Я читал в нескольких интервью, что он однозначно

убежден в теракте. Не знаю сценария, но одно дело обозначить что-то, показав, например, как передают из рук в руки конверт, а другое — если это сопровождается диалогом по-русски (...). Открыто, прямолинейно представить тезис — значит упустить свой шанс. Слишком однозначные фильмы контрпродуктивны».

Ученый рассуждает также о том, возникнет ли что-то, что можно было бы назвать смоленской культурой:

«Я ничего не предрекаю, но смоленский импульс настолько силен, что может возникнуть целое направление в культуре. Оно, конечно, будет высмеиваться, уничтожаться главным течением критики, но может существовать и оказывать непредсказуемое воздействие на людей. В случае Смоленска мы имеем дело со стечением чрезвычайных обстоятельств, ибо здесь и люди особенные, и масштаб, и символичность места, куда они летели... (...) Это всё мифотворческие факторы. Катынь, Лех Качинский, элита государства, Россия. И по эмоциональному накалу событие необычайное. Я не верю, что можно обрести спокойствие, повторяя: «Произошел несчастный случай, и довольно об этом». Просто не могу поверить».

Что ж, воздадим должное вере профессора Дудека, но довольно об этом — перейдем к вопросам, стоящим несколько поодаль от искусства. Но совсем от темы не удалимся, как и от романтических корней новодельной польскости, о состоянии которых в последнее время особенно тревожатся ученые, объединившиеся вокруг «исторической политики», пропагандируемой «Правом и справедливостью». Один из таких ученых мужей — профессор Анджей Новак, который в интервью Кшиштофу Щерскому, опубликованном в последнем номере ежеквартальника «Аркана» (2013, №1) и озаглавленном «Пробудить поляков к действительности», говорит:

«Важный аспект патриотизма — разбудить культурные потребности, основанные на национальных традициях. Если я не знаю, кто такой Шопен и что такое его музыка, если полностью отрезаю своих детей от романтической традиции, от попыток соприкоснуться с величием романтической поэзии или с великой постромантической прозой (Прус, Сенкевич), если не смогу черпать из этих традиций, укорененных, в свою очередь, в европейской культуре, — то я сразу вижу ограничения и необходимость добавить этот элемент в ту самую «горячую воду в кране», о которой заботится, впрочем, кто-то другой, так что это никак не моя заслуга».

«Горячая вода в кране» — это, как убежден Новак, единственное, о чем заботится нынешняя власть, которая представляется ему очень далекой от патриотического подъема. Но это второстепенное дело. Важнее та самая романтическая и постромантическая традиция, та самая укорененность польской современности и польской идентичности в XIX веке. Так думает не только Новак. В том же духе высказывается сатирик Мартин Вольский, который в фельетоне «Мохеры как хипстеры» на страницах новой «правой» газеты под названием «До жечи» (К делу») острит:

«Не подлежит сомнению, что, как и во времена пана Генрика [Сенкевича], когда всё вокруг убеждало, что «проект Польша» исчерпан, нам срочно нужны анти-Гомбровичи и анти-Бжозовские».

Соль остроты (прошу прощения, что растолковываю, но хотел бы позаботиться о читабельности рассуждений автора) состоит в том, что Вольский видит современную Польшу подпавшей под новый раздел, лишенной независимого бытия и срочно требующей литературы, написанной, как трилогия Сенкевича, «к укреплению сердец», а не критичной и предъявляющей полякам новые требования. Мы должны жить в скансене XIX века.

Так же это понимает и Новак:

«Пусть снаружи жернова соседних империй хотят стереть нас в порошок, но мы не даемся, — и это суть польскости. Так что консерватизм «польскости» основывался бы на том, что эта польскость продолжает существовать и не превратилась, например, в имперскую польскость, хотя для некоторых существует искушение поменяться ролями и стремиться к ликвидации наших соседей. Полагаю, — отважно добавляет краковский профессор, — что этот ответ не сообразуется с духом нашей истории. (...) Сегодня Россия уже хочет поделить Польшу только с Германией, не обязательно в буквальном смысле, но в смысле влияния на нашей территории. Польша рассматривается исключительно объектно, и сегодняшняя задача в том, чтобы мы защитились от такого подхода».

Здесь для Анджея Новака фундаментальный вопрос — смоленская катастрофа, трактуемая как... очередное народное восстание, посланию которого — призыву к борьбе за независимость — мы должны, как и во времена после восстания 1863 года, хранить верность.

«Небывалая самоотверженность органической работы вырастала [в XIX веке] именно из этого чувства долга перед повстанцами. Если бы не было восстания, ничто не смогло бы настолько мобилизовать следующие поколения поляков к дальнейшей борьбе, приобретавшей иные, нежели бунт, формы».

Так было и позже:

«Чувство глубокой укорененности в национальной традиции меняло коммунизм изнутри, что проявилось в последовательных взрывах — в 1956, 1966, 1968, 1970, 1976, 1980 годах...Мне представляется, — докторально указывает Новак, — что эта перспектива касается и того, что случилось 10 апреля 2010 года. Мы воспринимаем это, естественно, как огромную потерю, так как погибло столько прекрасных людей, но следует одновременно подчеркнуть, что очень многие почувствовали себя мобилизованными для включения в общественные дела».

Новак полагает, что только эта включенность позволит противостоять нежелательному развитию политических процессов, перспективы которого очерчиваются довольно мрачно:

«Я вспоминаю семинар в Саппоро, в котором несколько лет назад принимал участие. Японский ученик Иммануила Валлерстайна представил там видение долгосрочного развития Европы и совершенно определенно указал на середину второго десятилетия XXI века как на момент, когда произойдет своего рода новый Ausgleich. Центральная Европа окажется попросту разделенной между Россией и Германией на сферы господства. Мы видим, как прогрессирует этот процесс, и не слишком понимаем, как можно всерьез относиться к тем, кто этого явления не замечает. (...) Это действительность маргинализирующейся, слабеющей Европы, над которой стремятся владычествовать наследники Второго Рейха и Третьего Рима».

Согласен, что язык профессора Новака может произвести впечатление. Правда, не на меня: года два назад читал я книгу американского политолога, доказывающего, что около 2050 г. Польша станет мощной империей... Политологи чаще несут ахинею, чем говорят дело. Поэтому в перспективе, очерченной нашей «правой» прессой, мы имеем дело с неформальным, но уже реальным новым Рапалло. И противодействовать этому можно лишь борьбой за сохранение польскости, не поддающейся модернизационным операциям, которыми руководят фальшивые, пусть и доминирующие, элиты, чьим подлинным рупором является «Газета выборча». Поэтому профессор Новак в очередном выступлении, на этот раз в статье «В стане палачей» в цитировавшемся уже номере еженедельника «Плюс Минус», говорит:

«Всё зло исходит от борьбы с тем, что когда-то одна журналистка назвала «удобным костюмом жертвы», в который поляки якобы сами наряжаются. Самая влиятельная, формирующая общественное мнение польская газета стоит на той позиции, что если мы говорим об ответственности кого-либо иного, а не самих жертв катастрофы, самого президента Качинского, не о польской глупости, то мы жертвы польского комплекса. И это мне представляется какой-то трагической путницей, которую нужно преодолеть. Давайте не искать виновных там, где их нет. Не будем бояться называть истинных палачей по именам. Иначе мы можем оказаться в стане палачей — в роли шутов, соучастников преступления».

Что ж, в статье на страницах «Тыгодника повшехного» Павел Решка описывал поведение и позиции политиков. Профессор Анджей Новак на шаг впереди. Хотя, кажется, политиком он еще не стал, но в описании катастрофы пользуется языком, которым даже политики до сих пор не пользовались. Правда, слово «преступление» уже проскальзывало, но здесь появляется следующее, усиливающее напряжение, — «палач». Пока что Новаку хватает осторожности, и он еще не «называет истинных палачей по именам», из-за чего его рассуждения, а в особенности процитированный здесь пассаж, в общем-то, скорее смешат, чем склоняют к раздумью. По-своему забавными кажутся и слова из статьи Решки:

«Смоленский дискурс упрощает политическим элитам коммуникацию со своими избирателями. Деление на хороших и плохих всем понятно. Одни — из лагеря национальной измены, обеспеченного ресурсом «медиальной промышленности презрения». Другие — из лагеря национального безумия, ук-

репленного своими «непокоренными» СМИ. Не надобно вдаваться в скучные нюансы в дискуссиях о пенсиях, налогах, здравоохранении и безработице. Политический спор должен быть выразительным, таблоидным. Он эффективен, когда трансформируется в рейтинги. Легко отличить друг от друга две крупнейших партии. Разве что это дорога в никуда, потому что ведь и так в конце концов все должно между лагерями устаканиться. Это же не супружеская ссора: нельзя разделить имущество, хлопнуть дверью и уйти. Как бы там наверху ни скандалили, а мы всегда будем одним обществом».

Быть может, и так, но это общество начинает становиться странным — во всяком случае для меня: часть живет в скансене позапрошлого столетия, часть стремится обрести себя в реалиях и категориях мышления XXI века. Первые будут продвигать анти-Гомбровичей, вторые пробуют идти дальше, чем горизонт, Гомбровичем очерченный. Что же до политиков, то не будем преувеличивать: партии не вечны — разделяются, распадаются, создаются новые. Здесь, быть может, и ответ на вопрос: как из этого выйти?

Яцек Глажевский

ПОДКОРКОВЫЕ ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРЫ

Заметки на полях книги Татьяны Косиновой «Польский миф»

В одном из эссе — переизданных недавно «Зешитами литерацкими» — Чеслав Милош признавал: «Нет смысла изображать исключительность и скрывать манию, присущую всем полякам. Напротив, нужно признаться в ней и стараться исследовать ее в самом себе как можно более бесстрастно. Поляки и русские не любят друг друга или, точнее, испытывают друг к другу всевозможные недружественные чувства, от презрения и неприязни до ненависти, что не исключает неясного взаимного притяжения, но всегда отмеченного недоверием». Обозначенная Милошем рационально не объяснимая взаимность этой магнетической притягательности кажется более постоянной, нежели все польские и русские мании. В этой области аргументом может служить всё: общая история, опыт коммунизма, литературные увлечения, чувство превосходства, преступление в Катыни, энергетическая политика, троцкизм, сталинизм, ревизионизм, поэзия Бродского, проза Солженицына и т.д. В сущности Россия — это неизменная точка отсчета для польской действительности, а часто еще и пробный камень состояния духа и ума. Достаточно хотя бы просмотреть текущую публицистику, либо предложения издательств, которые специализируются в т.н. литературе факта — «русский вопрос» присутствует там не столько как вопрос реакции на политические решения, сколько как интегральный элемент специфического взгляда на мир. Мир, который если и открыт, то исключительно для положений, подтверждающих его ресентименты, а зачастую представляющих собой просто вульгаризированную версию более ранних предубеждений. Мир, который верит во всякого рода теории заговора и склонен к проявлению перманентной интеллектуальной эквилибристики, лишь бы в конце концов оказалось, что «система» не иллюзорна и действует чрезвычайно эффективно. Не о таких ли политических взглядах писал во второй половине XIX века классик анархической мысли? «Новейшее государство по своему существу и цели есть необходимо военное государство, а военное государство с тою же необходимостью становится государством завоевательным; если же оно не завоевывает само, то оно будет завоевано по той простой причине, что где есть сила, там непременно должно быть и обнаружение или действие ее. Из этого опять-таки следует, что новейшее государство непременно должно быть огромным и могучим государством; это есть непременное условие сохранения его» (Бакунин. Государственность и анархия).

Сторонники атавистических норм функционирования мира ставят в вину своим жизненным и интеллектуальным оппонентам политическую наивность, близорукость и историческую слепоту. Дело, однако, не в психофизическом состоянии жрецов, шутов или «полезных идиотов», а в том факте, что односторонний взгляд на любое явление в каком-то смысле усиливает или даже формирует тоталитарные стороны человеческой ментальности. В таком случае закрытый ум углубляет свое порабощение и обрекает себя на вечное проклятие подполья и конспирации. В то же время любая порядочная конспирация должна с надеждой ожидать своего конца, а после возможного триумфа заговора — отбросить повадки подпольщика. И открыть для себя новый, сложный и разнородный мир, в котором способность к разумной дифференциации будет прямо пропорциональна ощущению свободы. Как вспоминал Адам Михник: «В интервью эмигрантской русской газете я сказал, что очень люблю Россию и ненавижу Советский Союз. Я часто говорю, что я настоящий антисоветский русофил. В этом суть моего отношения к России. Я люблю русскую культуру, литературу, люблю русских. Я всегда хорошо себя чувствовал среди них, у меня всегда было много друзей в России, больше чем в Польше. Однако я терпеть не могу Советский Союз как политическую формацию и некое цивилизационно-культурное целое».

Книга Татьяны Косиновой* — это свидетельство как польско-русского притяжения, а может быть, даже взаимного соблазна, так и упомянутой выше открытости. Свидетельство в двояком понимании — документ диссидентского прошлого русских интеллигентов и позиция сопротивления по отношению к нынешней политической ситуации, несколько вопреки правилам идеологической корректности. Как подчеркивает автор: «*Точкой сборки* этой книги стало удивление(...). Биографические интервью с политзаключенными послесталинского периода (...) показали значительное присутствие польских реалий в памяти и устных рассказах моих собеседников. Вдруг оказалось, что события в Польше зачастую становились для них главными генерационными переживаниями, а явления польской культуры и польская пресса служили не только источником и каналом информации о Польше и Западе в целом, но формировали тренды, стратегии и репертуар практик».

Можно было бы предположить, что такая точка зрения — своего рода апология польского влияния — способна привести лишь к плачевным результатам, в первую очередь к нашему исконному реваншистскому ощущению культурного и морального превосходства. Graecia capta ferum victorem cepit*... Однако, к счастью, происходит по-другому. Собеседники Татьяны Косиновой, выдающиеся личности российской оппозиционной сцены, действительно рассказывают о месте польской культуры в процессе формирования их диссидентской индивидуальности, но всё же это «отрывочные повествования». Случайность выбора иногда просто поразительна. Его феномен уравнивает между собой интеллектуальный статус отдельных источников вдохновения: выкройки из «Кобеты и жиче» здесь так же важны, как публицистика «Пшекруя», потому что невозможно символически перевести тоску по свободной жизни на язык романа или, скажем, общественной дискуссии. Русская интеллигенция могла — благодаря нашему посредничеству и знанию языка — читать польские переводы западноевропейской и американской беллетристики, а также научных трудов из области социологии, философии, психологии, но не слишком обращала внимание на явления, которые сегодня в Польше удостоились бы наивысших оценок. Более того, интерес к «польскому пути» был процессом непостоянным. Частота вдохновения зависела от политических, социальных и культурных последствий очередных «польских месяцев».

Отношение русских к проявлениям интеллектуальной жизни на берегах Вислы определенно можно было бы пропустить через фильтр типологии влияния Харольда Блума. Формулу этого соотношения определяли бы тессера, кенозис, апофрадес, но вряд ли они смогли бы охватить суть данного явления. Так что «Польский миф» кажется книгой, выросшей из духа меланхолии, который стремится вслед за тем, что утрачено раз и навсегда, и питает надежду, ведающую о невозможности осуществления. Исходная мотивация, которая следует из определенного таким образом писательского замысла, реализуется, несомненно, в энциклопедическом знании темы истории диссидентского движения в СССР — еще и с этой точки зрения чтение книги дает полное удовлетворение. Более того, благодаря ей можно полностью осознать различие между польским и русским оппозиционным опытом, а в контексте этого различия постоянство «героического этоса» непокорной мысли. Историчность предприятия состоит здесь скорее в борьбе с разочарованием, вытекающим из неиспользованных возможностей и упущенных шансов. Историчность, понимаемая не только как исторический ход некоего события, но прежде всего как погружение в поток времени, который охватывает наряду с героями повествования и самого автора, а с ним и читателей. Еще и поэтому самое меткое определение феномена «польского мифа» сформулировал Виктор Борисович Кривулин — филолог, поэт, эссеист, редактор независимых журналов «Северная почта» и «37» — заметив: «Вот Польша. Польскость как бэкграунд. Как почва, такой подкорковый центр культуры».

Меткость определения здесь не только в его краткости, но еще и в мыслительных последствиях метафоризации. Ведь подкорковый центр контролирует первичные реакции организма, одновременно обеспечивая саморегуляцию внутренних процессов. Обращение к польской литературе, прессе, польскому кино становилось для русского интеллигента во времена коммунизма способом естественной

* Книга стала первой публикацией из серии «Библиотека «Новой Польши»», издаваемой Институтом книги совместно с журналом «Новая Польша».

* Греция, взятая в плен, победителей диких пленила (лат.). Гораций. Послания. — *Прим. пер.*

защитной реакции. Дух польской свободы был подобен иммунологическому барьеру. Вместе с тем, однако, это вдохновение представляло собой интегральную часть независимого интеллектуального мира и должно оцениваться исключительно в его перспективе. Иными словами, ему никогда не стать орудием удовлетворения личных, национальных и социальных комплексов.

***

Удивительно, что русская проблематика в переписке Ежи Гедройца и Чеслава Милоша появляется только в 1958 году*. Первыми значительными импульсами стали присуждение Нобелевской премии по литературе Борису Пастернаку и замысел польского перевода «Доктора Живаго». С этого момента Россия уже неизменно присутствует в размышлениях и издательских планах редактора и поэта, а русский язык становится элементом языковой игры, которую они ведут между собой.

Из таких вот польских хитросплетений и сближений следовало бы, пожалуй, вывести «Русский миф».

KULTURA LIBERALNA

Яцек Глажевский — историк литературы, критик, переводчик. Работает в Институте польской литературы Варшавского университета, а также в фонде «Центр имени профессора Бронислава Геремека».

* Я пишу на эту тему в очерке «Милош, Гедройц, Россия» (в работе).

Анджей Фришке

ТРУДНЫЙ РОМАН С ПОЛЬШЕЙ

Эта книга необычна, если принять во внимание ее тему, автора, форму и людей, свидетельства которых собраны в ней. О России и русских в Польше чаще всего говорят либо плохо, либо ничего. Здесь мы находим свидетельства значения Польши и ее культуры для непокорной русской интеллигенции, а кроме того, поразительные порой точки зрения на Польшу.

Татьяна Косинова — журналистка, репортер и с 1988 г. работает в «Мемориале». В 1991 г. она начала брать интервью у советских диссидентов на тему их восприятия Польши и контактов с Польшей. Может быть, не только у диссидентов, а пошире — у интеллигентов, не поддавшихся советской индоктринации, открытых для культуры и либерально-демократической системы ценностей. На протяжении многих лет она собрала более ста интервью. Кроме того, она провела несколько бесед с польскими оппозиционерами, интересующимися Россией. Родилась книга, на страницах которой непокорные граждане бывшего СССР рассказывают о своих встречах с Польшей и поляками. Иногда эти рассказы касаются военных лет или времени сразу после войны, например встреч с поляками в лагерях. Однако главной точкой, с которой начинается систематическая рефлексия, стал 1956 год, время «польского октября» и советской десталинизации. С того времени для советской интеллигенции «Польша, действительно, послужила каким-то мостом в Европу, европейскую культуру, вплоть до культуры политической, начиная с культуры самой отвлеченной, культуры идей. Так получилось, что идеи философские, идеи театральные, кино — всё приходило к нам в основном из Европы через Польшу. То, что было запрещено или не допускалось просто-напросто из Европы, из мира мысли, мира искусства, мира политики XX века, к нам доходило с 1955-1956 года через Польшу. Я думаю, что трудно найти кого-то, кто вычитывал всё это по-венгерски. Хотя в Венгрии что-то печаталось, несомненно. А вот польский — всё-таки славянский язык, более или менее усваиваемый. И поэтому я знаю, что это доходило ко мне в Москве, так же это доходило до кого-то и в Литве. Я этих людей знаю. Это доходило через польские книги, через польские журналы, через польские газеты, через польское кино, через польский театр. И это не может быть забыто. Это, несомненно, доходило на польском языке. Это доходило с польскими акцентами, с польскими нюансами. Очень многое из европейской культуры, которое вошло, казалось бы, прочно в обиход какой-то интеллектуальной среды российской, вошло через Польшу. Так сложилось. А сложилось-то это недаром. Сложилось потому, что поляки этого добились. Или в Польше даже при коммунистическом режиме, не откровенно сталинском, просто было немыслимо сохранять тот режим в области культуры, который царил в этой несчастной стране. Это что касается «моста»», — говорит Вадим Козовой.

1956 год принес и непосредственные политические контакты между группой советских ревизионистов и группой еженедельника «По просту». Это один из наиболее поразительных для историка и до сих пор не описанных фрагментов тогдашних событий. Осенью 1956 г. в Московском университете несколько молодых историков создали подпольную группу: «...был расчет на то, что наконец начнется что-нибудь подобное тому, что я видел в Польше» (говорит участник группы историк Николай Обушенков). Лидером был Лев Краснопевцев. Весной 1957 г. они тайно встретились в общежитии с редакторами «По просту», приехавшими в Москву. Встреча стала возможной, так как учившиеся тогда в Москве Лия и Эрнест Скальские дружили как с людьми из группы Краснопевцева, так и с редактором «По просту» Элигиушем Лясотой. Он вспоминает — интервью с ним помещено в книге, — что гости из Варшавы были осторожны, призывали к умеренности. Русские были весьма радикальны. В июне группа Краснопевцева распространила около 300 листовок с призывом к забастовкам, открытым выступлениям на партийных собраниях и созданию рабочих советов. (Эти две задачи в особенности можно считать взятыми из польского опыта 1956-го.). Мы узнаём и о том, что они переводили ста-

тьи из «По просту» и обсуждали их. В конце августа — начале сентября 1957 г. начались аресты, а в феврале следующего года девяти членам группы были вынесены приговоры от 6 до 10 лет лагеря. Они вспоминают, что на следствии выяснялись подробности контактов с «По просту». Неизвестно, повлияло ли это дело на принятие решения о закрытии польского еженедельника.

О советских реалиях того времени информируют помещенные в приложении к книге документы ЦК КПСС, в которых даже совсем невинные книги и журналы, выходившие в Польше, оценивались как антисоветские и ревизионистские. В черный список среди прочих попали: «Штандар млодых», «Свят», «Мысль философична», «Нова культура» и «Вармия и Мазуры». Их проступки состояли в... критике сталинизма либо подражании «буржуазным» образцам. С польскими журналами боролись, радикально уменьшая их продажу, например, «Шпилек» с 1100 до 10-ти, а «Доокола свята» с 960 до 50 экземпляров.

В принципе, непосредственных контактов и сотрудничества между кругами непокорной польской и советской интеллигенции не было, не считая отдельного случая Булата Окуджавы. Однако наиболее значительным было культурное влияние, увлечение польской послеоктябрьской культурой. Об этом влиянии говорят, кажется, все собеседники Татьяны Косиновой, и этот сюжет может поразить многих польских читателей. Многие учили польский язык, чтобы читать так или иначе доходившие в СССР журналы: «Политику», но еще и «Пшекруй» или «Кобету и жиче», популярные тогда еженедельники с неполитической тематикой. Для читателя в СССР они были откровением благодаря иному стилю журналистики, языку, свободному от навязчивой идеологии, и открытости к Западу, к его культуре, в том числе и массовой. Покупались польские книги, пользовалась популярностью польская поэзия. Выходившие в Польше книги известных западных авторов, например Хемингуэя, Кафки, Беккета, Камю, были недоступны на русском языке, поэтому их покупали в польских изданиях. Увлекались польской школой кинематографии: многие собеседники Косиновой вспоминают «Канал» и «Пепел и алмаз» Вайды, а также фильмы Кавалеровича, Занусси или даже Форда. Они говорят, что польское кино было сравнимо с итальянским неореализмом, но более доступно. Их очаровывала романтическая аура польской культуры. Один из рассказчиков даже выдвигает тезис о том, что без Вайды не было бы Андрея Тарковского. Они восхищались польской графикой, фотографией и плакатом. Таким образом, Польша была окном на Запад, но воздействовала и через собственные, развитые на берегах Вислы темы. «...если говорить о литовском влиянии, то это скорее неоклассические мотивы такие, больше на Бродского, скажем, через Томаса Венцлову, который, в свою очередь, прекрасно знал польскую поэзию. Ну и то, скажем, как Бродский переводил Галчинского — он его делал как бы более классицистичным, чем тот есть», — говорит Виктор Кривулин.

Раз уж произнесено имя Бродского, нужно привлечь к чтению этой книги и всех, кто интересуется его творчеством и жизнью. Здесь собрано множество наблюдений и описаний его судьбы, связей, увлечений. Особенно интересны в этом аспекте воспоминания Инессы Завадской, между прочим, бывшей заключенной и судимой в Польше в 1968 г. за контакты с подпольной организацией ВСХСОН. Воспоминания Завадской — это еще и редкое сравнительное описание следствия в Польше, пусть в поздний период правления Гомулки, с аналогичными следственными действиями в СССР.

Необычно и свидетельство Булата Окуджавы, для которого польские контакты были исключительно важны. Его приключение с Польшей началось в 1961 г. со знакомства с Наталией Модзелевской, матерью Кароля. Он привлек ее внимание в тбилисском ресторанчике, когда отказался поднять тост за Сталина. Так они познакомились. Наталия Модзелевская привезла тогда пленки с записями его песен. «Пленка была просто — ах! И не только для меня. Тут Окуджаву наизусть знали, пели, как умели, но пели все, не только диссиденты», — вспоминает Кароль Модзелевский. В 1964 г., во время поездки в Польшу, Окуджава в Закопане встретился с Каролем Модзелевским и Яцеком Куронем и долго разговаривал с ними. Их арест в 1965 г. мог иметь последствия для советского гражданина, тем не менее в 1967 г. Окуджава встретился на квартире Куроня с только что условно освобожденным Яцеком и кругом его молодых друзей (естественно, в КГБ и ЦК КПСС был отправлен донос, его можно прочитать в приложении). Песни Окуджавы тогда были уже очень известны в Польше, многие учили их наизусть и напевали у костра, но выходили и пластинки, а визит в Польшу в 1967 г.

был связан, в частности, с концертом в «Стодоле». В Советском Союзе Окуджава создавал властям проблемы не только из-за своих неподобающих польских знакомств, но и благодаря гуманистическому акценту в творчестве. Чем привлекала его Польша? «Чувство собственного достоинства... Которое прикрывается, может быть, гонором иногда, но оно глубокое очень. И это мне нравится. И это не так часто распространено. Поэтому ценно... И, в отличие от нас, осознание своей свободы. Знакомство со свободой. Кровное. Потому что мы не знаем, что такое свобода. Мы знаем, что такое воля. А у поляков это есть. (...) У поляков есть уважение к закону, умение понимать закон. А мы этого не знаем. Уважение к личности, чего у нас никогда не было. Государство мы уважали, а личность — нет. И это дело многих лет, многих поколений. Это должно быть в крови...». Быть может, Окуджава оценивал Польшу через опыт общения с лучшими из нас, быть может, он смотрел на Польшу в долговременной перспективе. «...в отличие от России, в Польше было отменено крепостное право задолго до нас. И это сыграло очень большую роль. А у нас оставались рабами», — говорил он Косиновой, добавляя: «[Россия] плохо знает свою историю. Она всегда воспитывалась на победах и никогда — на поражениях. А поражения — это самые лучшие учителя».

Таких рефлексий касательно отношений или сравнений между Польшей и Россией немало. И они разнородны, зачастую очень интересны. «Простые советские люди всегда ругали власти за всё, что они имеют непосредственно, что можно пощупать. По отношению к внешней политике — вполне ортодоксальная реакция. Хотя все понимали, что всё это сплошное вранье, надувательство, грабеж, обман, но всегда поддерживали всё, что вовне», — говорит Александр Лавут. «Имперский синдром, который очень прочно сидит в сознании значительной части нашего населения, не только малообразованного, и который пестуется официальной пропагандой (сейчас она вновь заполняет телевизионные каналы), является достаточно мощным фактором, воздействующим на сознание людей. Вы посмотрите опросы, которые ведет Левада-Центр: Польша, поляки не пользуются в широких слоях населения тем уважением, которого они заслуживают», — считает Виктор Шейнис.

Эти наблюдения опубликованы в разделе, относящемся к восприятию «Солидарности». Пожалуй, все собеседники Косиновой были очарованы «Солидарностью», видели в ней великое движение против системы, необычность столь массовой активности, создававшей союз рабочих с интеллигенцией. И все они, видимо, не верили в долговечность польской революции, в ее победу, ожидая при этом жестокой интервенции, возможно, кровавой. С этой перспективы военное положение Ярузельского большинство оценивает как временную приостановку движения, преходящее и обратимое зло, так как оставались живыми люди, связи между ними, зачатки структур. Одновременно военный путч против общества скомпрометировал ленинскую идеологию, что имело свое значение. «Польский рабочий класс явственно показал всему миру, что польское государство объявило войну ему и всему польскому народу. Оно называлось будто бы пролетарским, и главная польская партия будто бы тоже пролетарская. Но она объявила военное положение против кого? — Против рабочего класса, против народа. И это оголило всю сущность коммунистического государства», — говорит Василь Овсиенко.

К большей активности, которая стала бы попыткой пойти похожим путем, они, однако, готовы не были. Диссидентская среда состояла прежде всего из интеллигентов. «У нас всё-таки были кухни, узкий круг людей, которые все друг друга знали. Людей много, люди прекрасные, но все друг друга знают. И всё-таки такая стена, не скажу от народа, но от основной массы населения. Стена непонимания была», — считает Елена Санникова. К тому же следует помнить, что после крупных репрессий второй половины семидесятых, после многочисленной эмиграции диссидентское движение было серьезно ослаблено. Никто не вспоминает о контрабанде польской прессы, о переводах статей из польских газет, как это делалось в 1956 году. Правда, с осени 1980 г. польскую прессу в СССР не допускали, но знаменательно отсутствие упоминаний о попытках как-то добывать ее. Тем не менее стоит вспомнить Олега Орлова, который в 1981 г. напечатал и распространил несколько сот листовок, по большей части касавшихся Афганистана, но также и с выражениями симпатии к «Солидарности» и с осуждением возможной интервенции. Во многих беседах возникает вопрос, почему движение по типу «Солидарности» было невозможно в СССР. Ответы звучат убедительно: разобщенность и низкий уровень сознания рабочего класса, отсутствие связей между рабочими и интеллигенцией, отсутствие

независимой Церкви, так как русская Церковь была подчинена власти. Кроме того, многонациональный характер СССР. «Мне кажется, что только Андрей Дмитриевич представлял себе такой же путь для России, какой был у Польши», — говорит Лариса Богораз.

Попыткой упорядочить сюжеты, систематизировать различия между Польшей и Россией, польской и русской интеллигенцией, стали беседы с российскими социологами, которые имели контакты с социологами польскими: Юрием Левадой, Владимиром Ядовым, Борисом Фирсовым, Борисом Дубиным.

В последний раздел «Вместо заключения» Татьяна Косинова включила три интервью с поляками, для которых русская культура была и остается важной, а советские диссиденты стали вдохновением и надеждой — Адамом Михником (польский перевод напечатан в «Зешитах литерацких» №117), Анджеем Дравичем и Каролем Модзелевским. Эти интервью служат дополнением к более ранним, сосредоточенным на определенных периодах или событиях, как рассказ Збигнева Ромашевского о встрече с Сахаровым в 1979 году. Рассказ Модзелевского выходит за пределы очерченной темы Польши, затрагивает русские мотивы на фоне истории его собственной, необыкновенной жизни, корни которой в Москве. Это волнующее автобиографическое повествование, нигде до сих пор не представленное с такой глубиной.

Беспокоит то, что интерес к Польше и ее культуре, кажется, ушел в прошлое, подобно тому, как в Польше едва ли горстка людей интересуется культурой и историей России. Кажется, эти пути начали расходиться в семидесятые, а особенно в восьмидесятые годы. Не только из-за непроницаемых барьеров, установленных для того, чтобы за Буг не попадали идеи и примеры непокорности. Ослабление, в том числе интеллектуальное, диссидентского движения привело к тому, что в ключевые для Польши годы возрождения, связанного с историей КОС-КОР и «Солидарности», соответствующего партнера не оказалось. Так произошло еще и потому, что диссидентское движение было сконцентрировано на правах человека, свободе слова, свободе культуры, но не решалось попытаться сконструировать программы политических преобразований. Польское оппозиционное движение исходило из подобных же ценностей, но достаточно быстро придало им форму программ борьбы за преобразование общественной жизни. А они были связаны с конкретной польской ситуацией и состоянием общества. Когда наступили «перестройка» и «гласность», только очень немногие поляки, среди них в особенности Михник, восприняли это как настоящие перемены и внимательно следили за событиями в СССР. Они, однако, имели свой, специфический характер, достаточно далекий от того, чем были увлечены поляки. Так оно и осталось. Польша по-прежнему переживает реакцию на долгие годы советской пропаганды, «дни советской культуры», принудительное изучение русского языка, жертвой чего становятся, кстати, великие произведения и имена русской культуры. Мы стараемся подчеркнуть связи с Западом, черпая примеры оттуда, особенно из англосаксонской сферы. Другие ищут их в традиции, особенно в антирусской. Поляки в своей массе остаются обращенными к современным продуктам поп-культуры, агрессивность которой маргинализует воздействие культуры подлинной. Немного находится любителей читать трудные книги, и не только русских писателей. Тем не менее попытаться стоит.

В заключение имеет смысл дать слово автору книги: «Мало кто имел о Польше и поляках эмпирические, а не умозрительные представления. При этом любили и сочувствовали, не надеясь на взаимность. В чем-то эту любовь по мере ее тщеты и безнадежности можно сравнить с любовью поляков к Франции. С той разницей, что в любви советских диссидентов было меньше претензий: в большинстве своем люди образованные, они знали историю и отдавали себе отчет в том, что у них нет и быть не может никаких оснований на взаимность».

Татьяна Косинова. ***Польский миф. Польша глазами советских диссидентов.***
Краков-Варшава: Институт книги — «Новая Польша», 2012.

ZESZYTY LITERACKIE

ФОТОГРАФИИ ЖЕРТВ СТАЛИНА КАК ПОСМЕРТНЫЕ МАСКИ, СНЯТЫЕ ПРИ ЖИЗНИ

Альбом Томаша Кизного «Большой террор»

«В течение 470 дней Большого террора в СССР расстреливали, если брать статистически, по 1600 человек в сутки, или в среднем — одного человека в минуту на протяжении 15 месяцев и 12 дней, днем и ночью», — пишет Томаш Кизный. Этот фотограф и журналист в течение нескольких лет работал над альбомом об одном из величайших сталинских преступлений. Сильнее статистических данных потрясают лица жертв — официальные портреты, выполненные палачами. Потому что арестованных фотографировали.

Исполнилось 60 лет со дня смерти Иосифа Сталина — смерти, которая завершила эпоху сталинизма и положила начало «оттепели» в странах коммунистического лагеря. Большой террор — это кульминационная стадия сталинских репрессий конца 30-х годов XX века. Он не был ни первой, ни последней волной террора советского государства по отношению к собственным гражданам, однако характерной особенностью этой волны чисток была прежде всего универсальность. Если проводившиеся до этого репрессии касались определенных социальных групп или слоев, то в 1937 г. объектом террора стало всё общество. Террор был тотальным и в географическом аспекте: в 1937-1938 гг. массовые репрессии охватили весь Советский Союз, в результате чего аресту подверглось 1,7 млн. человек, из которых 750 тыс. были расстреляны, а в последующие годы, как оценивают историки, еще 350 тысяч из числа арестованных умерли в лагерях.

Детальная подготовка запланированной в небывалых масштабах кампании террора и руководство ею осуществлял лично Сталин, а также несколько его ближайших сподвижников из политбюро ВКП(б). Секретный приказ НКВД №00447 от 30 июля 1937 г. устанавливал «лимиты террора», то есть число лиц, подлежавших аресту в отдельных регионах, с разбивкой по видам приговоров, которые им следовало вынести. «Первая категория» означала людей, подвергавшихся немедленному расстрелу, «вторая категория» касалась лиц, которых надлежало приговорить к многолетнему заключению в лагерях.

■ Фотографы из НКВД не успевали

Арестованных фотографировали. Известно, что четыре московских тюрьмы НКВД обслуживало подразделение, в штат которого входили три фотографа. Работали они попеременно, неся круглосуточные дежурства. И не успевали. Фотоснимки требовалось делать вскоре после ареста. Но многих из жертв фотографировали за день или два перед расстрелом, а нередко и в день казни. Эти фотографии охватывают все социальные слои: бездомных, рабочих, крестьян, интеллигенцию, духовенство, служащих, армейские кадры — вплоть до высоких партийных функционеров и заправил органов госбезопасности.

■ Посмертные маски, снятые при жизни

Томаш Кизный: «Тюремные фотографии расстрелянных десятилетиями лежали в секретных архивах, а когда в начале 90-х они впервые увидели дневной свет, то стали одним из самых красноречивых визуальных свидетельств преступлений советского коммунизма. Фотографии жертв большой чистки представляют собой нечто наподобие посмертных масок, которые снимают с лица умершего, чтобы сохранить отпечаток его облика, — с той лишь разницей, что снимали их при жизни, иногда всего за несколько часов до смерти. Вопреки намерениям палачей, которые приговаривали своих жертв не только к смерти, но и к забвению, сегодня эти фотографии пробуждают память об отдельных жертвах террора — индивидуальную память о тех, кто должен был исчезнуть навсегда «без права переписки».

Кизный в альбоме «Большой террор» объединил снимки жертв Сталина с сегодняшними фотографиями их детей (иными словами, ныне людей пожилых). И, хотя со времен террора прошли долгие десятилетия, эти люди по-прежнему борются с травмами от тогдашних событий. Кизный добрался также до нескольких десятков мест, где захоронены жертвы сталинского безумия. Это, в свою очередь, показывает, как с указанной травмой справляется власть.

Спустя двадцать с лишним лет после падения коммунизма городские власти Томска позволяют заваливать овраг на Каштачной горе строительными отходами. Останки нескольких тысяч убитых покоятся где-то под грудами щебня и мусора, так что сегодня их уже невозможно найти. Власти Белоруссии, со своей стороны, ничего не делают с массовыми захоронениями в Куропатах под Минском. В школьных учебниках Куропаты не существуют. И, как напоминает Томаш Кизный, «Белоруссия — это единственная страна в Европе, где до сего дня приводятся в исполнение смертные приговоры. Осужденным стреляют в затылок, и их тела не выдают семьям, а захоранивают в неизвестном месте». Абсолютно так же, как в 1937 году.

■ Алексей Желтиков, 34-я позиция в списке

Алексей Желтиков появляется в нескольких местах альбома Томаша Кизного. Окаменевшее от страха лицо (снимок с обложки альбома) надолго остается в памяти. Еще одна работа фотографа-энкавэдэшника. Что мы знаем о его жертве? Тот не был кем-либо известным. 47 лет, слесарь. Родился в деревне Демкино Рязанской губернии. Имел начальное образование. Был коммунистом, но вышел из партии в 1921 г. в знак несогласия с новой экономической политикой. Работал в ремонтных мастерских московского метро. Жил в Москве. Арестовали его 8 июля 1937 г. и 31 октября того же года приговорили к расстрелу по обвинению в «участии в контрреволюционной группе, готовившей террористические акты».

---

* Блохин проводил расстрелы с 1924 г. по 2 марта 1953-го. В 1940 г. руководил расстрелом интернированных польских офицеров в пос. Медное под Тверью, лично расстрелял около 700 человек. В 1945 г. дослужился до звания генерал-майора.— *Пер.*

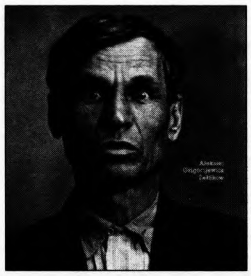
Сохранился приказ о приведении в исполнение смертных приговоров на 38 человек, подписанный председателем Военной коллегии Верховного суда СССР Василием Ульрихом. На документе около каждой фамилии цветным карандашом изображены «галочки». Они проставлялись тюремной обслугой — должностными лицами, которые перед казнью проверяли личность приговоренных, а затем палачами после расстрела каждого из тех, кто был в списке. 34-м там идет Алексей Григорьевич Желтиков.

■ «Примите тридцать восемь /38/ трупов»

На том же самом документе есть приписка (сделанная от руки красным карандашом). Это акт, подтверждающий совершение казни. «Приговоры Военной коллегии к расстрелу в отношении тридцати восьми указанных в этом документе осужденных исполнены 1/XI-37 г. комендантом НКВД СССР т[оварищем] Блохиным в присутствие [так в оригинале] зам. Прокурора Рогинского Г.К.». И от руки же — две подписи палачей.

Сохранилась также «Служебная записка», направленная директору московского крематория: «Примите тридцать восемь /38/ трупов, для немедленного сожжения».

Прах Алексея Желтикова находится на московском Донском кладбище — одном из некрополей террора. Томаш Кизный: «В 1955 г. на почетном месте, близ главных ворот кладбища, похоронили долголетнего палача НКВД Василия Блохина*, который собственноручно расстрелял несколько десятков тысяч человек и на протяжении многих лет бывал частым гостем в Донском крематории, где лично осуществлял надзор за сжиганием тел своих жертв. Совсем рядом удостоен надгробного памятника его «товарищ» по расстрельной команде Петр Яковлев. Прах их жертв лежит неподалеку в безымянных захоронениях, так называемых могилах невостребованных прахов, расположение которых до сих пор остается сомнительным».



■ Некрополи террора.
Могилы жертв десятилетиями оставалось тайной

«Лишение жертв не только жизни, но даже права на могилу и память — это действие, особенным способом нацеленное в их человеческое достоинство. Поэтому отыскать место — это до известной степени акт искупления, жест человечности против варварства палачей», — пишет Кизный.

Вторая часть его альбома — это современные фотоснимки мест казни и могил жертв, расположение которых десятилетиями держалось в тайне. К настоящему моменту идентифицировано около 100 точек коллективных захоронений на территории бывшего СССР. Кизны побывал с фотоаппаратом в 30 местах казни и массовых погребений: в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Саранске, Ульяновске, на Сахалине, в Хабаровске, Владивостоке, Иркутске, Томске, Кемерове, Колпашеве Томской области, Екатеринбурге, Челябинске, Тюмени, Петрозаводске, Медвежьегорске, Сыктывкаре, Воркуте, Киеве и Минске.

■ Раз я знаю, где покоятся ближайшие родственники, моя душа спокойна. Могу уже умереть

О значении места может свидетельствовать высказывание 80-летней Елизаветы Шаталовой, отца которой благодаря исключительному стечению обстоятельств удалось опознать вместе с еще 47 жертвами в одном из расстрельных рвов в Дубовке под Воронежем: «Когда удалось установить, где похоронен отец, это дало мне утешение. Теперь я знаю все места, где покоятся мои ближайшие родственники. Моя душа спокойна, я уже могу умереть».

Книгу Кизного завершает современная фотография московской лестничной клетки на Садово-Черногрязской, 3. В этом доме в квартире 41 жил Алексей Желтиков. По этой лестнице в июле 1937 г. поднимались за ним энкавэдэшники.

gazeta wyborcza

Альбом «Большой террор. 1937-1938» вышел по-французски в издательстве «Noir sur Blanc» (Лозанна) и по-польски как совместная публикация издательств «Агора», «Беллона» и Национального центра культуры в начале марта 2013 г. к 60-й годовщине смерти Сталина.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- Ежи Стемповский о Лве Шестове
- Беседа с Губертом Орловским, Мареком Домбровским
- Анджей Стасюк специально для «Новой Польши» о культурном наследии, которое не признает границ
- Анджей Фришке, Яцек Глажевский о «Польском мифе» Татьяны Косиновой

Проза
Яцек Денель

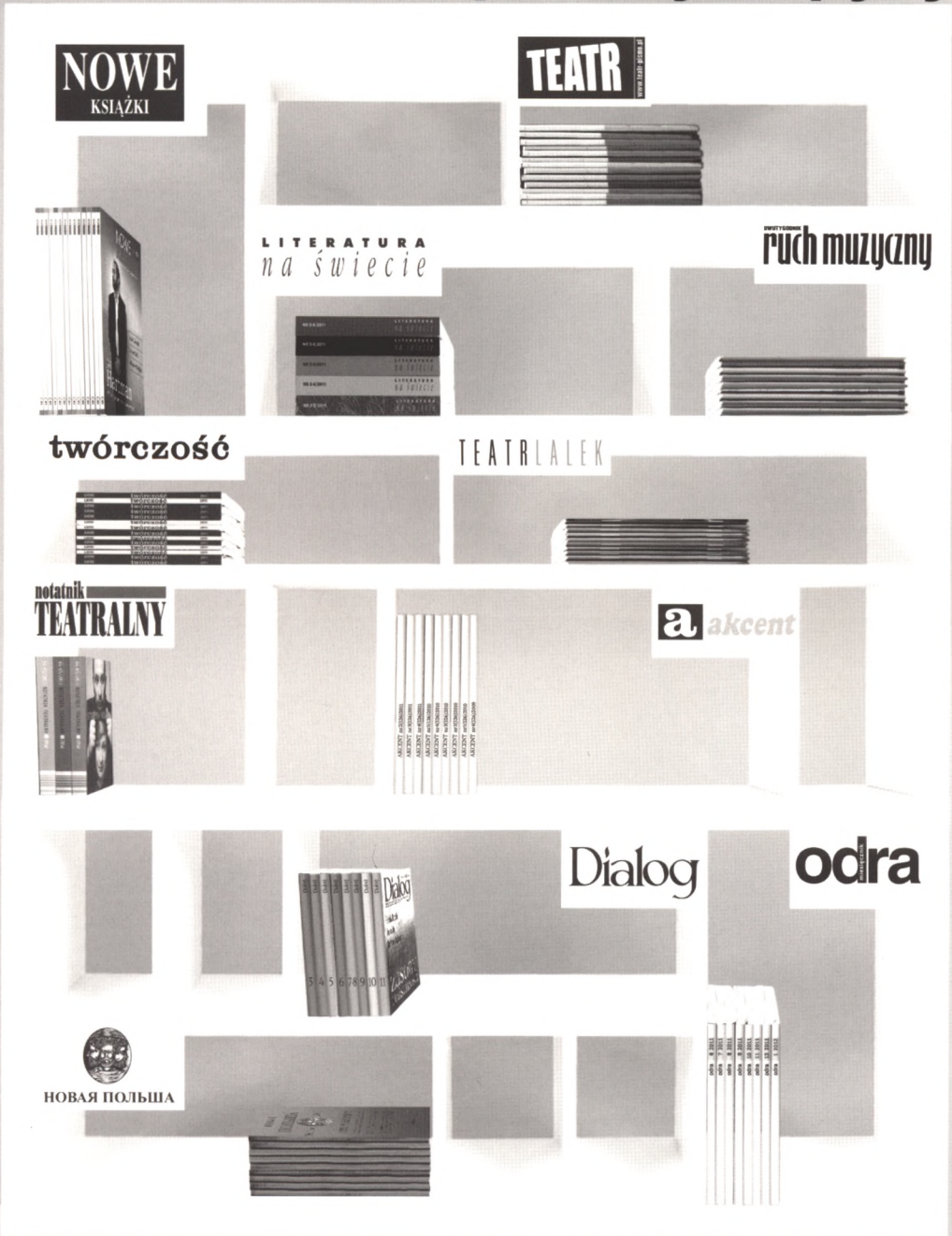
Стихотворения
Милош Беджицкий

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:www.novpol.ru

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

Достаточно протянуть руку



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589
9 771508 558133 05